

Юз Алешковский

СМЕРТЬ В МОСКВЕ

2. Вся денежная масса, находящаяся в распоряжении государственных, кооперативных и общественных предприятий, организаций и учреждений, а также магазинов, подлежит обязательному включению в обменные пункты.

Разменная монета, которая не подлежит и остается в обращении по номиналу.

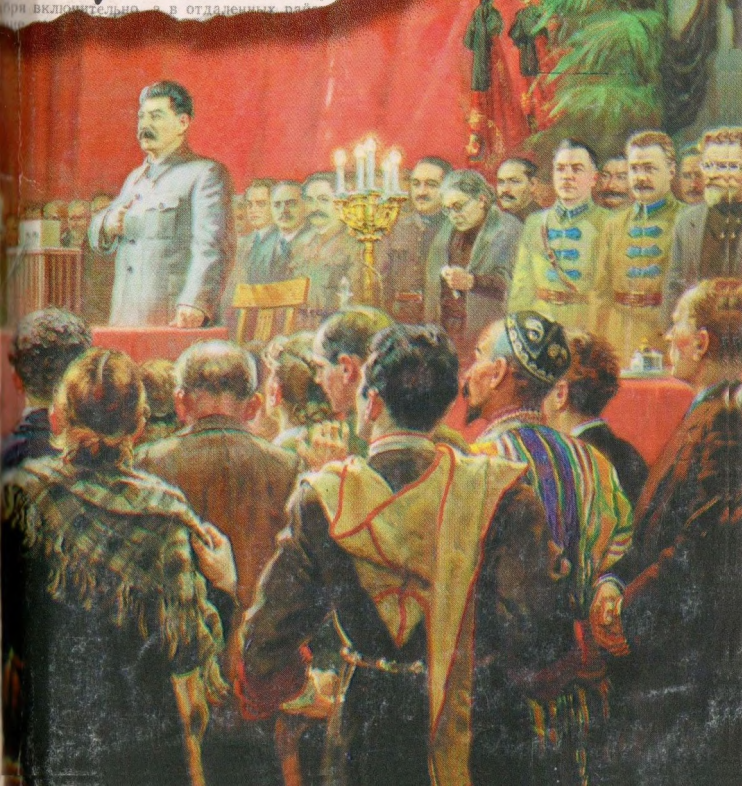
3. Проведение обмена старых денег на новые в обменных пунктах в Москве и Московской области с 16 декабря 1947 года возлагается на Государственный банк СССР.

Обмен денег во всех территориях СССР производится в течение недели, то есть начиная с 16 декабря 1947 года включительно, во всех отдаленных районах.

будут производиться в обычном порядке.

9. Денежные средства, находящиеся в текущих счетах кооперативных предприятий, а также в кассовых аппаратах, сменяются за пять рублей, а не за пять копеек.

10. Окончательный контроль за выполнением обмена денег.

Юз Алешковский

СМЕРТЬ В МОСКВЕ

СОЧИНЕНИЕ НА ВОЛЬНУЮ ТЕМУ

МОСКВА ВАГРИУС 2000

УДК 882-32
ББК 84Р7
А 49

*В оформлении обложки использован фрагмент картины
А. Герасимова «Клятва»*

Дизайн Т. Гусейновой

*Охраняется законом РФ об авторском праве.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
запрещается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона будут
преследоваться в судебном порядке.*

ISBN 5-264-00240-1

© Издательство «ВАГРИУС», 2000
© Юз Алешковский, автор, 2000

Двум смертям не бывать, а одной не миновать.

При работе над этим сочинением автора вдохновляли основоположения, почерпнутые из выдающегося методологического исследования покойного Дмитрия Николаевича Никифорова (Дюди) «Мел и тряпка на уроках истории».

ГЛАВА ПЕРВАЯ

В тот самый день Лев Захарович посмотрел на себя голого в зеркало. Зеркало было трофейным. Его вывезли из имения Гиммлера и вделали в стену ванной в квартире Мехлиса.

Замечательно красивое, массивное, с совершенной, безупречнейшей амальгамой зеркало кого только не повидало на своем веку. До Гиммлера оно располагалось в будуаре одной знатной немецкой баронессы. А перед тем как попасть в Германию, жило-поживало в сыроватом дворце бывшего венецианского дожа... Потомок дожа пропил это зеркало...

И вот стоит Л.З. нагишом перед породистым, перед аристократичным зеркалом и не нравится себе. А бывало, вылезет он из ванны, из овальной мраморной ванны, которую выколупали из геббельсовской загородной бани, встанет вот этак, смотрит на свое человеческое тело и замечает в нем приятнейшее разлитие бессловесной мысли, называемой брюзгливыми моралистами самодовольством...

Ах, как мило думалось, бывало, Л.З. о сног-

сшибательной удаче всей своей жизни, о карьере своей и прочном положении.

Сколько умников и везунчиков гниют в Зазеркалье, а он поднялся над ихним прахом до головокружительных высот и неоспоримого влияния. И все благодаря исключительно выразительной физиономии...

Как попалась она однажды на глаза Сталину, так прочитал он на ней письма, весьма поразившие главного злодея.

Главный злодей вдоволь уже начитался на различных рылах, рожах и харях большевистских своих подручных заверений в беззаветной преданности и готовности к преступлению против норм человеческой морали.

Но такой отталкивающей преданности, извращенной готовности к подлости и коварству, такой трижды собачьей любви к нему и ужасной, крысиной страсти к бюрократическому садизму главный злодей давно уже не читал на физиономиях политработников нового типа. Не выделить Л.З. из их толпы было бы неразумно.

Выделили... Пошел в гору по удобнейшему пути к вершине власти, вымощенному трупами врагов и друзей без различия пола, возраста, национальности и вероисповедания...

На вершине же власти местечко у Л.З. было не из самых близких к Сталину, но все-таки и он опирался во время парадов и похорон скинутых с Мавзолея сослуживцев на кровавый бруствер мраморной усыпальницы Ленина — родителя нынешних властолюбцев...

В войну Л.З. вместе с Буденным провалил

крымскую операцию, поскольку был безграмотным, но всесильным представителем СВГ.

Он тупо сковывал политическим руководством, смертельным для всякой нормальной человеческой деятельности, инициативу ремесленников Отечественной войны, а солдаты и офицеры подыхали и уродовались на поле напрасного боя.

Сошло ему это с рук, потому что вторую такую сволочь, как Л.З., трудновато было бы сыскать Сталину в разгар войны с вероломным другом.

Воевал, то есть мешал людям воевать, Л.З. с искренним воодушевлением. Ведь для него это была дважды война. Как еврей и политработник, он считал себя основным врагом фашизма. Фашизм, соглашаясь с этим, бил на полях войны всех без разбора, а вот при пленении выборочно и в первую очередь уничтожал «жидов и комиссаров».

Надо сказать, что сам Л.З. еще в тридцатые, памятные для романтиков гнусной утопии, годы затравил и уничтожил, предал и замучил огромное количество евреев и политработников и справедливо считался на сталинском мясокомбинате неподкупным рыцарем партийной бойни.

Но то были свои, так сказать, «жиды и комиссары», и не ты их — они тебя вздернули бы на дыбу, они бы тебя схавали и блаженно поковыряли бы в гнилых дуплах палаческих зубов бамбуковыми зубочистками.

Л.З. и не считал себя вовсе евреем. Наобо-

рот, блестяще превозмогал все ощущения, или, как теперь говорят, комплексы, связанные с рискованнейшим происхождением...

Настоящий сталинец — это нечто большее, чем происхождение и, если уж на то пошло, чем человек. Именно поэтому Л.З. страстно выискивал братьев евреев среди намеченных жертв, соревнуясь с товарищем Кагановичем — братоубийцей номер один.

А вот на фюрера Л.З. ужасно обозлился. Потому что в случае победы — вариант этот навязчиво обмозговывался в критический момент войны — кому-кому, а Л.З. надеяться было не на что и не на кого.

Пожалуй, комиссаров высокого пошиба фюрер частично помиловал бы после исторически необходимых унижений побежденной шайки, но комиссаров-евреев показательно вздернул бы на ВДНХ, возле павильона свиноводства...

Сталин, кстати, очень живо интересовался фото- и кинодокументами, запечатлевшими различные зверства гитлеровцев на оккупированных территориях. Л.З. в высшей степени оперативно Сталину их поставлял, и, бывало, сидят они в уютненьком дачном кинозале, развалившись в креслицах, а на задрапированном по краям алым бархатом экране бредут толпы обреченных на уничтожение евреев... Стариканы... старухи... юношество... детишки, которые и понять-то ничего не в силах, потому что не успели еще пожить и достаточно трезво ознакомиться с тем, что представляет собой славный человеческий род в эпоху полного осатанения...

В отдалении от толп обреченных — сверхчеловеки-конвоиры с собаками... Горы разложившихся трупов... Кости... Черепа... Тюки волос... вороха одежды... Вот мелькнул обративший на себя внимание неглупого оператора медальон с портретом товарища Сталина...

— Что делают, сволочи, — сказал тогда Сталин.

Члены политбюро, помнится, озадаченно переглянулись. Не ясно было, к чему призывает голос вождя. Что следует делать: сокрушиться или заплодировать? Инстинкт коллективного самосохранения подсказал: промолчать с двояко истолковываемым значением.

Вот и вглядывался Л.З. в свою выразительную физиономию, стоя перед старинным зеркалом, а остальных частей тела даже не замечал. Ему было не до них...

Вчера он получил от своих многолетних любовниц и осведомительниц — Верлены и Версты — достовернейшую информацию о подготовке Сталиным выселения евреев из Москвы. Тогда-то и созрела в его хитрованной голове страшная догадка... Сталин на кинопросмотрах доходил чуть ли не до оргазма от толп расстрелянных, отравленных и сожженных в печах крематориев евреев!..

А в довоенные годы он делал все для того, чтобы возбудить и обострить зависть и ненависть к евреям не только в очумевших от ужаса великих перемен обывателях, но и в людях, никогда не опускавшихся до удручающе бездарных размышлений о якобы изначальной злобности всего еврейского народа...

Продолжая стоять нагишом перед зеркалом, Л.З. изнемогал от нескрываемой ненависти к Сталину и думал так:

«Ах ты, рябая мразь, сука-блядь... Значит, для того делал ты нас до войны высшими чиновниками, чекистами, штабистами, академиками, конструкторами самолетов и танков, прокурорами, газетчиками, разведчиками, кинорежиссерами, дирижерами оркестров, директорами заводов, скульпторами, дипломатами, писателями, поэтами и прочими жополизами?.. Для того ты ввел перед самой войной указ о наказании лиц, оскорбляющих национальное достоинство евреев?.. Для того и меня с Кагановичем — о других маразматиках я уж не говорю — вывел ты в палачи, чтобы теперь прихлопнуть нас всех вместе, харкнув на наши заслуги и на время наших жизней, закланное на твоих блядских заседаниях и ночных изнурительных бдениях?.. Ты, волк, терпеливо ждал своего часа... Ты чуешь, что вот-вот подохнешь или от хвори, или от яда Лаврика, и ты спешишь захватить нас с собой в могилу... На остальных мне плевать, но я-то служил тебе верой и правдой... Как покажусь я тебе на глаза со своей выразительной физиономией, чтобы мне обварили ее серной кислотой, чтоб мне ее ошпарили крутым кипятком?.. Вот сколько мыслей прочел бы ты сейчас по этим сволочным морщинам, по гунявости дрожащих губ, по запывавшим мочкам ушей, по вытаращенным моим фарам, по загулявшим безудержно желвакам и кадыку, сдавившему глотку...»

Л.З. чуть не задохнулся от ненависти к Сталину и к своей выразительной физиономии. Благодаря ей он вознесся на вершину власти. Не погибать же преждевременно оттого, что завтра идти к Сталину на прием с этой вот самой физиономией, а на ней явственно будет написано черт знает что?..

Прочтет мгновенно и перечитывать не станет... До дому не доедешь... Хорошо еще, если просто шпокнут, как Михоэлса... Могут ведь и жилы вытянуть на Лубянке... Ах, сука-блядь, рябая харя...

Л.З. взял себя в руки. Влез в пижаму. Дюжину таких пижам из плотного китайского шелка, необыкновенно родственного человеческой плоти и чудесно располагающего к внеслужебной неге, преподнес ему начальник интендантской службы советских оккупационных войск в Германии. Много чего еще преподнес ворюга, мародер-оккупант Л.З., когда Министерство Госконтроля СССР занялось делом о чудовищных хищениях различных ценностей из частных коллекций и музеев разгромленного рейха...

Так что квартира Л.З. как-то сама собой превратилась в богатейший, но нелепый приватный музей. Старинное оружие висело на стенах в бездарном беспорядке. Меч шестнадцатого века скрещен был с чуть ли не доисторической дубиной, которой Л.З. в минуты крайней раздражительности колотил адъютанта и домработницу.

В изумительных золотых кубках рыцарских

времен торчали бумажные гвоздики и розы, покрытые крысиной пылью. Л.З., возвращаясь с красноплощадных демонстраций и парадов, прихватывал домой бумажные цветы, которые демонстранты бросали к подножию Мавзолея. Дома он втыкал розы, гвоздики и гортензии в благородные горла кубков, и ему по невежеству ни разу не пришло в голову, что это не цветочные вазочки...

В общем, гораздо легче было бы составить инвентаризационный акт, где и расположились бы в законном порядке униженные и оскорбленные плебейским отношением чудесные вещи — картины, посуда, одежда, драгоценные миниатюры и не имеющие цены фолианты, — чем пытаться достойно их описать, равным по красоте и духу благородства слогом...

Но вот при виде чего не выдерживало сердце, вот при виде чего прикасалось оно поневоле к постылой природе зла и безжизненно, с убывающей в небытие болью примерзало к пошлому этому злу, как язык дитяти примерзает к жестоким заиндевевшим металлам зимних улочек существования...

За клавишами — собственность Геббельса, — на которых играл в свое время сам Гайдн, возле серой отопительной батареи, боком прислонена была к стене старинная шотландская арфа.

И вот на струнах этой арфы, на бессмертных струнах, выделанных, казалось, не из бычьих и бараньих кишок, а из трепетных жил самого времени, Л.З. привык развешивать самолично

выстиранные носки. Поскольку иногда он при-
барахлялся в генеральский мундир и натягивал
шевровые сапоги, на струнах вывешивались
также для сушки стиранные портянки.

Процесс стирки сообщал существу Л.З. ощу-
щение величавой простоты, так якобы свой-
ственной легендарным личностям при их час-
тичном отказе от услуг камердинеров и муже-
ственном возвращении к назидательному для
потомков самообслуживанию...

Какой бы ни была прочной высокомерная по
отношению к разрушительным стихиям древе-
сина униженного и оскорбленного инструмента,
как бы туго и, так сказать, раз навсегда ни были
натянуты увешанные носками и портянками
примолкшие струны, подлые испарения высти-
ранных сырых тряпок въедливо надоедали им,
подтачивали здоровье и бесили порой до вы-
нужденного самозвучания...

От еле слышных стонов бедной арфы Л.З.
раздражительно просыпался, злобно брал трубку
и будил ночного сантехника. Будил и гово-
рил, что скоро его расстреляют к чертовой мате-
ри, если он не наведет порядок в системе ото-
пления министра Государственного контроля...
«Почему, я вас спрашиваю, поют трубы?.. Поче-
му пердят батареи?.. По-че-му буль-ка-ет и сто-
нет?.. Захотел на уран?.. Ликвидировать стон...»

Что уж там происходило с телом и душою
арфы в строго музыкальном смысле, нам неве-
домо, но Л.З. просто не могло прийти в темную
голову, что это арфа шотландская издает вы-
нужденные стоны, взывая о помощи и о спасе-

нии к Силам, вызвавшим ее к жизни в незапамятные времена, а вовсе не в системе отопления происходит досадная возня пузырей воздуха со струями горячей воды... мать их так и разэдак...

Обычно, выходя из ванной, Л.З. оглядывал разнообразные трофейные драгоценности с привычным, плебейским, мстительным удовлетворением.

«Ну что, господа Геббельсы, Гиммлеры, Геринги, Розенберги, Штрейхеры и Круппы?.. Доигрались?.. Где вы сейчас?.. Кто вам щекочет пятки?..» — говорил всем своим видом Л.З., и домработница притаранивала ему завтрак на посуде с герцогскими, графскими, баронскими и прочими вензелями.

А тут, после ужасной догадки о патологической юдофобской сущности Сталина, Л.З. вышел из ванной, растерянно оглядел пространство своей квартиры, потоптался в гостиной и вдруг ощутил на себе неприязненный взгляд «Молодого человека» работы Ван Дейка из коллекции фон Папена. Только Сталин и Берия могли себе позволить бросать временами подобные взгляды на Л.З., да и то в деловой обстановке по конкретному какому-нибудь поводу.

— Сволочь... антисемит, — сказал вслух Л.З. и тут же споткнулся о подвернувшийся ковер — подарок Муссолини Герингу за вклад в успешные бомбардировки Аддис-Абебы. Ранее с ковром этого никогда не случалось...

Чтобы не грохнуться, потеряв равновесие, Л.З. ухватился за бронзовую ручку громадного

буфета — утварь французского какого-то монарха из коллекции Геббельса, — буфет покачнулся, и с верхотуры его непостижимым образом свергнулся мраморный бюст неизвестной исторической личности с нахлобученным на белый череп курчавым, седовласым париком — хулиганская проделка Гиммлера.

Бюст Л.З. задел, но парик вдруг отвалился, отклеился, и хозяин частного музея заинтересовался чернильною печатью на его пергаментно-желтой изнанке.

Прочитал кое-как фразу и с ужасом отбросил от себя парик... То есть не парик это был, а скальп, снятый с головы мудрейшего раввина Кельнской синагоги в 1937 году...

На счету у самого Л.З. было немало расстрелянных и отправленных на каторгу раввинов. Священнослужителями иных религиозных культов он старался не заниматься, а вот в плюгавом желании откреститься в глазах Сталина от еврейского своего неудачного происхождения буквально горел Л.З. всей своею грязной кровью и черной душой...

Он доставлял сводки об уничтоженных раввинах, хасидах, каббалистах, талмудистах и прочих, как любил выражаться Сталин, начетчиках в кабинет Хозяина.

Сталин просматривал их... Однажды он сказал на совещании:

— До этого Льва у нас в «Правде» работали одни жалкие ослы и шакалы.

От одной только этой фразы Л.З. почувствовал себя наконец таким счастливым и обнов-

ленным человеком, как будто лично товарищ Сталин на глазах у всех членов политбюро сделал ему заслуженное переливание крови с предварительной продувкой и шуровкой всех венозных и артериальных сосудов от наследственной живительной влаги...

Действительно, такая похвала означала не просто признание трудовых заслуг заводу печати ЦК в период решительного уничтожения даже потенциальных врагов сталинизма. Она означала, что Сталин по-деловому констатировал органическое перерождение Л.З. из проклятого еврея в коммуниста, в человека нового типа.

Почувств себя счастливым, он даже отпустил «линкольн» и прошелся пешочком. Идти было слегка непривычно. Что-то явно происходило с походкою и дыханием, но Л.З. тихо и нежно отнес помехи в ходьбе не к сидячему образу жизни в кабинете и автомашине, а к долгожданному эффекту психобиологической реконструкции всего своего существа. Он как бы сошел только что, одним из первых, с невиданного в истории сталинского конвейера, пущенного еще в легендарном семнадцатом, но ожидавшегося сборки решающей модели человека нового типа в цехах Страны Советов.

Долговато все же пришлось собирать эту модель... Долговато... Нам было, пожалуй, потрудней, чем медлительной природе... Как-никак у нее было навалом сырья, полуфабрикатов, дополнительных мощностей и неприпрятанных врагами эволюции резервов.

Нам же пришлось из-за неимения всего этого заняться суровой и безжалостной предварительной разборкой косной природы модели... Пришлось кромсать к чертовой матери человеческий материал, когда не желал он быть распоротым по шву... Пришлось выжигать кипящим свинцом и каленой сталью омерзительные культурно-этические наросты на душах, в сознании, в памяти... Пришлось перекраивать не единицы, но массы... приходится и ныне брать — подчас буквально с потолка — рабочие идеи, а затем уже подгонять под них реальную действительность и населять ее идеальными примерами жизни нового человека в обществе, труде, искусстве, науке, спорте и сельском хозяйстве.. Сборка — дело тяжкое... Сколько пришлось и приходится еще, к сожалению, бороться с процессами отторжения советскими людьми новых органов власти, новых, совершеннейших карательных органов, новых органов правосудия и госконтроля...

Не обошлось у нас без досадных накладок, без перегибов и недогибов, без топтаний на месте и разного рода головокружений, но победителей не судят, сказал Сталин, потому что судить их просто некому...

А ведь ключ к успеху выпиливал и я... Может быть, работа в «Правде» на десятилетия ускорила ломку староинтеллигентских мозгов в черепах политических обывателей. Но если бы Сталин прислушался ко мне без своей отвратительной мнительности, то у нас были бы уже не опытные серии, а армии, непобедимые армии

новых людей, органически верных марксизму-ленинизму...

Как он тут дал маху... как не допер, что пять октябрьских переворотов и десять новых терроров — дерьмо по сравнению с открывавшейся большевикам всемирно-исторической перспективочкой?..

Сколько с ходу убито было бы зайцев!.. Дух захватывает... Но рябая харя осадил меня и заподозрил в узкопрактическом эгоизме, а также в каком-то мистическом левачестве, попахивающем «львом другого типа»...

А вот не осадил бы, мы на глазах всего прогрессивного человечества противопоставили бы угрюмому фашистскому расизму неотразимые лозунги упразднения к чертовой матери национальностей вообще... Все — кончено... Нет ни хохлов, ни кацапов, ни жидов, ни черножопых армяшек, ни косоглазых япошек, ни «ходя-ходя, соли надо», ни паршивых негров, ни лягушатников с макаронниками и вонючих арабов с сифилисными монголами, не говоря о бездельниках испанцах, кровожадных турках, грязных чукчах и прочих человекообразных фигурах, измалеванных многовековыми клеймами тупой природы и омерзительной истории... Точнее говоря — предыстории...

Фашизм с его расизмом мгновенно остался бы в полнейшей изоляции и вынужден был бы капитулировать перед лицом небывалой консолидации всех простых людей доброй воли...

Теперь же инициатива подобного рода утеряна... С Гитлером придется воевать... Хотя ря-

бая харя думает провести его за нос на удочке партнерства... Не выйдет... Придется воевать... Ну что же, повоюем...

...Именно эту прогулку пешочком вспомнил в то самое отвратительное утро Л.З., и тогдашний отказ Сталина пойти на полное упразднение национальностей увиделся ему в истинном, нечеловечески коварном и совершенно безнадежном свете...

Л.З. рассеянно начал одеваться. Долго не мог найти подштанников. Забылся, полунатянув их на подрагивающие от неведомого ужаса ноги...

Все, очевидно, люди в таких вот состояниях души и тела безрассудно отдаются стремлению к спасению. Оно оказывается временами сильнее личности человека, потому что в секунды эти, в эти минуточки и часы сама заключенная в нас жизнь, испохабленная нашей собственной грязью или изуродованная своеволием палачей, заявляет о своем первостепенном чуде и неприятии посягательств на нее любого врага, начальства, уродливых обществ, ублюдочных или праведных судей и вообще всего того, что принято торжественно именовать историей...

Как иронически и брезгливо наблюдаем мы порою, в счастливом отстранении от происходящего, за изощреннейшими попытками чудовищного преступника спасти свою шкуру! Как искренне подавляет нас неспособность этого монстра нравственно постигнуть законность и безжалостность приговора!

Но в головы наши, вообразившие, что даде-

на им в эти минуточки вся полнота образа справедливости, даже не закрадывается ни на миг мысль о страдании и бешеном насильнике и убийце самой жизни и о том, что жизнь в святом своем возмущении отрешивается как от преступления, так и от наказания, вопя лишь о гнусном, о глупом предательстве человеком своей немыслимой ценности, вопя о бесчисленных, но потерянных им возможностях достойного существования.

Одним словом, если бы не жизнь, взбунтовавшаяся вдруг в существе Л.З., то у него не было бы сил не то что натянуть на себя, в конце концов, подштанники, но просто подумать о них. Он так бы и уселся нагишом на изумительном ковре, пережившем всех своих царственных и подоночных хозяев, уставился бы в одну из точек невыразительного пространства, безответственного для Л.З. пространства, и пускал бы себе слюни с губ на подбородок, на грудь, на живот, в пах, на ковер, который вот этого-то как раз терпеть не мог...

Надо что-то делать... надо что-то делать... надо что-то делать...

Л.З. подошел к носкам, развешанным на струнах шотландской арфы. Нагибаться у него не было сил, а главное, охоты. Он вспомнил внезапно учение утописта Фурье, которое советовал ему когда-то одолеть интеллигентный Луначарский.

То есть вспомнил он не все учение, а ту его смехотворную часть, где высказывалась господином Фурье надежда на развитие в новом об-

шестве всех членов человека на неслыханных и невиданных ранее условиях. В тексте даже приведена была нотная грамота для упражнений в фаланстерах правой и левой наших ног на фортепиано...

Л.З. потянулся правой ногой за выстиранным и высохшим носком. Зажал его двумя пальцами. Поднял ногу и поднес к руке. Рука натянула носок на необычно холодноватую ступню... Так...

Затем левая нога потянулась за левым носком, и Л.З. не мог не подумать с огромным разочарованием о том, что замечательные все же идеи были у человечества, замечательные были учителя вроде Ленина, но все их учения оказываются скомпрометированными разными выдающимися проходимцами и подлецами типа рябой хари... Ведь если б не он, то Эмиль Гилельс барабанил бы сейчас на всех международных конкурсах и руками и ногами, а тротуары в Москве устроены были бы таким образом, чтобы советские люди не просто двигались по своим личным и общественным делам неизвестно куда, а нажимали на дорожные клавиши пальцами ног, и над столицей мирового социализма висела бы атмосфера неслыханной прежде симфонии.

Так подумав, Л.З. промахнулся — большим пальцем левой ноги не поддел носок, но задел корявым, желтым, словно прокуренным, ногтем струну арфы.

Струна ответила звуком. Звук долго стоял в огромной комнате. Он явно не хотел умирать и

явно рассчитывал, умирая, вызвать к жизни иные глубоко родственные звуки, как это бывало-есть-и-будет при вдохновенном совместном желании человека и вещества постигнуть и вновь породить тайну звучания...

Звук успел проговориться, и Л.З., хоть и туг был на ухо, уловил прямую связь между жуткими ночными стонами системы отопления и этим самым звуком. Он еще раз корябнул, подцепил ногтем струну. Сначала одну, затем другую, повыше... Провел ногтищем по всем сразу... Покорябал самую тоненькую...

Бедной арфе, конечно, было не до гармонии, не до хорошего было ей, как говорят люди на нарах каторги... Ей бы тогда птюху черного, птюху черствого да жареного японца в очках...

Вот она и зазвучала в охотку, словно стая птиц, разбуженных внезапно ветрами рассвета, словно лес деревьев или поток весенних вод, и это был живой шум жизни...

Л.З. то всей ступней смазывал струны, то пинал их с остервенением, то садистически щипал ногтем одну лишь струну, пока замолкали постепенно остальные, и снова проводил ножной пятернею по всем сразу сверху вниз и снизу вверх, ожесточаясь, как во время страшных разносов от безудержного желания не столько заставить говорить терзаемого подчиненного, сколько замолчать... замолчать... замолчать...

А птицы, воды и ветви звуков вырывались из-под конечностей советского хамла на свободу, подпитывая арфу чистым временем, всегда готовым к счастливой встрече со случаем и иг-

рою... Именно эта готовность больше всего бесила Л.З., ибо предчувствовал он смерть свою в образе окончательного бесплодия, уныния и заблуждения...

Л.З., безусловно, сорвал бы к чертовой матери струны, если бы не были сотворены они из жил самого Времени и если бы не зазвонил телефон.

Подошел он к трубке не сразу... Надо было прибить ногами и руками звуки. Надо было установить мертвую тишину. Он и установил, накинув на арфу грязное махровое полотенце. Воздушная среда в квартире не сразу успокоилась от так называемых звуковых колебаний, что могло бы намекнуть человеку одухотворенному на существование в нашем таинственном мире не только привычных явлений различного рода, но и душ этих самых явлений...

Звонили из Кремлевки, из патрицианской больнички закрытого типа.

— Слушаю.

— Доброе утро, Лев Захарович. Это Верлена. Ваши анализы готовы. Они гораздо лучше последних.

— Здравствуйте. Какие именно анализы вы имеете в виду? Крови или мочи?

— И крови, и мочи, и кала, Лев Захарович. Вам завезут их перед визитом профессора.

— Хорошо. До свидания...

Бросив трубку, Л.З. с поистине младенческим изумлением открыл старческий рот.

В расшифрованном виде сообщение медсестры Кремлевки Верлены выглядело примерно так:

СОСТОЯНИЕ ХОЗЯИНА КАТАСТРОФИЧНО. КОНЦА МОЖНО ОЖИДАТЬ ЕЖЕЧАСНО...

Маразматическую тоску как ветром сдуло из всего существа Л.З. В подштанниках и в одном носке он просто-таки вбежал в кабинет. Подошел к рисованному Налбандяном портрету Сталина, забрался в кресло и поднес с веселейшим, с мстительным сладострастием крепкий кукиш к величественной сопатке вождя.

Сожрал, сволочь?.. Ты подыхаешь, и ты подохнешь, рябая харя... На, выкуси, усатая мандавошка... Чтоб кровь у тебя свернулась в сердечно-сосудистой системе... чтоб разорвала твой мочевого пузырь гениальная моча... чтоб всемирно-исторический твой кал запекся безвыходно в кишечечно-желудочном тракте всех времен и народов... чтоб ты сдох, потому что ты — поганый Хозяин, сволочь...

Л.З. не сказал всего этого, опасаясь подслушивания, но про себя наговорил глумливых оскорблений в адрес вождя еще почище прежних, пока бодро одевался и прислушивался к пробудившемуся внезапно аппетиту...

И не только к аппетиту... Чудесное зашифрованное известие впервые за много месяцев расшевелило в шестидесятитрехлетнем дряхлом теле сладчайшую похоть...

Звонок Верлены означал, кроме всего прочего, что она завалится вскоре с пробирками, отсосками крови и баночками для мочи и кала, завалится вместе с Верстой как бы для взятия

очередных анализов, но сначала, подумал Л.З., мы вам покажем, Верочки, что нас рановато списывать в нестоячие товарищи... рановато...

Он, пошловато фальшивя, промурлыкал куплет из «Личного танго», сочиненного по особому социальному заказу министра Госконтроля СССР модной продажной сволочью — Долматовским:

Я вас обрызгаю любви шампанским,
Стяну лосины и сорву жабо,
И прошепчу призывно по-испански:
«Малютка, сделай зубками бо-бо».

Л.З. воспрянул вдруг духом и телом, как профессиональный игрок, которому после частых и отвратительных попаданий в так называемую урками «замазку» повезло вдруг необычайно и необъяснимо, повезло поистине чудесно.

Вот что значит вовремя поставить своих людей на ничтожные вроде бы, а оттого и не торчащие в поле зрения места!.. Ты, крыса Лаврентий, думал, что главное — подмять под себя органы?.. Ан нет!.. Ты, жабыя рожа Маленков, полагал, что схваченный за горлянку партаппарат — это все?.. Хуюшки... Об остальных я и думать не хочу... Ничтожества... Дерьмо индустриально-колхозное... метрополитен хренов... мясники эмвэдэшные и прочие... юдофобы... Вы считали меня вместе с Госконтролем игрушкой и жидовским лизоблюдом... Вы специально, как я теперь понимаю, назначили меня на этот пост,

чтобы возбудить в миллионах государственных ворюг, в хапугах цекистских, обкомовских, совминовских и райкомовских ненависть к жидам Мехлису... Если бы не он, вы бы без риска, вы бы без страха продолжали разбазаривать народные и государственные денежки, вы доводили бы злоупотребления служебными положениями до умопомрачительных, неслыханных в истории размеров, вы завалили бы своих дядей и жен мехами, бриллиантами, сервизами, картинами, дачами и поместьями, паразиты, вы свели бы на нет то, что после Октябрьского переворота все же еще считается законностью, совестью и уважением к порядку... Госконтроль вам мешает... И командует им пархатый Мехлис... А я всех вас проведу, подлецы, за нос... Я и Ленина за сифилисный шнобель проведу... Он думал, что главное — взять почту, телеграф, телефон и так далее, но главное-то, оказывается, дорогие товарищи ленинцы-сталинцы, взять под неусыпное наблюдение лабораторию Кремлевки; взять под полный контроль вашу сволочную кровь, вашу паскудную мочу, ваш зловредный кал, товарищи, и вашу тошнотворную мокроту... Вы живете себе горделиво и, даже похварывая, не думаете о летальном исходе или же отдаляете мысль о нем на несколько пятилеток, а мне-то уже донесли, что в крови у вас, в моче и в дерьме появились смертины... Да, да, да. Смертины. Малюсенькие такие смертиночки, открытие которых ваш покорный слуга сразу же взял под свой полный контроль. Но вот вспомнили бы вы, товарищ Жданов, и многие другие това-

рищи, память о которых вечно жива в сердцах всего советского народа и прогрессивного человечества, что поглядывал я на вас втихомолочку и не угодливенько, а как посвященный в последние страницы ваших похабных судеб палач, поглядывал, как хитроумный доктор, и ключи от здоровья вашего и жизни держал я в своих руках... держал и поигрывал. И плевать на вас, дорогие товарищи. Вы — мразь и мелочь пузатая по сравнению с тем, кого я приберу к ногтю... Сколько бы дал он сейчас за докладную записочку о смертинках в гениальной крови, в корифейской моче и в генералиссимусовом кале...

Мысли подобного рода беспорядочно перемешаны были в ликующем Л.З. Он разбежался от двери и подпрыгивал, как любитель-балерун, выделявая вполне грамотно всякие антраша, па-де-де и прочие хореографические капаблансы...

Не зря все же Хозяин обязал своих министров почаще бывать в Большом вместе с почетными гостями и изнывать в который уж раз от вида помирающих лебедей, мельтешения красных маков и тягомотины щелкунчиков... Не зря...

Затем Л.З. позвонил на дачу. Сообщил семейству, что все еще хочет быть в полном одиночестве. Появился аппетит... Он делает зарядку... Не аппетит делает зарядку, идиотка, а я отважился на приседания... Я вместе со всем советским народом проклиная врачей-убийц и думаю, что стал их жертвой... За твои сомнения

я дал бы тебе сейчас по морде... Ты меня слышишь?.. Я лично оторвал бы этим псам мирового сионизма профессорские головы, а также бандитские яйца... Не надо пересказывать мне мещанские слухи... Наша партия вечно будет стоять на принципах пролетарского интернационализма... Для нас не существует русских, евреев, грузин и армян, когда речь идет о врагах народа и деле коммунизма.. Ты меня поняла, идиотка?.. Я позвоню сам. Все...

Если бы в эту минуту Л.З. по-деловому и со лъстящей всем рабам фамильярностью, скажем, Поскребышев заверил в том, что ему лично и почти всей семье не грозит депортация в барачные резервации... просил передать лично... депортировать будем строго выборочно... тут не может быть никакой уравниловки... сионизм вырвем с корнем... будем кормить, но отучим смотреть в лес, а с исторической родиной покончим раз навсегда... и Голде Меир — под жопу коленом... ха-ха-ха... — если бы, повторяем, услышал Л.З. хотя бы по телефону, по вертушечке такую вот желанную речугу, то уж он изогнулся бы немыслимо и такую отправил в «Правду» статью с требованием всенародно-публичной казни врачей-убийц, что у Ильи Эренбурга, Давида Заславского и дебила Чаковского фары полезли бы на лоб от зависти... Тут был бы пафос неподдельный, а отречение от еврейской нации столь искреннее и душераздирающее, что, вполне возможно, партия и правительство пошли бы на изменение ряда незамеченных лиц, которых уж никак нельзя заподоз-

ритель в симпатиях к мировому сионизму, природных национальностей в паспортах и личных делах... И о депортации в резервации не было бы речи...

А остальные, количество тут не имеет значения, пусть поселяются там, где заслужили своим предательством родины социализма, родины, ставшей для нас всех земель обетованной после тысячелетий скитаний и безобразного классового разброда... Пусть... Мне и на них нассать... Многим пожертвовал я, служил тебе, рябая харя, верой и правдой, даже переслуживал себе же во вред, но раз все это — псам под хвост, попробую и я спасти свою шкуру... Терять мне теперь нечего...

Даже у самых опустившихся подонков рода человеческого с отеками мозгами и замшелыми душами появляется порою ощущение звездного часа или звездной минуты. Время тут не имеет никакого значения, как, впрочем, не имеет значение и то, в каких именно образах представляется личности долгожданное звездное деяние.

Мы знали крысоподобных доносчиков, сладострастно дрожавших от предвосхищения результатов неслыханного злодейства, которое действительно круто изменяло их судьбу, возносило наверх по заблеванным, по кровавым ступеням служебных лестниц, переселяло в более обширные квартиры и бросало в объятия беспризорных женщин...

Знали мы и такую отчаявшуюся фигуру бытия, стоявшую с похмелья буквально на грани

жизни и смерти и считавшую впоследствии звездной своей минутой минуту принятия нелегкого решения вылакать накануне подаренную супруге бутылочку французских духов «Шанель № 5» с единственной целью спасти собственную, хотя и не принадлежащую целиком фигуре, жизнь, спасти ее ценою неповторимого скандала и непрямого разрушения хрупкого брака...

Л.З. не был, конечно, оподонившимся пьянчужкой, а был он бывшим министром Государственного контроля СССР. Кому же, как не ему, отважиться вдруг проконтролировать наконец положение политических и прочих дел на вдребезину расхристанных просторах одной шестой части света?..

До прихода Верлены с Верстой Л.З. пребывал в возбужденнейшем из всех человеческих состояний, включая состояние легкой половой осатанелости, пребывал он в беспредельном игровом азарте, надолго обостряющем мыслительные способности и расширяющем, в известном смысле, пределы жестов души и поползновений характера.

Он метался по квартире, взволнованно обмозговывая: с кем бы пооптимальней спетуться в такой уникальной, в такой, выпадающей раз в столетие ситуации?.. С кем?..

Одновременно с обмозгованием Л.З., как все люди, превозмогшие внезапно общее уныние своего существа, что-то лихорадочно предпринимал. Начал прибираться в гостиной. Тут же бросил, потому что скальп, снятый хулиганом

Гиммлером с несчастного черепа кельнского равнина, никак не натягивался обратно на мраморную макушку какого-то древнеримского руководителя.

Снял с арфы грязное полотенце. Положил его в кухне на батарею. Душок спертой телесной кислятины вмиг смутил и без того затхлый воздух мехлисовского помещения...

Так с кем же войти в компашку?.. Кого пригласить в коалицию?.. Кто решится примкнуть к группировке?.. Кому вообще можно открыться?.. Как, в конце концов, повыгодней для себя продать историческую информацию о роковых смертинах в крови, моче и кале подышающего садиста и хулигана с тем, чтобы впоследствии не остаться в тени, прочно, до гроба в Колонном зале, вгрызаться в расстегай советской власти, насладиться могущественным покоем, а не получить пулю в лоб от благодарных компаньонов по заговору века?..

Л.З. от волнения полез в холодильник, вывезенный в сорок пятом прямо из подземного бункера самоубившегося Гитлера.

Пожрать чего-нибудь, подкрепить отощавший от разных хворей и унылой тоски организм было совершенно необходимо. Правда, колбаса, буженина, сыр и даже икра отвратительно зачерствели, батон покрылся плесенью, а сливки явно скисли. Прилично вроде бы сохранились только восемь плавленных сырков «Дружба»...

В этом Л.З. вдруг привиделся некий благоприятственный знак. Он даже перехотел жрать,

взял сырки, поспешил к письменному столу, сбросил с него к чертовой матери все до единой бумаги, хотя были среди них в высшей степени государственные документы, сбросил «Правду», «Известия» и любимую «Вечерочку», яростно отшвырнул «Звездочку», в которой ясно намекалось на мудрость партии, вовремя изгнавшей из полководческих рядов проныр-подлецов мирового сионизма, и, очистив нежно-зеленое сукно — некогда над ним склонялся коварный Риббентроп, — положил на него восемь сырков «Дружба».

Не без сожаления почему-то выколупал из фольги желтоватые треугольнички. Ножом — нож был из самой интимной коллекции заядлого охотника Геринга, — ножом нацарапал на мякоти каждого сырка по букве. «Б», «Б», «В», «К», «М», «Х», «М», «С». Так сказать, Берия, Булганин, Ворошилов, Каганович, Микоян, Хрущев, Маленков, Суслов...

Низко склонившись над успокаивающим зрение сукном и вдыхая казенную пикантинку плавленных сырков, Л.З. со сладчайшим волнением составлял политические комбинации.

Только триумвират... Вчетвером играют в дурака... Впятером в баню ходят. Шестеро одному поднасрут... Семерым на бабе места не хватит... Только триумвиратик...

Л.З. необходимо было остановиться на любой паре из оставшихся членов политбюро... О.Берии и Суслове он даже не думал. Их быстрая ликвидация как бы подразумевалась сама собой. Необходимость ее была просто очевидна.

Оставалось семеро и сам-восьмой... К кому примазаться?.. Л.З. прекрасно понимал, что на первых ролях ему вовек не бывать по очень многим причинам, а вот достойно примазаться, никогда не намекая на истинный свой исторический вклад в решающий для судеб страны и века момент времени, примазаться следовало безошибочно...

Если сапер ошибается один лишь раз, то политический деятель, понимаете, моего масштаба, взявший впервые в истории в свои руки не почту с телеграфом и телефоном, а анализы крови, мочи и кала всех членов политбюро, включая рябую харю, не имеет никакого права ни на одну даже малюсенькую ошибку...

Л.З. ужаснулся чудовищному количеству возможных комбинаций «трое из восьми» с непременным включением себя в каждую тройку.

Он просто-таки заметался над сырками, складывая их и так и эдак. При этом неизбежно приходилось думать о нюансах, о сочетансах, о совпадансах и несовпадансах, не говоря уж о разного рода совместимсах, несовместимсах, отторженсах, взаимоподсирансах, двурушенциях, хитромудрованциях, претензисах, отступленциях, частичноболвансах и привычной непорядочности каждого в отдельности триумвиратора... Тем более при сочетансе с другим членом Большой Тройки, скажем с Ворошиловым, качество его ума, души, характера и так далее непостижимым образом менялось в характерологических выкладках и анализах Л.З.

Ворошилов и Каганович... Смешно... Ста-

рый антагонизм лошади и паровоза. Хотя в паре с Маленковым Ворошилов, видимо, будет посерьезней и поделовитей... Маленков же в упряжке с Ворошиловым, наоборот, будет себя чувствовать раздражительно и уязвлено, потому что маршал-жеребец не раз лягал товарища Маленкова в дамском обществе, и этих грубых, солдафонских подъебонсов в адрес своей бабской жопоморды он ему никогда не простит...

Попробуем: Микоян — Булганин — Я... С Булганиным я не уживусь... Бухгалтерообразное ничтожество... Даже если уживусь я, Микоян ненавидит военщину из бывших гражданских...

Л.З. слегка отупел от перетасовывания так и эдак сырков... Каганович — Микоян — Я... Микоян — Маленков — Я... Булганин — Каганович — Я...

Так можно было зайти в полный тупик и в интеллектуальное отчаяние... Объективно выходило по всем прикидкам Л.З., что каждый член политбюро необходимо ненавидел каждого члена политбюро, в отдельности и всех членов политбюро вместе взятых...

Ни в одной из многочисленных комбинаций партийные деятели, как бы олицетворявшие собою так называемое монолитное единство рядов КПСС, по тем или иным причинам не желали уживаться друг с другом, что ввергло вдруг Л.З. в острейшую раздражительность...

Сырки, подплавленные нетерпеливыми, горячими руками заговорщика и теоретика путча, испохабили зеленое неописуемо мягкое и не-

жное сукно. Л.З. сгреб их в исступлении, смял, исковеркал пальцами и выбросил в открытую форточку... Увидел, как на шмякнувшуюся лепешку сыра налетели голуби, и тут же, вспотев от ужаса, проклял себя за пижонскую неосторожность... А что было бы, если бы старший лейтенант-дворник подошел к предмету, выпавшему в 11.27 по московскому времени из окна министра Госконтроля СССР, и обратил внимание не только на начальные буквы фамилий членов политбюро, но и на некоторые характеристики, накорябанные Л.З. на некоторых сырках с некоторым раздражением, с некоторой ненавистью и с нескрываемым презрением?..

Вот так погибают иногда в зародыше события, готовые уже было изменить лик страны и времени...

Удалось ли ему, скатывая сырки в колобок, уничтожить язвительные реплики типа «Суслов, Берия — говно»... «Хрущев — свиное рыло»?.. Вот и дворник, старший лейтенант, направляется к голубям, облепившим, как мухи, проклятую плавленную «Дружбу»...

Л.З. полез было в карман за нитроглицерином, но оказалось, что он так и не оделся в заговорщицком игровом азарте... Рука вяло скользнула по мелко дрожащей ляжке... Пальцы вмиг слиплись от пота...

Дворник шуганул метлой голубей. Наклонился зачем-то над тем, что осталось от сырков, затем, опершись на могучий черенок, туповато и празднично призадумался.

Думать в этот момент он мог, вероятно, о

чем угодно. Скорей всего, он думал о всеобщей захаванности ответственных работников и членов их семей, которые плавленный сыр уже за хер не считают, а скармливают его голубям — паскудным этим сторонникам мира, которых он лично брал бы по одному, зажимал бы шею промеж указательного и среднего пальцев да как встряхивал бы с оттяжкой... так одна голова с клювом и оставалась бы в руке... Проститутки сизые... Форменно летающие и ходящие вперевалочку жида...

Отлегло вдруг от сердца у Л.З. Старший лейтенант мстительно замел изрядное количество крошек и комочков сыра в водосток, хотя голуби героически бросались под метлу и нахально шумели крыльями.

Сия игровая пауза была крайне отвратительна, но благодаря ей Л.З. неожиданно подошел с совсем иного конца к неразрешимой, казалось бы, проблеме комбинационного выбора...

Если Берию и Суслова он в любом случае мысленно ликвидировал, а условие их ликвидации мысленно же ставилось им каждому сочетанию в качестве непременного предварительного условия перед дележкой исторической информации о смертинах в анализах Сталина, то о Никите Хрущеве Л.З. просто не думал всерьез. Он не принимал его в расчет автоматически.

И вдруг, как это частенько бывает в различных играх с зашедшими в тупик бесконечных неудач мозгами и волей ошалевших игроков, Л.З. осенило. Хрущев... Хрущев... Хрущев. Стопроцентный вариант в качестве первочлена

Большой Тройки... Полное отсутствие самостоятельности... Интеллигентности — ни на грош... Пьянчуга... Захаркан с ног до головы сталинским постоянным третированием и невыносимыми даже для кремлевских нравчиков унижениями... Отыгрывается, разумеется, на подчиненных, бешено самодурствует... Временами впадает в трансы от говнистого упрямства и мании преследования величия... Уязвлен до конца дней собственной хорьковой подлостью по отношению к отвратительно, грязно и трусливо преданным товарищам по работе... Инстинктивно тяготеет к крестьянскому здравомыслию, хотя по-профурсетски, кокетничая шахтерским прошлым, пресмыкается перед ненасытным фетишем индустриализации... Завистлив... Злопамятен... Трезво ощущает свою политическую жалкость и практическую беспомощность... Но главное, унижен... До того унижен Сталиным, что тянется подчас истерически и юродиво к очередным унижениям... Жить, кажется, без них уже не может, а оттого и капризно беспринципен, то есть мелко и по-крупному унижает сам себя, когда унизить Никиту-лаптясраного временно некому... Это — Номер Один... Ясно как день... Простое всегда гениально, как говаривают на допросах в Госконтроле СССР самые отчаянные махинаторы и разбазариватели народных миллионов.

Л.З. до того поражен был правильностью открывшегося выбора, более того — совершеннейшей его несомненностью, что сразу же бодренько побрился.

Надо было, конечно, видеть, как брился Л.З. в каком-либо из самых своих самодовольных состояний. Надо было это видеть!

Он слегка раскорячивался во всем пространстве старинной амальгамы, глубоко обязанный, как считал Л.З., непременно подчеркивать значительность внутренних качеств его души и уникальных особенностей характера.

Кроме того, трофейное зеркало должно было внушать уверенность, что выглядит он не так уж паршиво, несмотря на сволочные свои хвори и зловонность политической ситуации в стране.

Зеркало выполняло свои прямые обязанности с неукоснительным достоинством. Манера его ненавязчивого угождения настроениям и вкусам Л.З. могла бы напомнить приличным людям, когда бы не померли почти все они задолго до прихода на Землю плебейского затмения, манеры старого, доброго, любимого и родственного камердинера...

Об опасной бритве — принадлежала до экзекуции Канарису — скажем, что брила она сама. Сама брила, не теряя подолгу безукоризненной остроты своей заколдованной золлинген-новской стали, отливавшей не злобной вороненостью, не коварной матовостью твердейшего металла, но розовато-золотистым цветом вечной верности владельцу.

— Ах, Никитка... Ах, Никитка, — мурлыкал Л.З., оттягивая кожу, кончик носа, обрабатывая кадык и косясь на поблескивавшую перламутровую ручку разохотившейся бритвы.

Вполне естественно, что человек, особенно если это представительница прекрасного пола, забывает перед зеркалом обо всем мире, вглядываясь в самое доброкачественное и стопроцентное свидетельство своего действительного существования, жить без которого порою — особенно, повторяем, прекрасному полу — подозрительно тягостно и просто невозможно.

Нас не раз забавляла трогательная способность каждой без исключения женщины находить в любом ошеломительном маневре или же в неожиданном вывихе жизни хотя бы самую ничтожную и неприметную для постороннего глаза возможность самосозерцания...

Затерта вот в трамвайной толпе согбенная под тяжестью какого-то горя, невзрачная дамочка и не думает даже скрывать своего жизненного отчаяния, своей тоски и боли. Вам самим до того по совпадению тошно, что вид дамочки вызывает раздражительный протест в душе, а в уме тягу к садистическому оскорблению этого ни в чем не повинного существа. И вдруг унылое лицо мгновенно преображается, преображается на одно лишь мгновение, но вполне этого ничтожного мгновения достаточно для существенного торжества жизни в поганом советском трамвае и приличного восполнения сил для наличных переживаний и будущих.

Дамочка вздохнула в знак того, что судьба заклеимена ею не окончательно. Вас тотчас поражает случайное наблюдение. В руках ваших зачуханный портфелишко с блестящей никелированной замочной бляхой. И вот в этой-то

бляхе бедная дамочка успела спасительно выловить свое отображение. И каким бы искаженным ни было оно, как бы комично и горько ни расплывались в портфелишкиной бляхе черты человеческого лица, дамочка необычайно обрадовалась откровенному своему явлению в, казалось бы, беспросветной тьме-тьмущей, вывернутого сикось-накось советского бытия...

Это жизнь в такие моменты подхватывает нас под слабеющие руки, поддает стойкости полусогнутым конечностям и выуживает задохнувшуюся было душу из серо-зеленой тины быта, кишашей многочисленными гадами общества...

Слава богу, что имеется и в луже воды, и в случайном окошке вечера, и в ничтожнейших пуговичках, и в блистающих частях автомобилей чудесное свойство ненавязчиво отразить нас как раз тогда, когда нам это действительно нужно, чтобы не разуверились девочки, мальчики, женщины и мужчины в своем присутствии на земле и в мире, убивающем многих жутким холодом равнодушия и отталкивающей бессмыслицей...

Заметим попутно, что в минуты трагическитоскливые, а не во времена легкомысленной праздности и прелестного покоя человек каким-то неведомым образом чувствует в отражении своем нечто намного превосходящее его внешность. Чувствует в себе человек каждой кровиночкой и целостной полнотой духа прекрасную и, не побоимся сказать. Божественную сущность. А ежели бы это было не так, то люди

некрасивые — их на земле подавляющее большинство, в том числе, возможно, и мы с вами, — не только не стали бы вглядываться эти люди в свои зеркальные отражения, но приняли бы все меры для запрещения зеркал и насильственного затемнения различных отражательных поверхностей.

Люди эти непременно, зажмурясь, плевали бы в незамутненные источники вод, отводили друг от друга мнительные взоры, поставили бы под государственный контроль, скажем, СССР (министр — Лев Захарович Мехлис) все шлифовальные работы по меди, бронзе, стали и драгоценным металлам, подвергали бы красавиц и красавцев публичным шельмованиям как вызывающих врагов подавляющего большинства народа, и, наконец, все эти некрасивые люди возвели бы на уровень супернациональной задачи селекционную работу по уничтожению в хромосомах отщепенцев, красавцев и красавиц, позорных генов удачных и счастливых внешностей.

Можно не сомневаться в том, что советская власть затрамбонила бы однажды на весь мир о грандиозной победе коммунистической генной инженерии и существенном уменьшении количества красавцев и красавиц по сравнению с 1913 годом.

Раз уж при вдохновенном способствовании советской власти меньше чем за полвека во всех областях жизни злобно восторжествовали духовно-нравственные ничтожества и непотребная посредственность, то нам не представ-

ляется слишком сложной работа по нивелировке внешности граждан СССР до уровня общесреднечеловеческих.

Тем более «из районов и областей, — как сказал однажды в годовщину Великого Октября директор Всесоюзного института красоты, — поступают тревожные сигналы о том, что с лицами в нашей стране не все ещё обстоит благополучно...»

Мы позволили себе отвлечься от Л.З. постольку, поскольку сам он пребывал в весьма отвлеченном от действительности состоянии.

Он весь как бы начисто растворился в набежавшей волне предвосхищения удачи. С застарелым, мозолистым, лишаистым, бородавчатым инфантилизмом отдался Л.З. во власть пьянящего воображения. Какие только картины не мелькали перед его вдребедан окосевшим внутренним взором...

Во-первых, принятие Верховным Советом так называемого «закона Мехлиса», торжественно отменяющего все национальности как пережиток предистории человечества...

Во-вторых, он немедленно добьется разрешения Хрущева и, скорее всего, Маленкова... да... да... тысячу раз да... вторым членом Тройки будет эта поднаторевшая в кадровых делах и организаторских интрижках жабоподобная баба и жабоподобная жопа Георгий Максимилианович... Ах, как один гениальный ход автоматически тянет за собой славный второй... мужественный третий... изящный четвертый и так далее... То есть я мгновенно получу от Хруща и

Жабы разрешение на развод... Хватит... В таком человеке, как я, все должно быть прекрасно — и глаза, и мысли, и одежда, а особенно половая жизнь... Сколько оргазмов упущено из-за бюрократической неразберихи в партийной и хозяйственной работе, из-за халатности, злоупотреблений, бестолковости, начетничества, засилья критики над самокритикой, самотека, утечки и окостенелого стиля руководства... Верлена и Верста останутся пикантными любовницами. Любовницами тайными... А жениться не мешало бы на прямом члене королевской семьи Великобритании... И пусть двор Англии посмеет отказать Мехлису... Мо-мен-таль-но дестабилизирую Содружество Наций всеми имеющимися в нашем распоряжении средствами... Вплоть до отторжения Австралии и оккупации всего Ближнего Востока... о Израиле мы поговорили бы особо... Карл Маркс мог забыть о нации и стать гражданином Мира, но какая-то затруханная Голда Меир, видите ли, должна на каждом шагу картавить о своем еврействе и нагло посещать московскую синагогу... Врачей рябая харя арестовывает, а Голду он не может раздавить полуторкой прямо на Солянке... Сволочь...

Пару еще минут тому назад создание триумвирата, замена Большой Тройкой выжившего из ума политбюро казалось ему делом не то что вполне реальным, а, так сказать, вчерне решенным историей и счастливым случаем.

И вот опять всплыли эти проклятые евреи, к которым не имел он, согласно последним лысенковским законам биологической науки,

энергично одобренным Сталиным, никакого генетического отношения.

К мыслям о Большой Тройке он больше не возвращался, потому что, дав волю раздражительности, потерял над собой контроль и не мог успокоиться.

Если бы рябой кретин внял тогда совету Л.З., если бы обратил он свое разжиженное славолюбием внимание на ценнейшую, достоверную информацию, не было бы сейчас на карте Ближнего Востока никакого Израиля, набитого до краев сионистскими фанатиками, социалистами, коммунистами, интеллектуалами и прочими националистическими смутьянами со всего света. Не было бы — и точка... Может быть, до сих пор шла бы там наивыгоднейшая для СССР бойня евреев с арабами, но Израилем никаким и не пахло бы в стратегически важной Палестине... А следовательно, и не воняло бы в советской действительности юдофобскими кампаниями против космополитов в критике, музыке и драме...

Л.З. дожил бы тихо и мирно до почетной пенсии и выхлопотал бы непременно замену усталых своих яичек на новые — орангутанговые или горилловые, — за которыми, по слухам, Суслов, Берия и Каганович с Ворошиловым собирались отправить спецэкспедицию в Африку и на Цейлон.

И что же мы теперь имеем вместо вечной обезьяньей мошонки, спрашивается?.. Говно мы имеем — вот что... Кровь мы имеем и мочу, товарищи... И в мокроте чужой по самые уши...

Спасибо товарищу Сталину за нашу счастливую... зрелость!..

Л.З. по-стариковски поплелся в кабинет, ибо, как бы ни заедала его душу тоска и как бы ни отвращал от жизни кисловато-смердливый душок полной безнадёги в полости рта, следовало, по крайней мере, исчерпать до конца возможности неожиданной соломинки... В восемнадцатом ситуация была пострашнее... Не только спаслись, но вознеслись на вершину власти и надолго облокотились на кроваво-гнойный бруствер Мавзолея...

Перебирая листочки с начальными буквами сановных фамилий, Л.З., подобно всем игрокам, а также профессиональным интриганам, в который уж раз возвращался в своем сознании к тому, что казалось ему точно определенной первопричиной сегодняшних сволочных бед...

...В сорок шестом он вновь приступил к обязанностям министра Госконтроля. Полез однажды в «паккарде» в папку для бумаг — подработать по пути на дачу докладную записку в Совмин — и вдруг увидел чужеродный, заграничный конверт. Сквозь какие-то тиснения пажонски голубела подкладка, исключавшая прочтение корреспонденции или угадывание ее характера.

Явно бериевская штучка... Посмотрим... посмотрим...

Л.З. тут же в машине разодрал конверт — почему бы нам не наладить выпуск первосортных почтовых принадлежностей? — развернул лист бумаги... рисовая... трофейная... обзаве-

лись, проститутки... и начал читать, встретившись в зеркальце с деловым взглядом шофера, странное послание:

Уважаемый Лев, пишет тебе твой двоюродный брат Давид из Иерусалима. Может быть, это глупо, но я хочу обратиться к тебе как к одному из влиятельных в СССР евреев. Я тоже коммунист, но разделяю сегодня политическую идеологию, нравственные принципы и экономическую программу социал-демократии. До войны я относился к сионизму как к последней, звериной попытке удержать порыв еврейского народа к новой исторической жизни, полной невиданных перспектив. Не мне тебе объяснять, что именно обратило меня за эти трагические для всей Европы, а особенно для нас, годы бойни и катастрофы к истинному смыслу и целям сионизма. Мы должны вернуть родину себе, нашим детям и внукам. Мы боремся за это. Мы победим или погибнем. Нам, естественно, можно помочь. Ближний Восток — узел глобальных и историко-стратегических интересов Большой Тройки. Мы — коммунисты и социал-демократы — выступаем против британского империализма в этой части света и единогласно хотели бы установления твердого нравственного и политического влияния СССР в регионе, прозябающем в доисторических условиях жизни на баснословных запасах нефти и раздираемом мелкими феодальными распрями.

Мы сегодня та сила, которая в случае под-

держки нас Сталиным придаст политическому и экономическому развитию всего Ближнего Востока правильную, марксистскую социально-историческую динамику. Между нами и вами нет никаких неразрешимых противоречий. Общая наша цель — победа социализма в мировом масштабе — должна их сглаживать, если не сводить на нет. Раз мы, евреи, оказались волей жестокой истории в первых рядах мировой революции, раз мы внесли свой вклад в дело установления советской власти в СССР, то было бы недальновидно не оказать нам помощи в накале борьбы за создание государства Израиль. Не забудьте там у себя в Москве, что речь идет исключительно о государстве социалистическом. Нам нужна военная помощь, но мы понимаем, что прямое участие СССР в снабжении наших отрядов всем необходимым — дело мало реальное в современной обстановке. И, мягко говоря, щекотливое... Оружие мы уже достали и будем доставать сами.

Духа и желания победить нам не занимать. Ты — один из ближайших сотрудников Сталина. Покажи ему это письмо. От него зависит позиция СССР в ООН, когда эта организация вынуждена будет рассмотреть нашу проблему. Вспомни, умоляю тебя, миллионы невинных, сожженных в печах безумцами и вспомни Иосифа. Помоги своим братьям. Если СССР проголосует против Израиля — мы так или иначе возведем свой дом и укрепим его стены, но вы навсегда лишитесь верного и сильного союзника в борьбе с империализмом на Ближ-

нем Востоке. Мы желаем Сталину и всем вам здравого смысла. Извини за беспокойство... Забыл тебе сказать. У нас еще нет своего государства, а колхозы наши — кибуцы — организованы идеально. Народ любит землю и работает на земле так, словно не было у нас тысячелетних скитаний. Что уж говорить о доходах? Одним словом, мы вполне могли бы стать школой передового общинного земледелия для стран народных демократий и тех стран, которые неизбежно присоединятся к социалистическому лагерю в недалеком будущем.

Давид

Обратного адреса не было ни в письме, ни на конверте...

Л.З. моментально пришел в бешенство.

Это, конечно, не бериевские штучки, а жидовские выпендроны. Их разведка уже работает в Москве и в Киеве. Вместо того чтобы черт знает чем заниматься и вылавливать на улицах комсомольские задницы, вылавливал бы, бандюга, израильских шпионов... Наглая акция... Подсунуть политическое послание министру Госконтроля... В любом случае этого нельзя утаивать. Я не идиот, к вашему сведению.

На следующий день он позвонил Поскребышеву и попросил приема у Сталина по важнейшему государственному делу, не терпящему отлагательств.

Сталин принял Л.З. Вождь был в не худшем из своих настроений. Спросил с юморком:

— Как контролируем?

— Тыл за время войны порядочно разложился, Иосиф Виссарионович. Но мы приведем его в порядок. Контролируем всех сверху донизу.

— Это ошибочный метод. Контролируйте снизу доверху, и чем ближе к нашим руководящим верхам на местах, тем будьте осторожней. Мы можем расстрелять десяток директоров баз и магазинов, но мы не можем расстрелять даже одного секретаря райкома или обкома. Кадры решают все. Повышайте диалектичность своего мышления. Критика нужна трудящимся массам, а номенклатурное руководство может обойтись одной самокритикой.

— Ваше указание облегчает и одновременно усиливает нашу работу, Иосиф Виссарионович. Диалектика — великое дело.

— Я надеюсь, что ты напросился на прием не для этого исторического сообщения?

Л.З. быстро доложил о найденном в папке письме. Протянул его вождю. Вождь, продолжая похаживать, прочитал проклятое послание двоюродного братца... мать бы его так... сволочь...

— Что ты думаешь об этом политическом документе?! И был ли ты ранее в переписке с родственником, находящимся за границей?

— Никогда. Я ничего не слышал о нем с 1913 года.

— Проверим. Переходи к делу.

— Я считаю, Иосиф Виссарионович, что создание еврейского социал-демократического государства было бы опасной исторической ошибкой. Я не силен во внешнеполитических

проблемах, но так называемые социалисты делают все, чтобы скомпрометировать наше колхозное строительство. Кроме того, легко предсказуемы размеры влияния на умы миллионов советских евреев сионистских пропагандистских штучек. После Освенцима, как вы знаете, кое в ком усилились религиозно-националистические настроенница... Зачем нам брожение среди евреев-интеллигентов, ученых, конструкторов, артистов, композиторов, инженеров и скульпторов?

— Ты хочешь сказать, что, сколько волка ни корми, он все в лес смотрит?

— Совершенно верно.

— Министр Госконтроля СССР не должен забывать, что наша страна находится на первом месте в мире по запасам древесины. Мы сможем удовлетворить лесные аппетиты многих миллионов волков, вместе взятых. — До Л.З. тогда не дошел истинный смысл тихо и несколько шутливо произнесенной Сталиным фразы... Вождь продолжал: — Я правильно сделал, что не поручил тебе заниматься Ближневосточным регионом. Ты бы обосрался там почище, чем в Крыму. Даже у Львов могут быть куриные мозги. Государство Израиль — дело, решенное советской властью, то есть историей. Мы проголосуем за него в проститутской ООН.

Все это припомнилось Л.З. за комбинированием листочков с фамилиями высших сановных лиц государства. Окончательно остановившись на Хрущеве и Маленкове, он порвал лис-

точки, бросил их в унитаз и смело спустил воду...

Наконец снизу позвонила лифтерша-лейтенант Сидорова. Л.З. распорядился пропустить к нему работников медслужбы с инструментари-ем.

Сухо — для прослушивателей — поприветствовав медицину, Лев Захарович стиснул обеих, неслышно чмокнул в щечку Версту, хлопнул с задержкой и поглаживанием по попке Верлену.

Знаками же дал понять, что первым делом — айда в кроватку, а уж там хватит времени для потайного трепача и волнующих утех ответственной плоти.

При этом и Л.З., и Верлена с Верстой, будучи особами весьма натренированными в конспиративном общении, ухитрялись высказывать различные мнения интимного характера исключительно жестами, а на словах держались в строгих рамках разговора на медицинские наболевшие темы.

Например, Л.З. одною рукою уже лез под белый халатик к Версте, успев запустить другую под бретельку лифчика Верлены, а сам с ворчливостью изможденного хворями хроника хмуро жаловался на боли в предсердии, упрямый запор, тухлые отрывки и бессонницу.

Дамочки же, умело воздерживаясь от предварительных стонов, страстных вздохов и шумных ахов, профессионально успокаивали обследуемого: «Ну что вы? Последняя мокрота менее тревожна...», «Кровь могла бы быть лучше, зато

моча начинает мне нравиться, а в кале не найдено на этот раз мелены...»

Продолжая что-то сообщать Л.З. о результатах последних анализов, Верлена и Верста начали раздеваться и дали понять, что желают облачиться сегодня в платья фрейлин французского двора двухсотлетней давности.

Подмигнув подружкам и сделав плебейскую гримасу, Л.З. широким жестом распахнул дверцы огромного гардероба. При этом он грустно сказал:

— Не знаю, куда себя девать без работы... Привык быть с людьми... Самое страшное для коммуниста — бездействие... Не напартачили ли врачи-убийцы что-нибудь с моим здоровьем?

Дамочки, отвечая без подозрительной задержки, помогали друг другу натягивать парчу, шелка и немыслимые кружева на раскормленные в кремлевско-больничной столовке зады и крупы.

Л.З., повинувшись настойчивым жестам опытных лицедеек, тоже принялся облачаться в костюм испанского вельможи.

От натягивания на ноги и ляжки лосин, так и шипящих в носопырку нафталином и смрадной затхлостью, Л.З. отказался.

— Теперь, Лев Захарович, попробуйте отхаркнуть в баночку мокроту, — сказала Верста.

— Вы опять не приготовили мочу и кал, озорник, — как бы вспылила Верлена.

— При запоре очень трудно мочиться, — скорбно и строго заметил больной.

— Нам придется поставить вам клизму, товарищ Мехлис.

— Но сначала отхаркайтесь.

— Кха... кха... ггрхм... кха, — натужно захрипел Л.З. и, продолжая эдак похаркивать, повел изнемогающих от жеманного миманса двойняшек к невообразимо огромной кровати.

Он буквально утопал в лиловом, расшитом золотом камзоле, голова его выглядывала из пышного жабо, словно из великосветского заснеженного окопчика, но был он босиком и в выцветших серо-сиреневых трикотажных кальсонах, уродливо и жалко, то есть исключительно по-советски, оттопыренных на коленках.

Л.З. распахнул неоглядное рыжее лисье одеяло, приглашая дам к принятию первоначальных положений.

Слова при этом произносились всеми лицами все того же медицинского характера.

— Очень трудно мочиться.

— Вы расслабьтесь... Не затягивайте яички в мошонку. Вы же не в воду лезете, Лев Захарович. Поднесите пузырек ближе к члену.

— А мы отвернемся. Зря вы нас стесняетесь...

Л.З. давно привык быть в таких ситуациях звукооператором-любителем. Он высоко поднял чайник с заваркой, и струйка потекла в стакан с хорошо знакомым всему слышащему человечеству журчанием.

Верста уже завалилась во всем облачении в кровать.

— Теперь сделаем массаж брюшного пресса

и кишечника для стимулирования калоотделения, — сказала Верлена. Потирая для пущего звукового эффекта ладони, она бросилась на взбитую перину. Посередке оставили место для Л.З., который, похаркивая и кряхтя, как мы все временами кряхтим в сортирах, подумал с философским ожесточением: «А на хрена мне, спрашивается, вся эта ебаная советская власть, если ни бзднуть, ни пердануть измученной душе, как поется в опере “Князь Игорь”?»

Кстати, желание расспросить своих доверенных лиц, державших в руках наисекретнейшую информацию о состоянии здоровья Хозяина и всех членов политбюро, было сегодня, пожалуй, посильнее у Л.З. желания разнузданно побаловаться и свехоригинально совокупиться, заглядывая в служебный перевод индийского трактата о любви со спецрисунками Кукрыниксов.

Пышно разодетым дамочкам не очень-то удобно было валяться в кровати. Л.З. натянул на них и на себя, разумеется, почти невесомое лисье одеяльце и шепотом спросил:

— Анализ точен?

— Мы не ошибаемся, Левчик.

— Сколько протянет?

— Не больше двух с половиной месяцев.

— Вы не перепутали смертины с бациллами?

— Так не бывает, Левчик.

— Что будет с народом? — сдавленным голосом сказала Верста.

— Народ бессмертен, — заверил ее Л.З., хотя в эту именно минуту до чертиков был ему

и народ, и его стоящий одной ногой в Мавзолее Хозяин. — А он будет лежать рядом с Лениным. Я уже принял это решение. — Временами министр не мог удержаться от постыдного и грубого бахвальства, являющегося, как нам кажется, извращенной попыткой многих ничтожных личностей инстинктивно вернуть себе образ утраченного достоинства или, что еще гнусней и отпетее, вкусить хоть на краткий миг того, что представляется достоинством их подбострастным умам и уродливым душонкам.

Шаловливая тройка уже изрядно вспотела под лисьим одеяльцем, и, хотя Л.З. никак не мог полностью отвлечься от преступно-заговорищических мыслей, дамочки принялись исполнять свои прямые чувственные обязанности.

— Странно, — прошептал Л.З., — палочки Коха имеются в мокроте Суслова, а смертинами в его крови, моче и дерьме даже не пахивает.

— С чахоткой можно сейчас прожить до ста лет. Для Михал Андреича чего только не везут со всех концов света.

— Трое наших парней погибли в Гималаях с грузом мумие. Кто-то подстроил лавину... Но хватит об этом, Левчик, нам еще ехать за мокротой Микояна, калом Кагановича...

— Чуть не забыли про мочу Булганина и Ворошилова...

— Ничего, — злобно и решительно побахвалился Л.З., — скоро сено перестанет ходить к лошадям. Пора им самим являться с баночками и пузырьками в Кремлевку... Кое-кто у нас слишком заелся... сволочь бесконтрольная...

Вдруг Л.З., плюнув на конспирацию, сбросил со всей группки чудесную огненно-рыжую полость и, косясь в настенное зеркало, вновь самозабвенно вообразил себя всесильным вельможей, уволокшим в дворцовый жаркий закуток парочку распутных фрейлин в перерыве между вальсом «На сопках Маньчжурии» и танго «Дождь идет».

— Я осложнил отправку регулярным употреблением александрийского листа.

— А вот мы вам сделаем клизмочку...

— Да бросьте вы, Лев Захарович, стесняться, как маленький... Ну будет вам.

Под сей словесный аккомпанемент Л.З. приступил наконец непосредственно к половому акту.

Пока он неуклюже перебирался с одной дамочки на другую, доводя жлобскую иллюзию полноты обладания женщиной до степени сладчайшего из самообманов, расскажем в двух словах о необычайной судьбе наших, весьма довольных жизнью и служебным положением двойняшек.

ГЛАВА ВТОРАЯ

В 1937 году Л.З. распорядился арестовать, заточить и ликвидировать Абрама Наумовича Р-ча, который в течение ряда лет работал под его началом в «Правде». И не только работал, а ревностно и вдохновенно, во всеоружии недюжинного интеллекта и пламенной любви к марксизму-ленинизму сочинял за Л.З. все передовицы и

прочие выступления как в печати, так и на всевозможных в те ораторские времена собраниях.

Постепенно, как это часто бывает с характерами отъявленных и мелких негодяев, искренняя признательность Л.З. Абраму Наумовичу перешла в неистребимую к нему ненависть. К тому же доверенный помощник игриво заметил на одном из банкетов в «Правде»:

— Я счастлив, что становлюсь вашим *альтер эго*, Лев Захарович.

Редактор высшего партийного органа не подавал тогда виду, что просто очумел от внезапного страха.

Он моментально вспомнил, что на днях один испанец, выдававший себя долгие годы за коммуниста-сталинца, признался после ряда допросов в том, что заслан в Москву генералом Франко для организации целого ряда пятых колонн. Фамилия шпиона была не то Ортега, не то Фунтега. В общем, чуть ли не эта самая *Альтерэга*...

Тем же вечером Л.З. сигнализировал куда следовало.

За Абрамом Наумычем, излагавшим жене родственный разговор с главным редактором «Правды» насчет *альтер эго*, незамедлительно прибыл наряд чекистов.

Ошеломленный Абрам Наумыч выпросил у сравнительно гуманного старшего чекиста разрешения позвонить Л.З.

Ночной звонок отвратительно прервал половой акт товарища Мехлиса с тогда еще желанной супругой.

— Мехлис слушает.

— Лев Захарович... происходит ошибка... меня арестовывают... ваше вмешательство...

— Абрам Наумич, — перебил свое второе «Я» Л.З., — ошибаются только одиночки. У партии ошибок быть не может. Думать так — значит легкомысленно предполагать, что наш авангард, что миллионы людей могут ошибиться одновременно. Логично?

— Логика не всегда в состоянии зеркально воспроизвести истины действительности... я умо...

— Сталинская логика и диалектика — мощное зеркало природы и общества, — отрезал Л.З., вспомнив просветительные беседы со своим первым референтом.

— Умоляю вас позаботиться о моих девочках... спасите мою жену...

— Хорошо. Спокойной ночи, — дружеским тоном сказал редактор «Правды».

На следующий день Л.З. принял в своем кабинете Анисью Ермолаевну, потрясенную арестом Абрама Наумовича, которого она не без основания считала кристаллически честным сталинцем.

Голубоглазое, милокурное, нежнопухлогубое лицо жены арестованного агента франкистской разведки привело Л.З. в чувственное и бахвальское состояние. Обняв Анисью Ермолаевну и как бы братски поглаживая ее по вздрагивающим от горя и сердечной слабости плечикам, Л.З. проникновенно пообещал сделать все для восстановления истины и освобождения

Абрама Наумыча из-под стражи. Бедная женщина бурно разрыдалась от дошедшего до измученной души тепла человеческого участия и спасительной надежды.

Тогда Л.З., совершенно уже изнемогавший от похоти, заставил Анисью Ермолаевну глотнуть чуток коньячку для поддержки сил и расширения сосудов мозга...

Затем ласково усадил ее на кожаный диван. Звонком дал знать секретарю, чтобы никто не смел беспокоить. Посоветовал взбудораженной перипетиями тогдашней жизни страдальце прилечь и успокоиться, а сам все нашептывал слова утешения. Вспотев и тяжело дыша, заговаривал беспардонными обещаньями. Сам все поглаживал плечики. Стискивал пальчики. Вроде бы невзначай дотрагивался до трепещущей груди. Расстегнул кофточку, так сказать, для облегчения стесненного дыхания. Пылко гундосил, что примет все меры, вплоть до самых откровенно-решительных... что одного звонка Сталину будет вполне достаточно... безобразие... Сам все наглел от удушающей похоти, слепо, как всегда, рвавшейся к соитию и удовлетворению... Посоветовал уехать на время в родную деревеньку... он вышлет машину, как только освободят верного помощника... без него — как без рук... давайте, Анисья, жить, несмотря ни на что... давайте... давайте... давайте жить...

Бедная женщина, хоть и не успела ни в малейшей степени развратиться за пятнадцать лет жизни в столице нашей Родины, почуяла все же похабное несоответствие рук и ног благодетеля,

а также его прерывистого дыхания с высокоморальными выражениями в адрес поправленной чести и жертвы роковой ошибки.

Она замерла на миг, требовательно прислушиваясь к своим сомнениям и открытиям. Л.З. миг этот показался тихим, всепокорным знаком согласия на беспечную страсть в служебной обстановке. Он и допустил совсем уж неосторожное и предельно откровенное движение нахальной, беспринципной рукою, после чего Анисья Ермолаевна взбешенно вскочила с дивана, схватила по старой деревенской привычке то, что под руку попало, то есть вырезанную из самшита статуэтку Ленина, и врезала ею Л.З. промеж глаз.

В этот момент и сделал свое дело накопленный за долгие мандражные годы под шкурою Л.З. жуткий страх.

Для нас несомненно его глубочайшее родство с предчувствием неминуемого возмездия за все грязные и тяжкие злодеяния, совершенные человеком при восхождении по трупам и по чужим искалеченным жизням на вершину Мавзолея.

Страх этот от удара промеж глаз — совершенно, надо сказать, безопасного для организма — так был жуток, что сердце организма вдруг приостановилось на мгновение, кровь отшатнулась от разгоряченного мозга, ноги враз подогнулись, и Л.З. рухнул враскорячку на багровый бухарский ковер — реквизирован у казенного секретаря ВЦИК Узбекистана.

Женщина с вытаращенными от безумного

ужаса глазами и со статуэткой Ильича в руке выбежала в приемную.

Секретарю и всем бывшим там чиновникам-газетчикам радостно померещилось, что произошло непоправимое, то есть что товарищ Мехлис, возможно, безвременно ушел от них или хотя бы надолго... дай-то бог... вышел из строя.

Лицо Л.З. было залито кровью. Очухавшись, он размазал ее попухе по лбу и щекам. Привстал пошатываясь, но выпрямиться не решался. Необходимо было скрыть от подчиненных факт нахождения во время потери сознания, а главное, рабочего дня в нелепом плену бурной эрекции.

Подчиненные заставили себя издать лицедейские звуки радости и сочувствия, увидев живого Л.З.

Раненый мужественно присел на диван, закрыл глаза, вытянул распорядительно руку и слабым голосом приказал:

— Арестовать!

Тут часть подчиненных, совсем опомнившись и соответствуя не личным скрытым настроениям, а служебным инстинктам, арестовала покушавшуюся.

Затем примчались представители органов, и все было кончено.

Л.З. вскоре отправился в правительственный санаторий отдохнуть и подлечить пошаливавшие после покушения на его жизнь нервишки.

Однажды в концертном зале санатория учащиеся закрытой лесной школы для детей ответ-

ственных работников давали самодеятельный концерт отдыхающим сановникам. Л.З. моментально узнал сестричек-двойняшек, дочерей загубленной им четы.

Полагаясь на твердо установленный в органах порядок отношения к детям врагов народа, он вспомнил о них однажды в деловой кутерьме и рабочем энтузиазме тех лет, но отогнал от себя неприятные мыслишки. Отогнал и преисполнился, как многие чудовищные злодеи, а также мелкие и тупые пешки, чувством печальной необходимости принесения новых жертв, неизбежным якобы следствием всех великих исторических переломов.

Универсальное и загадочное это чувство лукаво поселялось как в психике палачей, так и утешало своим присутствием изморожденные души большевистских фанатиков. На этот раз партийная судьба взяла да и выкинула им, сволочь, поганый жребий быть жертвами.

По прошествии многих лет и палачи-долгожители, и чудом уцелевшие жертвы с омерзительным единодушием пытаются одухотворить и романтизировать трагическое, как им навязчиво кажется, чувство уважения, а порою даже любовь к одному из самых похабнейших изобретений человеческого разума — к пресловутой исторической необходимости — невидимке.

Эти выродки не подозревают, кого именно они при этом так почтительно уважают и сокрушенно любят.

Мы предполагаем, что происходит сие вот по каким причинам.

Полностью приняв искусительные и на первый взгляд благородные программы утонченного в своей изначальной извращенности известного утопического учения, коммунисты-самоубийцы — будущие жертвы и палачи — полностью же обезоружили себя в простейшем, но истинно бытийственном смысле.

Они капитулировали как человеческие существа не перед обольстительным ликом *«мертвой»*, по нынешней фразеологии одного известного недоумка, *«идеи»*, но перед натуральным, трехдырым мурлом самой *смерти*.

В такие непосильные для психики, для разума и вообще для *образа человека* моменты, когда вот-вот должна бы поглотить некоторых «небессовестных» палачей и «думающих» жертв ужасающая бездна оставленности, *жизнь* с беспредельным великодушием подкидывает им спасительную соломинку в виде этой самой похабной истнеобходимки-невидимки.

Подкидывает вроде бы без строгого разбора: кто есть кто?... без пристального выбора существ более достойных милостивого отвлечения от безумия ожидания теперь уже не совсем бессмысленной гибели.

Более достойные и просто-напросто сравнительно невинные существа часто погибают или же чудом спасаются как раз потому, что *жизнь*, почувствовав их необолащенность и необезоруженность перед трехдырым мурлом, оставляет их тотчас с глазу на глаз с *трагедией* и бросается на самые, так сказать, трудные участки — вызволять из скрюченных фаланг Костлявой

жалких, неумных, слепых и глухонемых ничтожеств, психике и разуму которых и помочь-то, оказывается, уже нельзя ничем, кроме унижительной для человеческого достоинства, но, слава уж богу, вполне животворной для высших задач существования байкой об исторической необходимости, столь популярной в палаческие и жертвенные времена.

Ничтожества эти за этой спасительной байкой не почуют вовек великодушия всевидящих сил *жизни*, не нуждающейся, впрочем, в благодарности оскопленных слепцов за продолжение самой себя в их невыносимо бездарной и, в сущности, бездушной плоти...

На том самом концерте воспитанниц и воспитанников лесной школы Л.З. буквально содрогнулся от поразительного сходства двойняшек с ликвидированной Анисьей Ермолаевной. Содрогнулся не душевно, от жалости к сиротам или от совестливой вины, а от неудержимо вспыхнувшей похоти.

Почти шестнадцатилетние девицы не были еще оформлены до конца, но щеки их женственно горели от сценического возбуждения, девичьим грудям явно было тесно под белыми пионерскими блузочками, а синие юбочки тоже, казалось, вот-вот треснут по швам на бедрах и попках.

Две эти девицы — Л.З. позабыл почему-то их имена — распевали песню о Сталине, на месте им не стоялось. Они притоптывали в такт музыке и как-то так сгибали и разгибали колени, чудом убереженные от шрамиков и даже за-

пекшихся ссадин детства, как-то так терли они друг о дружку умопомрачительные свои пухлые, нежные коленки, что у Л.З., да и не только у него, сладко свело глотку и стеснило дыхание. Затем девицы раскланялись с бешено аплодирующей публикой.

Получив возможность беспрепятственно встать, Л.З., как и остальные отдыхающие, вышел в фойе.

Осторожен он был, словно неглупый волк, который точно знает, чего хочет. Только в мозгу навязчиво мельтешили идиотские слова: «Партия и Ленин — близнецы и братья... Кто более матери-истории ценен?..»

Опустим все обстоятельства и маневры Л.З., благодаря которым двойняшки через два года, по достижении ими совершеннолетия, стали однажды его добровольными любовницами.

Конечно, Л.З. расхохотался бы, если бы самое доверенное лицо на белом свете, то есть если бы он лично сказал себе, что сожитительство с двойняшками стало главной целью его жизни. Но так оно и было.

Кстати, при всей необычности жизненной цели такого рода нам она кажется во сто крат человечней, нормальной и, если угодно, невинней всех остальных, поставленных высшими политруками советской власти, заведомо недостижимых целей...

Работа, инспекционные поездки, а также заварушки на озере Хасан и в районе Халхин-Гол отвлекали Л.З. от частого подсчета оставшихся до желанного момента месяцев, дней и часов.

Наконец настал долгожданный день рождения двойняшек. Они кончили лесную школу и должны были поступить в мединститут. Места им уже были забронированы.

Девицы продолжали жить в лесной школе. Л.З. позвонил туда, сказал каждой по очереди, чтобы не брали с собой никаких тряпок, потому что для них готов новый гардероб... начинается взрослая жизнь... пора вылезать из шароварчиков и коротких юбочнок...

Одним словом, все было готово в один из летних, славных денечков сорок первого года к приему «обожжаемых тел».

Накануне Л.З. лично позвонил замнаркому здравоохранения и сказал так:

— К концу рабочего дня подготовьте и доставьте докладную записку о групповой дефлорации.

— Простите, товарищ Мехлис, не совсем понял...

— Все о групповой де-флорации. Ясно?

— Будет выполнено, товарищ Мехлис. Вас понял...

Замнаркома здравоохранения СССР немедленно вызвал из небытия профессора Вагинова, занимавшегося в двадцатые, полные безумных мечтаний и надежд, годы проблемами сексологии социализма-коммунизма.

В быстренько сочиненном «Путеводителе по счастливому будущему» профессор посвятил целую главу праздничной церемонии «мас-слишдевневу» — массовому лишению девичьих невинностей — молоденьких обитательниц «комобций» — коммунальных общежитий.

«Путеводитель по ЭС БЭ» был уже в печати, когда разразилась гроза. Перерожденцы вычислили Вагинова из партии. Его лишили кафедры и запретили преподавать. Не помогло даже то, что по звонку Троцкого за очерненного энтузиаста вступился сам доктор Фрейд.

Более того, Вагинов отдан был под суд, так как родители дюжины девиц, жертв «экспериментальных исследований некоторых косных пережитков эволюции», обратились с гневным письмом к Н. К. Крупской, бывшей в то время как бы совестью нашей половой жизни.

Родители жаловались на то, что их дочерей дефлорировала в день Седьмого ноября 1925 года группа военнослужащих командного состава во главе с Буденным, но под наблюдением и руководством профессора Вагинова, после чего молодые женщины получили памятные дипломы и неприличные фотографии.

Тираж скандального «Путеводителя» был уничтожен, а автор его сослан на Соловки...

Так вот, замнаркома вспомнил в тяжкий миг своей жизни о развратнике от науки Вагинове и его авангардистском труде.

С помощью дружков из органов и Моссовета Вагинова мгновенно обнаружили и доставили в кабинет замнаркома.

Он прямо спросил:

— Сохранился ли хоть один экземпляр «Путеводителя»? После наших побед на озере Хасан, в Литве, Эстонии и Латвии, Юрий Валентинович, кажется, меняются времена... Партия интересуется сегодня всем имеющим отношение к групповой дефлорации.

— Готовится какая-нибудь всенародная акция? — рискованно пошутил Вагинов.

— Я не посвящен в подробности. Итак, могу я рассчитывать на вас?

— В полной мере. Однако заветный экземплярчик находится в Калининe, бывшая Тверь. Давайте машину. Трястись в поездах больше не желаю.

— Не беспокойтесь. К вашим услугам спецсамолет. Выезжайте в Тушино. Машина у подъезда...

Через несколько часов замнаркома здравоохранения СССР лично доставил библиографическую ценность Л.З.

Вот чем занималась часть высокопоставленных лиц 20 июня 1941 года.

Всех близких Л.З. предусмотрительно отправил отдыхать на все лето в Ливадию, Крым.

21 июня 1941 года он стоял с букетом полевых цветов на крыльце дачурки. Наконец подъехал «линкольн» с Верленой и Верстой. Л.З. пошел им навстречу, отечески раскинув руки для теплых поздравительных объятий.

Пахли девицы, ошалевшие от волшебств, дешевым одеколоном, телячьей кожей линкольновских сидений, дорожным бензинчиком и пикантно перебивавшим все эти милые запахи нежным потом юных подмышек.

Л.З. сразу принял решение неукоснительно сочетать родственную нежность с деловой строгостью. Сказал, что ему необходимо до обеда поработать. Просил сервировать стол и охладить шампанское... День был жарким...

Л.З. сидел в кабинете на втором этаже дачурки и с чувством почти беспредельного всемогущества, сообщенного ему не только достаточно высоким положением, но ни с чем не сравнимым предвосхищением обладания «обожаемыми телами», работал над проектом всеармейского приказа «О запрещении беспорядочных половых сношений рядового и командирского составов с местными жительницами на территориях Эстонии, Латвии и Литвы».

Казалось, вся терзавшая Л.З. ужасно долгими месяцами и годами похоть нашла себе вдруг выход в страстной ярости и в глубоком возмущении, с которыми обрушился он, орудуя американской самопиской «Эверест», на «презревших все нормы коммунистической нравственности красноармейцев, командиров и даже политруков, пользующихся «увольнительными» как лживым предлогом для вступления в половую связь с враждебно настроенным к Красной Армии населением... безотлагательно искоренить... вплоть до лишения воинских званий... уведомлять в каждом случае невест и жен совокупившихся... пяти нарядам вне очереди... повторно... пятнадцать суток строгой гауптвахты... начать секретные исследования... в виде безвкусных десенсорных добавок в красноармейский котел и в блюда комсостава... комсомолы и коммунисты должны быть в первых рядах борцов с половой распущенностью на вышеупомянутых территориях...».

Из столовой до вдохновенно работавшего Л.З. доносилась изумительная, волнующая по-

чище, чем Глинка и Чайковский, фарфоровая, хрустальная, серебряная музыка сервизов. Сестрички мурлыкали под нее разную легкомысленную советскую белиберду, и такое вдруг нахлынуло на Л.З. чувство полноты счастья и любви к себе, к работе, к дачурке, к невыразимой устроенности жизни, к стране, к Сталину и особенно к этим вот двум существам, кричащим из кухни «поросенок уже прямо прыскает, Лев Захарович...», что он в каком-то сладчайшем порыве потрясенной души искренне подумал: «Ничего не пропало даром... ничего... ни годы круглосуточного труда... ни вынужденные жертвы... ни потеря здоровья с ослаблением функций сердца и почек... ни страхи и ожидания крушения нашего сталинского ЦК... ничего...»

Л.З. не мог больше сидеть в кабинете. Проект приказа остался недоработанным. Начполитупра армии спустился вниз.

Верлена и Верста, с этой минуты — Верочки, зашторили окна и зажгли свечи. Л.З. был буквально пьян без коньяка и шампанского.

— Я думаю, что мы поднимем наш первый тост за ваших родителей, Верочки. Если бы не они, мы не имели бы сегодня счастья сидеть вместе за этим столом, — сказав так, Л.З. преисполнился бурным уважением к себе за проявленное, как ему казалось, принципиальное благородство.

Тон, надо сказать, взят был Л.З. наивыгоднейший, так как Верочки испытали очередную страстную благодарность к своему покровите-

лю за память о погибших в автокатастрофе маме и папе, что тотчас абсолютно расковало их аппетит, манеры, речь, характеры — расковало, одним словом, чувство жизни и чудесной свободы.

Л.З. подливал им шампанского, уверяя, что оно гораздо старше Великой Октябрьской революции и из подвалов самого Николая Кровавого. Затем Л.З. овладела обычная застольная тяга к еврейским, грузинским, армянским и солдатским анекдотам.

Кроме всего прочего, Л.З. старался следовать рекомендациям «Путеводителя в светлое будущее», особенно параграфам, посвященным «усиленному воздействию на подсознание дефлорируемых избранниц произведений музыки, художественной литературы, танцев и остроумия устной речи, всегда приносящим неожиданные эффекты и во многом облегчающим выполнение задач № 1 — 3, а также 14, 21 и так далее».

— Однажды Рабинович с супругой пригласили на чашку чая с курочкой Бусю Гольдштейна и Пушкина. Вдруг Рабинович спохватился и закричал: «Маня, где ты, Маня?»... А Маня отвечает: «Я и Буся под столом...»

— Увв-ха-ха-ха...

— Ой, поммммиррраю... А потом?

— Потом пошел Пушкин с девушками в лес. И вдруг заблудился. Между прочим, царь очень этого не обожал.... Девушки кричат: «Пушкин... Пушкин... Где ты?» А Пушкин отвечает: «Во мху я по колено».

Бешеный хохот. Огромный успех... Л.З. разошелся и рискнул рассказать совсем уж староказарменную похабщину:

— Генерал спрашивает у Екатерины Второй: «А что это у вас?»... Вы знаете, Верочки, что этот монарх была ужасно развратная?.. Отлично... Она и отвечает генералу: «Это у меня — горы алтайские». Речь шла о животе... Тогда он показывает пальцем на... буфера, то есть на грудь: «А это что-с?» — «Колокола китайские». — «А это?..» Вы, конечно, понимаете, о чем идет речь... «Это — ад кромешный», — говорит Екатерина, а сама хватает генерала... подождите, не хохочите... за огромную ялду и как крикнет: «А у тебя это что, мерзавец?» — «У меня, товарищ императрица, это — Иуда грешный». Подождите, не хохочите... Тогда Екатерина приказывает: «Ложись, генерал, на горы алтайские, берись за колокола китайские и гони Иуду грешного в ад кромешный...»

Л.З. был потрясен правильностью рекомендаций профессора Вагинова. Верочки вывалились от бешеного хохота из-за стола да вдобавок потянули за собой удивительно остроумного анекдотчика...

Вдруг Верста воскликнула:

— Ленка, это наш ковер... наш... смотри...

— Да... да... наш... вот — на изнанке надпись «В ЧК Бухары»...

— А вот пятно от кашек Рекса... Как я сразу не узнала?..

Л.З. обомлел, скрипнул зубами — ах, если бы слышал это скрип завождем вещей и

предметов, конфискованных у врагов народа, — но быстро нашелся:

— Я надеялся, что вам это будет приятно.

Верочки с рыданиями, столь естественными после хохотунчика, бросились на шею душевно-чуткому покровителю... Затем было много слов о счастливом детстве, трагических случайностях, слов о том, что Л.З. теперь «папа и мама вместе взятые» и так далее...

После обеда мило и с продолжением ненавязчивых обжиманий побултыхались в бассейне, закрытом от посторонних глаз глухим и высоким забором.

Л.З., как бы возносясь вновь над утехами жизни, строго сказал:

— Девочки, мне необходимо поработать и позвонить Иосифу Виссарионовичу.

Это был неплохой дрессировочный ход. «Отдохните. Почитайте. Советую познакомиться с Барковым и гусарскими поэмами Лермонтова. Может быть, перед ужином вам всунуть? — Верочки были в некотором смущении. — Два пальца в рот никогда не помещают, — умело ввернул лукавый наставник, работавший, в соответствии опять же с рекомендациями профессора Вагинова, исключительно на тончайших ассоциациях. — Нам ведь предстоит чудненький товарищ ужинчиков с заливным из гусиных мизинчиков...»

Л.З. вернулся к проекту приказа с твердым намерением ужесточить меры наказания по отношению к бойцам и командирам, сношавшим-

ся с представительницами пятых колонн в Литве, Латвии и Эстонии...

Прервав работу и приоткрыв дверь, нарочно громко инсценировал разговор со Сталиным:

— Добрый день, Иосиф. Это я — Лев. Ну что нового?.. Пожалуй, по-старому даже лучше... Уровень политической подготовки наших войск находится на наивысшем уровне... Сделаем... Учитывая, что война будет вестись на вражеской территории, я проектирую приказ о ряде мер к любителям левых пистонов... пора с этим кончать... мы не средневековые рыцари, которые, понимаете, врываются, так сказать, в замки и сразу лезут, грубо говоря, под подол к феодальным графиням... У меня к тебе просьба: нельзя ли ту улицу, где произошла катастрофа с моим Рабиновичем, как-нибудь переименовать в знак памяти о настоящем коммунисте и его жене?.. Спасибо, Иосиф... Согласен... «Вторая Среднемарксистская» — чудненькое название... Всего...

Три четверти подготовительной работы, по прикидкам Л.З., было закончено. Оставались какие-то нелепые, но будто бы необходимые игры с девицами в «прятки священные», «обыск арестованных аристократок» и «пытки героев».

Девицы клевали носом, несли чушь об отметках и суровой школьной дисциплине и в унисон икали.

Л.З. строгим и деловым голосом сказал:

— Начинаем готовиться к побудке, то есть к ночной вахте. С предварительной игрой в «пыт-

ки героев». Будьте готовы. Я явлюсь через пятнадцать минут... — Он по-военному повернулся через левое плечо и промаршировал в сортир. Там Л.З. бурно сблевал и скорчился от хохота. Он представил на минуточку рожу Кагановича, узнавшего о половых достижениях Мехлиса, представил его зверскую зависть и беспринципные интриги с целью отбить у Л.З. двух молодых единиц.

Они умрут... они умрут, вождеденно подумал Л.З., когда я расскажу им хладнокровно о лишении невинности двух комсомолок сразу... Они умрут... они не вынесут от зависти моего успеха у женщин... Это будет триумф, достойный мандолины Джамбула...

Верлена и Верста заснули прямо на полу, успев облевать ковер и подоконник. Л.З. скинул с себя махровый халат — презент корреспондента в Испании М. Кольцова — и полез на «первый объект». В какой-то момент с большой обидой изумился. Изумился и деловито перепроверил, так ли это все?.. Вот нынешняя молодежь... Быстро перескочил на вторую из Верочек... То же самое... Бесследно... Ах, подлецы... ах, растлители... представляю, как хохотнули бы сейчас Каганович с Буденным... расстреляю Вагинова... почему в пособии не указан момент проверки кандидаток в женщины?.. Почему упущено значение контроля?..

Л.З. бешено растормошил двойняшек. Они пьяно что-то забормотали. Офужлошенный покровитель отвратительно заорал:

— Мне нужны имена... Только имена... Уч-

тите — Мехлису в постели не лгут... и это... вместо благодарности... И-ме-на, проститутки.

Сестры тут же кинулись ему в ноги:

— Успокойся... Мы специально пошли на это...

— Это... предрассудок... Он нам достался от жестокой природы...

— Ты возился бы сейчас... Все гнусно и больно...

— Ну хорошо. Не будем дуться друг на друга. Приступим к удовлетворению, — сказал Л.З. — Сегодня у меня двойная ответственность...

Тут пошли шуточки, полная и замечательная открытость, дамы по очереди убегали за шампанским. Л.З. неумело куражился, хотя казался себе Дон Жуаном, Аполлоном и Лукой Мудичевым одновременно. Перебирался с одной пышки на другую. Глупо поучал неведомому ему самому искусству любви. Давал все более похабные и похабные советы.

Но только он скомандовал прерывающимся голосом «начать подготовку к изверженчику семечка», как пронзительно зазвенел звонок телефона, словно обухом по башке ударив мгновенно замершего в затейливом телодвижении Л.З.

Сначала ему показалось: просто звенит в ушах, что, между прочим, бывает у людей, подверженных слуховым и иным галлюцинациям во время полового акта.

Один звонок... второй... третий... четвертый... Звонки были такими строгими, начальственными, капризно-раздражительными и от-

кровенно властными, что Л.З., не помня как, оказался у телефона и снял трубку:

— Мехлис у телефона.

— Почему не просыпаешься по боевой тревоге? — Л.З., узнав голос вождя, почувствовал себя кастратом, брошенным в холодную воду.

— Я не спал, Иосиф Виссарионович. Честное слово.

— Что ты делал?

— Пытался закончить...

— Закончишь в шесть часов вечера после войны. — Тут Л.З. слишком уж истерически угодливо взвизгнул со смеху. Сталин этого не любил. — Что бы ты, интересно, предложил, если бы мы сообщили тебе о начале военных действий против немецко-фашистских захватчиков?

Л.З., думая, что шутка продолжается, со смешком же ответил:

— Предлагаю переименовать «брудершафт» в «междусобойчик», и давайте уж, Иосиф Виссарионович, бросим наконец называть гауптвахтой нашу армейскую каталажку. Да и карцер Красной Армии ни к чему...

— Карцер Красной Армии ни к чему, — задумчиво повторил Сталин и вдруг вскрикнул: — Почему ты не на фронте, сволочь?.. Я твою маму и маму мамы ее мамы ебал, комиссар херов!

— Сию минуту выезжаю, товарищ главнокомандующий!

— Кто тебе сообщил, что я — главнокомандующий? Откуда это слово?

— Честно говоря, не раз думал о вас и новой войне как второй Отечественной войне советского народа.

— Хорошо отвечаешь. Поднять на ноги всю пропаганду и агитацию. Готовь лозунги и призывы. Явиться за назначением. Все.

— Война, — сказал Л.З. Верочкам, так и застывшим на коленках в кровати, с кулачками у разинутых ртов. — Война... А ведь я говорил... я доказывал... превентивно, так сказать, вмазать по Берлину... отравить экспортируемое продовольствие... и ряд других действенных мер — и вот мы доигрались, дорогие товарищи, в «жмурки священные» с мурлом фашизма... дошарахались в диалектические крайности... А Мехлис теперь расхлебывай... Когда плохо — подавай сюда Мехлиса... Он все может, — не без искренней слезы разбахвалился Л.З. Девчонки вдруг распалились так безумно и так взяли его в страстный оборот, что ему уже было не до Отечественной войны и не до мамы мамы мамы ее мамы... Зубы у него цацакали, он мычал: мыама... ммамма... маамаа... мыыыма...

Затем Л.З. позволил себе полежать между любовницами, осваиваясь с новой ситуацией в жизни страны, партии, народа и в своей лично жизни, обретшей вдруг долгожданный истинный смысл и посулившей было надежду на многолетнее половое счастье.

— Мне обидно. Но сейчас военное время. Я никого не хочу зря расстреливать... Имена, невзирая на лица и звания. Я жду. — Л.З. успел уже приучить Верочек к властности своих ин-

тонаций и к сопровождающим их театральным жестам. — Вы знаете, что мне особенно близка и дорога правда. Этому органу я отдал лучшие годы жизни. Так же, как ваш папа... Имена.

— Учитель географии, — сказала Верлена.

— Истории, — призналась Верста.

— Всех — на фронт! — вскричал в бешенстве Л.З. — И историю, и географию... Всех на фронт.

Вдруг до него дошел окончательный смысл происшедшего... **война... война...** при таком преимуществе в вооружениях, технике и армейском порядке Шикльгрубер может отбросить нас за Урал на три-четыре месяца... Катастрофа... Хохлы, казачество, прибалты, белорусы, чечня, татары, о русских и говорить нечего, наверное, уже носят на руках освободителей... катастрофа... Сталин, не задумываясь, выдаст всех руководящих и неруководящих евреев в кровавые лапы Шикльгрубера... ах, швили-шикль проклятый.

Л.З. вскочил с гигантского ложа и бросился к телефону.

— Гаков? Это я. Все уже знаете?... Срочно выезжайте в седьмую лесную школу. Всех учителей, включая завуча, невзирая на возраст, на фронт. Да. Разыщите через Наркомздрав некоего Вагинова... повторяю по буквам: война, анализ, гибель, ирония, невероятно, оккупация, война. Ва-ги-нов... Всех — на фронт. Остальных — в общем порядке. Скоро буду. — Он бросил трубку и с чувством сказал: — Подлец. Дойти до того, что не указать в «Путеводителе

по светлому будущему» на необходимость проверки участниц дефлорации на девичесть... Ну почему?.. Почему сволочной этой войне не начаться на сутки позже?.. Необходимо бросить еще одну палку — и на фронт... Чтоб первая же бомба Шикльгрубера попала прямым попаданием в сациви Джугашвили... Ленин не позволил бы так провести себя за нос...

— Хорошо, что папа и мама не дожили до этого ужаса...

— Мы так были с тобой счастливы — и вот на тебе... война...

Л.З. вдруг снова полез на Верочек с той самой невероятной, безумно страстной половухой, которая и по сегодняшний день является, слава богу, одной из двух главных бытийственных сил, бесстрашно и весело плюющих во все дыры черепа смерти, пытающейся покончить с жизнью непременно раньше времени.

Тут вполне уместно было бы потолковать и удрученно и вдохновенно о том, какова есть похотливая скотина человек и почему это он таков при наличии у него величавого разума и бесчисленных возможностей достойного соотношения поведения с Мудростью или, что то же самое, с прекрасной простотой всех норм существования.

Можно было бы потолковать... можно было бы... Но тема ведь эта поистине неохватна, с какой стороны за нее ни возьмись...

Думается только, что если бы различные чувства ужаса перед жизнью, а также осознание безумного зла и уродства истории не были бы

столь предусмотрительно уравновешены в человеке вроде бы безрассудным и подчас возникающим как бы ни к селу ни к городу желанием немедленно поебаться, то многие, к сожалению, просто не вынесли бы несуразнейших жестокостей Бытия.

Посему и снабжены мы, в отличие от прочей живой благородной твари, со счастливой беззаботностью не обмозговывающей крайне разветвленного трагизма жизни, совершенно баснословным запасом похоти. Запас этот фантастически и с замечательной откровенностью превышает все мыслимые и немыслимые нужды загадочного дела продолжения человеческого рода, чья кажущаяся беспризорность так огорчительна для потрясенной души нестойкого наблюдателя, окончательно усомнившегося в наличии положительных смыслов как в каруселях частных жизней, так и в отвратительном хаосе истории...

Да что говорить о зле и безумии истории, о ничтожестве современного мира и о невыносимых драмах личностей, попавших, допустим, по недоразумению в зубодробильную и душе-раздирающую костоломку Рока?

Не присутствовало бы если в человеке подстрекающее его и исподволь и демонстративно это самое желание поебаться — желание как бы выпасть на чуток времени в пленительную историю из общего течения черт знает куда, — то человек сокрушился бы от бесчисленных неудобств быта вроде давки в троллейбусах, пришел бы в необратимое отчаяние от клопов, та-

раканов, партработников и прочего начальства, накладывал бы на себя руки по разным пустякам с той же бездумной, освободительной легкостью, с какой он периодически мочится, и не вздумал бы человек стоически терпеть ни одной минуточки — уж за это мы вам ручаемся — омерзительной, лживой, капризной, по-крысиному бесчеловечной, удручающе обездушенной и бездарно порочащей все без исключения устроительные идеи Творца власти форменных мокриц, поселившихся в гранитных расщелинах Мавзолея...

Тут впору было бы помянуть добрым словом еще одну чудесную силу, животворно воздействующую на изможденного от уныния человека, — силу духа, но повествование мы ведем о Л. З. М., в котором сила эта и не ночевала.

Л.З. чуял, что их разнузданное трио вот-вот достигнет «гармоничного взаимодействия, чреватого бурным коллективным удовлетворением и кратковременной паузой» (проф. Вагинов). Он попробовал взять себя в руки и придать лицу «одновременно торжественно-деловое и страстно-героическое выражение», попробовал «предупредить появление на лице осоловелой остолбенелости как пережитка царизма» (проф. Вагинов), как под окном три раза квакнул управленческий «паккард».

В этот момент состояние Л.З., еще совершавшего по инерции «ряд завершающих фрикций на самых высоких нотах» (тот же автор), но мгновенно возвращенного кваканьем в поганую действительность, было, как говаривал великий Дюма, поистине неопишущим...

Л.З. был одним из сотен тысяч мужчин, а может быть, и миллионов мужчин, чьи половые акты варварски прервало трагическое известие о вероломном нападении лучшего друга товарищей Сталина и Молотова — Адольфа Гитлера — на СССР.

Исследователи Второй мировой войны в силу каких-то необъяснимых причин не придают этому громковопящему факту родовой и индивидуальной жизни никакого основополагающего значения.

И совершенно зря, на наш взгляд.

Бесчисленное количество раз во всевозможных жанрах отечественной словесности, включая фольклорный, обыгрывался этот самый проклятый момент современной истории; 22 июня, ровно в четыре часа... нам объявили, что началась война... порой ночной мы расставались с тобой...

Да представим же, наконец, самих себя 22 июня ровно в четыре часа. Если в те адские времена были мы не мужами, а всего лишь мальчишечками, спавшими в постельках, в юртах, на сеновалах, в саклях, на нарах, в ночном, в больничных коечках, спавшими с торчавшими от желания пописать невинными пипками, представим себя мужьями, женихами, любовниками, романтиками бесшабашной ебли, целеустремленными совратителями или хотя бы деловыми продолжателями человеческого рода...

Ведь ночь-то эта — с субботы на воскресенье. Подавляющее большинство народа, в том числе и различные бездельники, очумели от

трудовой недели и темпов очередной каторжной пятилетки...

Многие, сладчайше засыпая после сладчайшего же обладания подругами и женами, невыразимо обмирают от изумительного, от восстанавливающего все силы личности предвкушения любовных ласк на так называемом коровьем реву...

И вот прошла на территории европейской части СССР летняя ноченька... Зорьки мычат... Буренки ревут... Пеструшки с Вострушками перемыкиваются. В памяти вроде бы беспмятствующих городов сам собою, по своим таинственным и непреложным законам, просыпается на коровьем реву, кровь будоражит голодный глас вздремнувшей было страсти... Вперед... в любовь... в объятия... в радость взаимообладания... вперед... и еще дальше — к сотрясающему наши существа приближению к границам Бытия... и еще дальше — к счастливому и совместному переходу единственно священной во всей Вселенной границы, ибо дальше, собственно говоря, господа, некуда-с, и... вдруг, так сказать, прерывает вас и ваше естественное стремление к началу-завершению милого круга жизни коварный враг, перешедший, по мнению ебаного в мозг Сталина, вероломно и ни с того ни с сего священные границы... у реки... нашей Родины... все, как один, на борьбу с немецкими захватчиками... тучи ходят хмуро... но и своей вершка не отдадим... так что ты уж, прости, Маша... надо же так, Дашуня... вот что паскуды делают, Нинон... форменное безобразие, Ганна

Тарасовна... этого я от них не ожидал, Рахиль... очередная советская штучка, котенок...

Может быть, самое страшное в бытии отдельного человека не всевозможные удары Рока, каверзные подножки случая, ужасные несчастия тела и горести души, но вот это вынужденное внимание к враждебному вихрю, вмиг ввергнувшему человеческое существо в бездну оставленности, хамски прервавшему в нем чувство надежности Мира и оскорбившему доверие к несомненному еще минуточку тому назад плодоносному всесилию Жизни.

Война, одним словом, война...

Несчетное количество раз приходилось Л.З. орать по всяческим поводам: «За Родину! За Сталина!» Но каждый раз он, помимо своей воли, то есть бессознательно, испытывал такую ненависть к Сталину, что его трясло от страха быть разоблаченным в столь преступных эмоциях. К психиатру он обратиться никак не мог. Довериться кому-либо тоже было невозможно, а с учением Фрейда о бессознательном Л.З. не был знаком.

Иначе ему сразу стало бы ясно, что Сталина он ненавидит точно так же, как миллионы советских солдат и командиров, которые из-за поганы характера и ничтожества военно-политического интеллекта своего вождя выброшены были из мирного, хотя и во многом уродливого советского существования в нелепую, кровавую, обидную, двусмысленную бойню.

Многим здравомыслящим людям этот расхожий солдатский вой «За Родину! За Сталина!»

казался потоком сюрреальной извращенности человеческой психики.

«Умирать, подыхать, калечиться, оскверняя уста именем величайшего злодея и недально-видного кретина?.. Ну-с, знаете... Дальше этого — некуда...»

На самом же деле, как нам теперь кажется, в боевом этом умонепостигаемом вопле воедино была соединена любовь к изнасилованной Родине и святая, хоть и бессознательная, ненависть к ублюдку, сделавшему все возможное для того, чтобы Гитлер изнасиловал Россию со зверским, предысторическим, как выражались казенные утописты, вероломством...

«За Родину! Из-за Сталина!» — вот каким, на наш взгляд, было истинное смысловое звучание истошного боевого вопля той смрадной войны...

Жилось Л.З., вплоть до самого Дня Победы, великолепно. Верочки были отлично пристроены то в одном прифронтовом госпитале, то в другом. Два-три раза в неделю, независимо от хода военных действий, наступлений, отступлений, и наоборот, и т. д., и т. п., генерал Мехлис ухитрялся так или иначе «поймать» повзрослевших Верочек.

Кстати, Л.З. лично проследил за выполнением своего приказа насчет учителей географии и истории. А приказал он бросить «диверсантов в области Наркомпроса» прямо на передовую. Двум растлителям пришлось поначалу пробивать окружение немцев для того, чтобы попасть в расположение своего пехотного пол-

ка, а затем уже вместе с полком выбиваться из окружения сызнова.

Обе эти операции они выполнили блестяще, удивив деморализованных штабистов и самого Л.З. Ему немедленно было доложено о своеобразном воинском подвиге «исправившегося внутреннего врага». Учителей, лишивших Верочек невинности, он снова мстительно отправил в гущу нашего правого дела — в штрафбат.

Там они геройски отличились и дожили до переформировки. После чего по распоряжению Л.З. снова были отправлены в батальон смерти.

К этим феноменальным любителям жизни мы еще возвратимся в конце этого сочинения на свободную тему.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Теперь же вернемся в послевоенную спальню Л.З. Там мы оставили его в самом начале тщательно законспирированного полового акта с двойняшками-полюбовницами...

Л.З. ужасно хорохорился, хотя чувствовал себя весьма нездоровым мужчиной. Конечно же работа его обветшавшего раньше времени от страхов и стрессов организма была серьезно нарушена юдофобской сталинской паранойей и взрывоопасной интриганской страстишкой.

Он как-то вдруг замер, раззявил рот и, не видя себя, уставился в зеркало. Он просто оцепенел от ужасной мысли, бывшей всего-навсего слабым отблеском прочувствованного на одно лишь мгновение жуткого приближения всенеот-

вратимой бездны личного небытия. Л.З. понял, что сегодня ему не кончить... может быть, даже не кончить никогда..

Что-то более чудовищное, чем попытка вообразить смерть в привычных образах существования, подкосило Л.З., и все естество его сжалось в жалкую точку перед увеличившимися до своих истинных громадных размеров безжалостными громадинами *ничто* и *никогда*.

И теперь уже не кровь слабо пульсировала в истрепанных стрессами сосудах и сосудиках партийного животного, а две этих всесильности — *ничто* и *никогда*, — чудом каким-то уместившиеся в пару ничтожных словечек, толчками, холодно-жаркими толчками ударяли в мозг, в легкие, в печень, в прямую кишку, снова в мозг, в зрачки, в кончики пальцев рук и ног, в яйца, в уши, в поникшую головку члена, в сердце — в каждую клеточку тела... *Ничто... Никогда... Никогда... Ничто... Ничто... Никогда...*

Жалкая одинокая точка.. с хвостиком... с хвостиком... отражена в настенном зеркале, но не видит своего отражения... жалкая точка с хвостиком... живчик, никак себя не осознающий и от ужаса запредельного, изначального одиночества не ведающий, где он находится: в преддверии ли человеческой жизни?... на страшном ли ее прощальном пороге?... в сладчайшем ли изнеможении, то есть в наслаждении невозможностью не извергнуться в зовущее, в кричащее в себе *начало* или в тупом и безответственном безмолвии конца?..

Вся эта пакость — от нервной суеты мозга,

думал Л.З., нужно кончать со Сталиным и начинать новую нормальную жизнь... о-о... Мехлису очень приятно... Мехлис хочет кончить...

Кстати, во время экстренных ухищрений полового характера Верочки ухитрялись обделывать свои делишки. Л.З. становился податливым до удивления и комизма в изнеможении от нахлынувшей неги. Это свидетельствует о замечательном пренебрежении человеческой психики ко всем совершенно факторишкам материальной жизни во время половых актов, особенно актов бестолковых, неудачных и прерванных какими-либо отвратительными обстоятельствами, когда оскандалившийся мужчина не постойт за ценою и заплатит, пресмыкаясь перед самочкой, черт знает как и черт знает чем за возвращение себе самцового достоинства.

Мы-то опять-таки видим в подобного рода ситуациях действие сил самой *жизни*, пытающейся превозмочь роковые оцепенения в своих ищущих космического торжества истоках, а посему и не ставящей порою ни во что даже все сокровища царств, если они, конечно, имеются под рукою у отчаивающихся сластолюбцев...

«Левчик... племянник двоюродного брата кончил аспирантуру... переведи в Москву... очень просим...» «Из-за судебной ошибки хотят расстрелять прекрасного человека... позвони Швернику... нужен пересуд...» «Устрой в Госконтроль Свердловска нашу подружку...» «Всего-навсего двухкомнатная квартира, а в Тбилиси он оставляет государству целый дом...» «Тебе ничего не стоит... ты — сладкий... ты —

сладкий...» «Всего-навсего комбайн для колхоза...»

Примерно такого рода речи, канючання, вымаливания и просьбишки Верочки обрушивали — разумеется, при возможности говорить — на ословевшего Л.З., и он, бывало, постанывая, порол какую-нибудь конспиративную чушь, а свободной рукою черкал в именном блокнотике записку, имевшую абсолютно пробивную силу.

«Будь добр, не откажи в просьбе. Не останусь в долгу. То дело давно двинуто...» «Подавательнице сего помочь безотлагательно...» «Удивлен жестокости приговора Усламбекову. Зря мы разбрасываемся кадрами, которые приносят больше пользы, чем некоторые чистоплюи. Необходим пересуд...» «Костик, посмотри квартиру для близкого моей семье человека. Заходи, решим вопрос с назначением твоего балбеса в инотдел ВЦСПС...»

Все кончилось бы благополучно, Л.З. кое-как достиг бы трижды желанного оргазма, но в тот самый момент, когда он, проклиная камзольную парилку и давившее горлянку жабо, пристроился было к Версте, способной, по его словам, заставить кончить даже мертвого Ильича, раздались два длинных и два коротких звонка.

Так, по распоряжению Л.З., звонил спецпочтальон в случае прихода заказной корреспонденции и ночных телеграмм. Л.З. буквально взорвало:

— Суки, блядь, проститутки меньшевист-

ские... нельзя оправиться по-человечески... три дня стула не было...

— Лев Захарыч, только без нервов...

— Вам нельзя вставать с горшка...

— Пожалуйста, примите почту... я продолжу дефекацию... нет покоя ни днем ни ночью... сволочи... дайте человеку десятку... в кармане камзола, то есть кителя...

Верлена возвратилась из передней с газетами и журналами. Л.З. сразу же заметил в ее руке заграничный конверт с красно-синими квадратиками по краям — авиапочта... Заметил и почему-то почуял: из Израиля... о, проклятые... о, проклятые... жидовские морды... чтоб вы провалились вместе со своим вымороченным государством... откуда взялись вы на мою голову?..

Обе дамы поняли, что свидание окончено.

Л.З. знаком попросил их нагнуться. Сам он жалко и враскорячку сидел на пушистом коврике, брезгливо, как какую-нибудь плюгавую гадину, держа в руке зарубежный конвертик. Верочки встали на коленки. Пока неудовлетворенная Верста раздражительно порола камуфляжную чушь, Верлена, понимая, что интересуется сейчас больше всего на свете Л.З., деловито шептала ему на ухо:

— Это — явные смертины... нет никаких сомнений... мы боимся, Левчик... что же теперь будет?..

— Только спокойствие... Учитесь у меня... Скоро все изменится к лучшему... Я принимаю меры государственного порядка... после *конца*

получите по санаторию в Сочи... Мехлис слов на ветер не бросает... что с кровью, мочой и говном у Хруща и у жабоморды?

— Все отлично... остальные тоже, как огурчики...

— Тимашук, может быть, все же что-то пронюхала? Вам не кажется? Как известно со времен поджога рейхстага, нет дыма без огня...

— Параноичка и сволочь... провокаторша... выябывало плоскодонное...

— Можете мне поверить: она скоро доиграется... повесим перед представителями трудящихся... мерзавка... сучка вредительская... оставить всех нас без лечащих врачей... это... это... глобальная операция империализма... перед казнью я лично буду пытать эту блядину... крысами... крысами... двумя ногами в ведро с голодными крысами. — Бешенство подняло Л.З. на ноги.

— Вот видите? — воскликнула Верлена. — Оправились все же? Прекрасный кал. Завтра позвоню о результатах. Отдыхайте. Никаких волнений.

Оставшись один, Л.З. просто заплясал на месте от нахлынувшей внезапно мстительной радости и оздоровительного предвосхищения скорого триумфа. Заплясал и загримасничал — делал рожи своим врагам и лично товарищу Сталину, что и привело его в почти полное благодушие, даже пробудило аппетит и заставило как бы сменить гнев на милость к своему мерзко провинившемуся члену.

— Пенсионеришка, — вздохнув, сказал Л.З.,

повторил: — Пенсионеришка. — Прислушался к каламбурчику и враз выискал, как назло, вкравшееся в него отвратное словечко «сион».

Прибывший конвертик валялся на полу, под ногами. Л.З. поднял его все так же безразлично...

«Иерусалим. Израиль»... Место отправления, проскрежетал зубами Л.З. ...скоро не будет у вашего ебаного сионизма места отправления, как не было его пять тысяч лет... мерзавцы... мало вам СССР и стран народной демократии, которые мы, так сказать, с оружием в руках, жертвуя, понимаете, жизнью...

Л.З. вдруг вздохнул с глубочайшей, с инфантильной к себе жалостью, и чуть ли не стон вырвался из груди его от сдавившего нутро чувства покинутости и полной неизвестности.

Он присел по-турецки на коврик и вскрыл дужкой очков мерзкий конвертишко.

Дорогой товарищ Мехлис!

Пусть Вас не удивляет обращение «товарищ». Мы с Вами братья по мировоззрению, и цель у нас одна: построение хотя бы социализма во всем мире. Мы имеем для Вас неприятную новость. Ваш двоюродный брат скончался от сердечного приступа. До последних дней он возглавлял производство алюминиевой посуды в кибуце «Штерн». И всегда был счастлив, что живет в своей стране, где он теперь похоронен. Остатки его имущества, а также некоторое количество денежек может быть Вам выслано по требованию, но вы можете передать все это в фонд памяти умерших членов

кибуца. Передайте товарищу Сталину, лучшему другу еврейского народа и светочу идей Маркса — Ленина, что его портреты и фотографии висят в семьях, в столовой и в клубе культуры кибуцника. Мы ему желаем сто лет жизни на благо еврейского народа и всего мира. Если Вы можете устроить нам соцсоревнование с каким-нибудь передовым колхозом, то мы будем рады с большим удовольствием и готовы сравнить производительность труда по всем видам сельского хозяйства. Примите наши сочувствия ввиду смерти Давида, который много сделал для создания государства и развития кибуцев в нашей стране. По поручению общества...

Подписей Л.З. разбирать не стал. Письмо показалось ему настолько абсурдным со всем этим безумным бредом насчет товарищества, мировоззрения, алюминиевой посуды, колхозных дел, построения хотя бы социализма и особенно портретов лучшего друга, что он почуял приближение приступа истерического хохота...

Вот еврейский анекдот... просто — анекдотище... некоторое количество денежек... они могут мне их выслать... но главное — лижут жопу рябой роже... шизофреники... Срочно связываюсь с Никитой и жопомордой Жорой... Сейчас надо кончать со Сталиным... все...

Депрессию, то есть неосознанное нежелание жить, враз сняло еще пять минут назад с вялого, больного, взбешенного тем, что не удалось кончить, Л.З.

Он возвратился в деятельнейшее расположение духа. Удобно уселся на диване. Поставил на колени телефонный аппарат. Открыл американское деловое приспособленье на букву «Х». Потом передумал и открыл на «М», решив, что жопоморда поумней и повлиятельней Никиты во сто крат... Начинать следует с него. Есть, разумеется, риск, что, получив экстраординарную информацию, мордожопа Жоржик воспользуется ею, а остальных подло бортанет, если не уничтожит, — на большевистскую мораль надеяться не приходится... все мы такие, но без риска вообще хана...

Еще разок просчитав в уме все возможные сочетансики и варианты, Л.З. утвердился — отдадим должное его тогдашней интуиции — в правильности весьма странного выбора.

Сначала позвонил Маленкову. Секретарь неожиданно быстро соединил его с наследником номер один.

— Извини, Георгий Максимилианыч, Мехлис беспокоит...

— Льву Захаровичу наше, как говорится, с кисточкой. Слушаю.

— Я, собственно, не по делу. Ошалел от хворей и безделья. Дай, думаю, приглашу доброго знакомого на бывший день рождения. Я оклемался. Отметим. Поддадим. Да и поговорить не мешало бы, — слова эти были произнесены со значительнейшим нажимом и со значением же повторены, — очень не мешало бы поговорить...

— Сколько тебе стукнуло?

— Шестьдесят четыре... Не успел оглянуться... Тринадцатое у меня удачное число... Народу будет немного... Хочу позвать Никиту с женой и способного одного моего бывшего комиссара...

— Брежнева, что ли?

— Его. Поет. Пляшет. Байки веселые тискает. Одним словом, буду рад, сам понимаешь... И есть о чем поговорить...

— Ну спасибо. Только Брежнева не зови. Это говно бровастое я не выношу... Надо отметить в календаре... Буду... Пить-то тебе можно?

— Ради такого случая, — это тоже было сказано с намеком, — надерусь, так сказать, до положения риз...

Положив трубку, Л.З. воодушевился... Кажется, жопоморда сам идет навстречу. Кажется, он сам беспокоен... Только прижало слегка... Не знает, кто с какого бока куснет и вырвет бочину... Сейчас главные факторы — время и неожиданность маневра...

В горьком партии Л.З. звонил уже с большей уверенностью и не просил секретаря Хрущева соединить его с Никитой Сергеевичем, а, как бывало в авантажные для себя времена, сказал с барственным растягунчиком и начальственной лентой:

— Мехлис говорит... Дайте-ка мне Никиту Сергеича. Так и скажите: по личному дельцу... ха-ха-ха...

— Здоровеньки булы, — сказал Никита, — что у тебя там за личное, так сказать, дело? Чем можем — поможем, значит, как говорится...

— Не сомневался никогда в твоём ко мне отношении. И сейчас... сейчас, — с легким намерком и в расчете на полное понимание Хрущева сказал Л.З., — не сомневаюсь... Я ведь и сам, понимаете, жертва этих бандюг из Кремлевки. Запустили они мои хвори, сволочи... Дай, думаю, денек рожденьица справлю с запозданием в узком кругулке. Жора будет и один мой знакомец фронтовой — способный комиссар...

— Это кто еще такой? Способные комиссары у нас, как говорится, зажрались или повывелись.

— Брежнев Леонид. С ним обогочешься от анекдотов. Да и поговорим. Назрело — вот так. Заяц трепаться не любит.

— Скажу тебе, Лев, конкретно и фигурально, так сказать. Поросенка молдавского не зови. У меня от него на жопе крапивница появляется. Даже заседать трудно. Иначе не буду. А так заеду на полчасика. Извини, но у нас в семье традиция кушать ужин всем гуртом...

— Прекрасно. Дернем втроем. У меня тут винцо имеется чуть ли не с мушкетерских времен. Лады. До встречи.

Л.З., бродя по огромной квартире, думал, что кое-что необходимо выбросить на дачу к визиту жопоморды Маленкова и Лаптехлеба Никиты. А вот скальп кельнского раввина следует как раз выставить на видном месте, потому что это непременно вызовет в членах триумvirата... тьфу... трехглавья тягу к актуальным, модным штучкам и поспособствует дружескому сближению. Главное, не превращаться сейчас в

размазную... Мехлис должен оставаться железным, как в Гражданскую и Отечественную... но все-таки необходимо что-то предпринять наконец со стулом...

Л.З. позвонил вниз старшей лейтенантше Хныкиной:

— Старшая?.. Мехлис беспокоит... Вызовите-ка ко мне срочно опытного участкового врача... Да. Участкового. Кремлевским костоломам я в настоящее время не доверяю. Хватит. Додоверялся, понимаете. Жду. Вольно...

Ликвидировав к приходу врача все вещественные доказательства происходившего недавно в спальне группового полового акта, Л.З. буквально заскрежетал зубами от невозможности добраться вот сейчас до сволочных корреспондентов-кибуцников, которые с какой-то, так сказать, сверхъестественной, образно выражаясь, жидовской хитростью сломали... сорвали... прервали, подонки, такое удовольствие... такое удовольствие в такие ужасные дни... я бы им сказал все, что я думаю о национальном вопросе... никаких Тор... никаких пейсов... долой черные шляпы с лапсердаками... хватит выставлять всех нас на посмешище... долой обрезание... прекратить картавить... в двухдневный срок под угрозой высшей меры ликвидировать, понимаете, в глазах обоего пола проклятую, вековую вашу скорбь... и не финтить... не финтить... Мехлис обламывал рога и не таким... приказываю раствориться под эгидой ООН и лично...

Погружаясь в такого рода мысли и чувствования, Л.З. дурел от непостижимого заворота

последних событий и, конечно, не замечал, что стоит на пороге безумия перед манящей многих людей гостеприимной бездночкой.

Страх, невозможность пережить ужасающую нелепость происходящего, резкость внезапного, совершенно к тому же необъяснимого изменения чудной житухи на зловонно-лагерную, жуткая подножка бесчинствующего Рока, свалившая вдруг любимого человека в гнусную постель проходимца (проходимки), бесчисленные обольщения Разума и зримые образы заведомо недостижимых целей любого рода — все это и многое другое, чего и перечислить-то невозможно, настолько временами превышает способность иного мозга переварить и усвоить оцепеняющую ухмылку невообразимых сотрясений и пакостей действительности, особенно советской, что мозг сам собой — то жалко, то горделиво и уродливо — шарахается в сторону всегда готовеньких к его услугам черных дыр Навязчивости. Действительности — как не бывало!

Но бывает, мозг, необратимо очумевая, шарахается еще дальше Навязчивости, то есть вообще безумеет от вездесущей вязкости самой жизни, от нежно и жестоко засасывающей ее трясины и с решительностью, разгадки которой нам дано быть не может никогда, порывает к чертовой матери с возмутительным, с обидным, с несправедливым, вероломным и проч. и проч. существованием... С нахально ему навязанным кем-то, как раздражительно чудится мозгу в последний миг, существованием...

Мысль о том, чтобы покончить с собой, не могла, конечно, даже промелькнуть в мозгу такого человека, как Л.З., энергично искавшего выхода из поганого положения как раз для того, чтобы пожить от пуза, чтобы погулять по буфету, чтобы кончать днем и ночью согласно мудрой доктрине усатой падлы Буденного, — всех уебать нельзя, но к этому надо стремиться.

И вообще, какое там самоубийство, когда Л.З. искренне считал, что таким ответработникам, как он, думать, чудесно живя, о смерти — это все равно что во время полового акта мысленно присутствовать на ленинском субботнике.

А вот погрузиться навек в навязчивую трясину различных ублажающих видений и проектов Л.З. вполне мог в тот день. Погрузился бы со всеми, как говорится, потрохами, ползал бы по полу, запихивая в гунявый рот комки слежавшейся комнатной пыли, мычал бы что-нибудь бессмысленное или, наоборот, идиотически логичное насчет Сталина, евреев, желания кончить, забыв о времени и никак не отвечая на сигналы тела насчет поспать, пожрать и так далее, пока силой психиатрии не был бы насильно водворен туда, где сонмы прочих безумцев временно пребывают на узенькой эфирной кромочке, расположенной каким-то непонятным образом аккурат промеж посю-просю прощения и потусторонним, как любил говаривать один очень милый сумасшедший...

Но тут Л.З. вдруг услышал быстрый и тревожный шелест чьих-то живых крыльев.

Затем лицо его овеял трепетный порыв прохладной волны воздуха. Странно, что в этой воздушной волне был почти неуловимый и совершенно неродственный привычно-затхловавшему, бездарному букету квартирному воздуху запах.

Лицо Л.З., которому только что была сделана первая небрежная примерочка черт явного дегенератизма, вновь обрело сравнительно человеческое выражение. На лбу появилось собрание морщин. Язык облизнул запекшиеся, бескровные губы. Забегали остолбеневшие было от всего навязчивого глаза. Вздогнули ноздри. Человек пытался припомнить нечто далекое, чуть ли не довременное, то есть вечное, от чего отлучен он был когда-то. Но при всей пронзившей его остроте чувства отлученности не мог человек, который в миг этого божественного переживания потерял приметы своей отвратной личности, вспомнить момент отлучения и, следовательно, уцепиться памятью за что-нибудь такое, что помогло бы ему хоть как-то, хоть на секундочку с молекулкой, определить природу воздушного дуновения, а также принадлежность тихого шелеста живых крыльев и всеублажающего запаха...

Л.З. с отвращением отбросил в сторону изумительной красоты античный кинжал, которым, сам того не замечая, покалывал мягкие и твердые предметы быта, когда бродил по квартире.

В этот момент он был похож, скорее, на животное, чем на человека, — привставший на цыпочки взъерошенный партийный зверь из

прокишевших омерзительными гадами советских джунглей, мучительно пытающийся постигнуть ноздрями обоняния то, что никак не поддается постижению спасовавшим в сей миг мозгом...

Пристальный наблюдатель мог бы весьма удивиться, заметив, как при страстной попытке постигнуть Образ довременного Л.З. моментально скатился вспять по темноватой, сырой, вонючей, винтообразной, зашарканной, щербатой, замусоренной костями, высохшими плавниками, хрящом копыт, шерстью, крыльями, костной пылью, ракушками, зубами мудрости австралопитека, гигантской чешуей рыб с непривившимися волосяными луковицами, экспериментальными экскрементами, древесно-лиственным веществом, чудесно вылепленными позвонками, обломками тазов, ключиц и бедер, черепами с неудачными эскизами дыр, скользкой до сих пор глазной жидкостью различных моделей, пустыми куколками, обрывками кожи и залежами щетины, — скатился Л.З., одним словом, вспять по лестнице эволюции. И соответственно промелькнули вдруг перед пристальным наблюдателем — как это бывает, кажется, в замедленно снятых и ускоренно воспроизведенных кинокадрах произрастания, вызревания и цветения гиацинта, бледно-лилового гиацинта, — промелькнули в обличье Л.З. нелепо перепутанные, но все же различимые подобия водной твари, головастика, жуткой рептилии, рвущейся от ужаса ряда невыносимостей коммунального первобыта в голубую пре-

лесть свободу небес, летучей мыши, какого-то говноеда и, наконец, забракованного той же эволюцией жабогиенопримата.

Л.З. всполошенно подумал, что в одну из фрамуг влетел ленивый жирный голубь. Однако все форточки — так мы предпочитаем именовать милые оконные отверстия — были закрыты. Тогда Л.З. отнес странное явление к очередным «шуточкам» ГэБэ, то есть, в его понимании и чувствовании, к области таинственного, и снова взялся за кинжал.

Заглядывал в стенные шкафы, набитые антикварной одеждой, и с инфантильным, сладчайше-жутким замиранием, с озябчиком кожи, с хищным пощекочиванием в загривке втыкал в притягательную тьму-тьмушую лезвие, и пальцы его слегка холодели, конвульсивно сжимая резную — кость мамонта с золотом — рукоять кинжала. Очень уж хотелось поразить невидимого врага. Л.З. вдруг также захотелось поглазеть на себя в зеркало. Это было просто необходимо после чрезмерного пребывания в желаемом, когда человек внезапно чувствует, что желаемое вот-вот засосет его безвозвратно и... ни черта уже оттуда не выкарабкаться к какой ни на есть, но все же, понимаете, действительности..

У него даже сладковато заныло сердце от волнительного — выражение Л.З. — предчувствия встречи с самим собой.

Он вдохнул, приосанился, шагнул к зеркалу, но, находясь еще в мертвой зоне, находясь еще под тупым углом к прекрасной амальгаме, никогда не выпускавшей из поля отражения одну

и ту же часть квартиры — коридор, боковину вешалки, полчерепа высокогорного козла... на одном витом роге полгенеральской папахи... штиблет... запыленный плинтус... финские тисненные обои, край книжной полки... пару кожаных корешков энциклопедии «Гранат»... подарочек Буденного, думавшего, что «здесь усе-усе про “лимонки”», закарпатскую чувяку... — вот в этой, прижившейся в амальгаме части квартиры Л.З. вдруг увидел фигуру незнакомой женщины.

Она явно заметила Л.З. первой. С лица ее успела уже слить печать внезапности, растерянности и смущения, а также некоторого страха. А Л.З. в этот момент не хватало только таких вот неожиданных впечатлений. Он и женщина были разделены стеной, и если бы не зеркало, вообще не заметили бы друг друга до встречи, как говорится, нос к носу.

Л.З. на миг закрыл глаза, как бы отгоняя прочь случайное видение. Открыл их с замершим чуть ли не до смертельной паузы сердчишком — видение сгнуло с глаз долой. Но тут же, интеллигентно отступив назад на пару шагов, женщина сказала:

— Извините, двегь была откгыта, на звонки никто не отвечал... я пгишла по вызову, поэтому и вошла...

Услышав голос сгнувшего было видения, Л.З. окончательно перетрухнул и на подогнувшихся от слабости ногах бросился за нитроглицерином. Женщина вскрикнула от дамского ужаса, когда на нее налетел в темном коридоре,

видимо, тот самый больной Мехлис. На лице его при этом было вполне осмысленное выражение жуткого перепуга — опытный сердечник, пришпоренный неожиданной жабой сердца.

В зеркале он показался женщине совершеннейшим дебилом: мутный взгляд... тупая улыбка... на губе капля слюны... невнятное бормотание в сочетании с сановными жестами отвратительно некрасивых рук...

— Кто?.. Что?.. Как?.. — увлекая женщину в светлую переднюю, выдыхал, вернее, квакал судорожно Л.З.

— Успокойтесь, пожалуйста. Я — вгач... двегь была откгыта... вы не отвечали на звонки, и конечно же я пегепугалась. Вы — Мехлис Лев Захагович?

Л.З. мгновенно пришел в себя, искренне, как всегда, больше всего удивленный тем, что не узнал, несмотря на почти обязательное наличие в общественных местах и учреждениях его фотоизображений. Он промолчал, вглядываясь подозрительно и злобно в лицо участковой врачихи, и, с ходу узнав в нем черты соплеменницы, намеренно хамски спросил:

— Повторите: кто вы?

— Я вгач. — Женщина уже успела снять пальто. Она была в белом халате с нагрудным карманом, оттопыренным стетоскопом. — Пожалуйста, успокойтесь... Мне не нгавится цвет вашего лица. Давайте обследуемся... сделаем укольчик... вы, безусловно, почувствуете облегчение. Две эти фразы, произнесенные без кар-

тавинки, всегда вводившей почему-то Л.З. в раздражение и даже в мучительную неловкость, несколько смягчили его настроение. Но женщина добавила:

— Я не могла найти в каталогтеке вашей истории болезни... безобгазие... но я пгезигаю бюгоктатию в нашем добгом гемесле... вам пгидетсся газдетсся по пояс и пгилечь на софу...

Физиономия Л.З. моментально обрела мелкоговнистое, быдлонадменное выражение, доводившее обычно до типично чиновничьей кондрашки подчиненных этого видного сталинца. Он поджал губки. Уничтожающе прищурил глазки. Раздул ноздри, остро чувствуя их якобы выразительную трепетность. Ручки, хрустнув пальцами — намек на скорую и неминуемую расплату, — завел за спину. Часто задергал правой ножкой. Мысленно, как бы со стороны, оценивающе оглядел всю свою фигуру. Счел ее — иначе не бывало — за одно из лучших в нашу эпоху олицетворений недостижимого превосходства.

Это бросило Л.З. к телефону. Он не без театральной резкости набрал номер поликлиники. В те времена из-за повсеместной ошарашенности обывателя количество вызовов врачей на дом заметно уменьшилось. Л.З. сразу ответили:

— ...я тебе говорю: выбросят — значит, выбросят... ейных обрезей второй месяц не выбрасывали... помощь на дому... фамилия... адрес...

— Говорит Мехлис, — внушительно сказал Л.З., даже не глядя в сторону врача.

— Мехлис?.. Мехлис?.. Какой этта... Мехлис? Мехлисей теперь много...

— Говорит Лев Захарович Мехлис — министр Государственного контроля, понимаете, СССР, — бешено заорал Л.З. — Вы о чем там треплетесь на рабочем месте? Мерзавка... Фамилия... Уволю... Вы кого прислали, понимаете, ко мне... я спрашиваю, кого вы ко мне прислали?..

Безусловно, все сразу понявшая женщина была как-то подготовлена юдофобской истерией тех дней и не к таким еще разговорчикам во время вызовов, но не хотелось ей, не хотелось, никак не хотелось поверить в чудовищное ублюдничество этого номенклатурного больного, от которого непонятно почему разит свежим вагинальным запахом, прокисшей испариной сердечника и нафталином...

Она и сама, как очень многие советские интеллигенты-евреи, совершенно никогда не вспоминала бы о происхождении — все это было так давно... так давно, а на редкие выходки наплевать, — если бы, повторяем, не бешеная гнидопляска отстойного подонья на страницах газет, в общественном транспорте, в очередях, на собраниях, митингах и в советской скверне чумных коммуналок.

Но еврей-юдофоб наверняка, именно в те дни, показался бы даже самому темному или же, что, в сущности, одно и то же, самому просвещенному, подкованному антисемиту уродливым издевательством над законами логики и биологическими принципами трижды перепутанного существования.

Не будем уж описывать, что чувствовала несчастная женщина во время разговора Л.З. с медработницей, которая, на беду «какого-то Мехлиса», оказалась упрямой, ехидной паскудой, успевшей на своем веку не одного уже больного безнаказанно довести по телефону до нервных срывов, истерик, припадков и резкого ухудшения общего состояния.

— Почему Раппопорт?.. Что у вас там, больше никого для меня нет, понимаете? — чуть ли не визжал, выходя из себя, Л.З. — Я тебя, гадючка, раздавлю, как мокгицу. — Поперхнувшись, он скартавил.

— А ты сам-то, Мехлись, не из вашего брата, случайно? — довольно здраво спросила сестрица-регистраторша и торжествующе хихикнула.

Л.З. выпучился на трубку, потом шваркнул ее об аппарат и бросился было за именным оружием, чтобы затем вбежать в регистратуру поликлиники и... стрелять... стрелять... стрелять по этим сволочам... под ноги... под ноги для страха... для обморочка... и судить показательным судом... высшая мера...

Бросился было, хотя оружия вовсе не имел, но непредвиденная встряска сузила сосуды мозга до непереносимого страха. Ноги подогнулись, он, как мешок, свалился на диван и побелевшими губами умоляюще прошептал:

— Укол... укол... плохо...

Может быть, всего, что случилось, милая, добрая женщина — человек и врач — никогда себе не простила бы, но в те минуты, глядя на

обмякшего товарища Мехлиса, возжаждавшего наконец-то помощи, она без малейшего желания превозмочь подступившую ко всему ее существу гадливость, еле сдерживая слезы обиды, унижения, ненависти и непонимания, сказала:

— Ты — мгазь... плюгавая мгазь и выгодок... ты можешь подохнуть у меня на глазах... я не хагкну в твою гошу, потому что бгезгую тгатить на тебя человеческую слюну... дегьмо... мокгнца...

Как это ни странно, кровь ударила в голову Л.З. от неслыханно возмутительных слов участкового врача, расширила сосуды очухавшегося мозга, прилила к серым минуту назад щекам, к побелевшим губам, и из приоткрывшейся помойки рта понеслась вонища:

— Убийца... ты не успеешь дойти до своей шарашки, когда тебя навеки сгноят... сгноят... тебя не расстреляют... сгноят... ты повертишься у меня на допросах... нет дыма без огня... не-е-ет... приказываю сделать укол... ты не выйдешь, понимаете, у меня отсюда живой...

— Да. Ты — жалкая, плюгавая мгазь, — спокойно повторила женщина и направилась к двери, накидывая на себя пальто. Перед тем как выйти, она обернулась и добавила: — Ты и тебе подобные — не люди... вы даже не мокгнцы... вы — неогганическое дегьмо. Не забудь мою фамилию: Гаппопогт. Гахиль Изгаилевна Гаппопогт...

Впавший в столбняк Л.З. смог только переразнить врача:

— Гаппопогт... Гаппопогт...

Дверь захлопнулась Он встал, чувствуя от бешеной злобы и страсти мщения прилив сил, как в тридцать седьмом и в Отечественную после удачного наступления наших войск по всем фронтам. Встал затем, чтобы взять телефонную книгу и позвонить в МГБ своему давнишнему приятелю генералу Малову: «...куда вы там смотрите?.. в стране тотальный заговор сионистских убийц, наплевавших на священные заповеди, понимаете... Раппопорты плюют на Гиппократ! А от тебя, сволочь, Раппопортище, останется одно мокрое место... ты будешь жрать мокриц в бараках...»

Л.З. быстро разыскал в телефонной книге фамилию генерала Малова — одного из уцелевших в тридцать седьмом, благодаря везучести и особенно зверскому рвению, чекиста — и стал уже набирать его номер, как вдруг снова услышал невдалеке от себя *быстрый и тревожный шелест чьих-то живых крыльев. Затем лицо его овеял трепетный порыв прохладной волны воздуха. Странно, что у этой воздушной волны был почти неуловимый и совершенно неродственный привычно-затхловатому, бездарному букету квартирному воздуху запах...*

Тогда Л.З. положил трубку и пошел закрыть дверь... Прикрывая ее, он помедлил, как медлят, с неохотой провожая приятного гостя и спеша напоследок наговориться, наговориться про запас, ибо чуял за спиною, в пространстве квартиры и еще дальше, куда даже мысленно заглянуть было жутковато, наползающий клоками болотных туманов холод одиночества.

Так он и стоял, смотря на лестничную площадку и не видя ее. Провожал, сам того не ведая, Уходящего, и сердце его разрывалось в эти мгновения не от сгустков крови в извести ветхих сосудов, а от последних остатков животворной детской тоски, беспрепятственно, то есть без помощи всякого сознания, проницающей в сокровеннейшие глубины бытия.

Ах, если бы знал тогда номенклатурный человечек нового типа, Кого он проводил и Кто ему незадолго перед этим великодушно давал последний шанс в оскудевшей до отвратительной крайности, в окончательной почти беспризорности жизни не расстаться со своим ангелом-хранителем! Если бы он только знал! Если бы он и в тот миг не отвратился от стоящего всех сокровищ мира и открытых банковских счетов знания некой Истины — самой ненавязчивой и самой необходимой всему нашему существу Истины!

Истины того, что мы с какого-то неведомого нам момента до неведомого же срока находимся под бесценным призором ангела, не стесняющегося нашей свободы, обращающего в очистительный стыд, повергающего в неунизительный страх и умудряющего душу спасительным смыслом смирения, весьма, добавим, неприятного кичливой логике сознания...

Если бы он только знал!

И если бы знала тогда доведенная гнусной сталинщиной до полного отчаяния, но не потерявшая достоинства Рахиль Израилевна Раппопорт, что изгильяние над нею советского хамла

было последней каплей, переполнившей чашу долготерпения ангела-хранителя Л.З., после чего и передал он своего подопечного с крыльев на крылья иным — суровым, абсолютно безжалостным Воинам.

И если бы она тогда знала, что присутствует при редко происходящем на людях моменте, ужасное значение которого не может быть вообще сравнимо с опостылевшими ей, как человеку и врачу, ужасами человеческих смертей и до странности многочисленных болезней.

Вполне возможно, открывшееся удержало бы ее от бесстрашного проклятия совершенно уже обездушенного больного, что и помогло бы соответственно отчаявшемуся ангелу черпануть из, надо полагать, неисчерпаемого чуток сил и терпения для сохранения хоть какой-то веры в человека, в Л.З. Мехлиса... И Рахиль Израилевна неизбежно была бы поддержана не самим образом истинного возмездия, а возможностью его и неотвратимостью еще здесь, в этой невыносимо уродливой, невыносимо нелепой, в невыразимо прекрасной жизни на земле.

Рахиль Израилевна быстро вышла из подъезда. Ей хотелось выблевать из себя этого чудовищного уroda Мехлиса, это безумное, словно навек скованное стальными и чугунными решетками пятилеток, время, этот серый ужас проклятой зимы, тухлую кровищу уличных лозунгов, тупую толпу, захарканную унижением, насилием и ложью и уже попривыкшую не отплевываться, не утираться, не отмазываться, но бессовестно равнодушествовать,

но погано злорадствовать, но жалко пользоваться моментиками, но плебейски способствовать палачам и жабогиено-приматам — выблевать... выблевать... не надо участия... ни от кого... ни от чего...

Вдруг у нее — она чуть ли не бежала по улице — раскрылся чемоданчик. В грязный, просоленный снег того времени и пространства выпали милые врачебные причиндалы: баночки, истории болезней, лекарства, шприц, ампулки, томик рассказов Антона Павловича Чехова, недоеденный — срочный вызов к Л.З. — бутербродик с любительской колбасой, очки...

В этот самый миг у ангела-хранителя Рахили Израилевны окончательно опустились крылья. Он сокрушенно уткнулся печальным челом, хоть и был бесплотен, в серый крашеный столб фонаря и разрыдался. Потому что он непременно смог бы удержать своего человека от рокового шага, если бы чемоданчик не раскрылся. А так он раскрылся, и ангел смирился с неотвратимостью предстоящего, потому что Рахиль Израилевна остановилась на миг, глянула, ахнув, на выпавшие под ноги людей в грязно-соленую снежную жижу милые сердцу вещички, и сердце ее с гадливостью оборвалось от моментально мелькнувшего в воображении порядка предстоящих действий... нагнуться?.. ползать в этой пакости?.. под взглядами этих людей?.. благодарить их за участие?..

Тут ее, к несчастью, столь же моментально подогрело безотчетное воспоминание, навек прижившееся в сердце, о непереносимом позо-

ре, о смертельном стыде, испытанном в молодости, когда она грохнулась на пол в раздевалке мединститута и так же вот посыпались из первого ее чемоданчика вещички — и все это на глазах хохочущего красавца преподавателя марксизма, в которого она была тайно влюблена. Ангел в тот момент с печальным юморком размышлял о непонятном ему житейском смысле таких вот частых ситуетивин, когда один человек относит какое-то ничтожное происшествие чуть ли не к необратимо трагическому, а другой, наоборот, к охренительно забавному и смешному... М-да...

И вот ангел видит, как разжимаются сами собой пальцы его любимого человека и как из безжизненных совсем пальцев выскальзывает в соленую жижу снега последний чемоданчик Рахили Израилевны, потому что у нее не было больше сил удерживать его в руке, потому что и не хотелось ей вовсе его удерживать от вполне обоснованного омерзения к миру людей, намного превысившему из-за дела врачей и мокричной выходки Мехлиса возможность продвижения жизни...

Ангел, неподвижный от полного бессилия предпринять, как и предпринимал обычно в подобных случаях, нечто предупредительное, видит «четвертый» троллейбус... от скольких гремуче-ревуче-вонючих этих конструкций он уберег свою!.. от скольких живых тварей он ее уберег!.. Боже мой!.. Боже мой!.. «Четвертый» троллейбус... при желании ему можно было бы вмиг заклинить тормоза... шваркнуть об угол

закусочной «Полет»... сорвать штанги... сузить сосуды головного мозга водителю... много чего можно было бы предпринять...

Но был как раз именно тот момент, та ситуация, в которой взаимные отношения всех предметов вещного мира и всех существ мира тварного находились в такой поразительной завершенности и пронизаны были таким всеустрашающим торжеством Предопределения, что ангел сокрушенно рассматривал валяющийся под ногами прохожих раскрытый чемоданчик с овальным зеркальцем на бежевых складочках внутренней подкладки... иные разбросанные вещи... раздавленное передними, потом задними скатами «четверки» тело бедной Рахили Израилевны... вытаращенные зенки водителя... припадочное дерганье сорванных штанг... непреодолимо тоскливую жижу испоганенного серого снега, озаренного на миг голубым всполохом и снопом искр короткого замыкания, взвинченно взвизгнувших проводов... созерцал ангел и бездыханного зеваку, попавшего под руку Случая, которому и проломил Случай череп чугунным «башмаком» троллейбусной штанги, созерцал еще много чего другого с безумным желанием постигнуть тайну создания одной из чудовищных картинок действительности, а заодно и причуды стиля самого ее Создателя...

Посозерцав, брезгливо отмахнулся от наседавших мыслишек насчет случайности и необходимости, подлетел и подхватил душу погибшей под колесами «четверки» Рахили Израил-

левны. Затем помог сделать то же самое весьма растерянному ангелу бездыханного зеваки, и к двум ангелам подлетел третий — ангел Л.З.

Вид у него был виноватый. Летел он совсем налегке. Втроем они и направились по некоему двустороннему за небесному пути. Летевшие, спешившие им навстречу ангелы отвлекали своих подопечных душ от нежелательных дорожных впечатлений, потому что вид встречных ангелов и состояние многих транспортируемых ими душ приводили в чувство ужаса и в полное уныние даже этих, повидавших виды, крылатых трудяг...

А Л.З. с поганейшим из самочувствий закрыл наконец входную дверь...

«Я тебя, сволочь, напоследок оставляю... ты у меня будешь до конца своих дней харкать кровью на уране, понимаете... — мстительно думал он. — Дайте только разобраться с рябой харей и установлением нового порядка... Мехлис покажет вам — ублюдочным негодяям, — что такое порядок в последней инстанции...»

Сам, опять-таки того не понимая, Л.З. открыл еще одну — удачную, на наш взгляд, — формулировочку того качества Бытия, но, вполне возможно, не-Бытия, которое обычно принято именовать Адом... «Порядочек в последней инстанции».

Пососав нитроглицеринчика, Л.З. принял филиппинское лекарство — смесь мочегонного со слабительным и успокаивающим.

Прилег и хотел уже было вздремнуть с тем, чтобы набраться сил для обдумывания различ-

ных деталей прихода к власти с одновременным смакованием картинок казни, наказания и поучительного глумления над врагами, недоброжелателями и прочими Рахилиями Израилевнами Гап-попогтами, как он их мысленно называл, но вдруг раздался властный сигнал «вертушки»...

Л.З., как по боевой тревоге, рванулся к правительственному аппарату. Рука вспотела и дрожала, когда он снял трубку. Перед этим он как бы оправил на себе португую и гимнастерку жестом крупного кадрового военачальника.

— Мехлис у аппарата.

— Что у тебя со здоровьем последнее время?

— Мотор барахлит, Иосиф Виссарионович... Побочные явления заели... не привык выполнять указания врачей... не до них, понимаете... слушаю вас.

— С врачами мы промахнулись. Этого я не ожидал. Самокритика есть критика, которая во много раз тяжелей самой беспощадной критики. Кого из этих убийц ты знал лично?

— Почти всех, Иосиф Виссарионович. Правда, меня консультировал французский специалист насчет геморроя, и его как языком слизнуло, образно выражаясь...

— Это они умеют. В остальном здоровье твое тоже, как я понимаю, подорвано вредительскими методами лечения и фальсифицированными анализами кала, мочи, крови и мокроты?

— Безусловно, в их интересах было вывести

из строя и меня, хотя я фигура мелкая по сравнению с такими деятелями партии и государства, как... Все настоящие сталинцы стояли у них костью в...

— В настоящее время товарищ Рюмин лично берет показания у двух лаборанток-вредительниц, замаскировавшихся под эмблемами верности Ленину и Сталину. Они сознались в том, что зверски утаивали от общественности и честных врачей объективные данные всех твоих анализов. Как ты думаешь: для чего они это регулярно совершали?

— Вывести из строя еще одного настоящего сталинца, — сказал Л.З., искренне удивляясь, что он еще продолжает говорить, стоя на ногах и даже не меняя интонации голоса, а не валяется на полу с кровавой пеной на губах от инсульта или инфаркта. Правда, мгновенно обмозговать все сказанное Сталиным, чему он успел прилично поднатаскаться, Л.З. уже был не в силах. Главное — невозможно выдержать разговор, не спасовать от жутких вопросов, выиграть время, не расколоться с самого начала... не может быть, чтобы Верочки заложили его... это же и их гибель... главное — пережить агонию очередной сталинской истерии...

— Эти две лаборантки сознались, что мстят тебе за убийство своих родителей — врагов народа. Ты проявил многолетнюю половую близорукость и неразборчивость.

Теперь ряд твоих болезней запущен. Но это уже не телефонный разговор... Сегодня мы с Маленковым и Хрущевым принимаем предста-

вителей арабского народно-освободительного движения... Это будет важный и вкусный обед. Мы надеемся услышать твое мнение относительно организации эффективной системы народного и государственного контроля на территориях, освобожденных от сионистского и колонизаторского владычества. Заодно обсудим планы твоего выздоровления.

— При всем моем желании, Иосиф Виссарионович, я физически не в состоянии быть на приеме, а тем более на обеде, — сказал Л.З. сущую правду, поскольку ничего иного он и не мог ответить.

— Слабость в ногах? Сухость во рту? Запотевание лица и ладоней? Перебои сердечной деятельности? — сочувственно, как показалось Л.З., спросил Сталин, от чего ненависть к нему превзошла в тот момент и страх, проникший в каждую клеточку тела — души уже не было, — и туповатое недоумение ошарашенного чуть ли не до кондрашки мозга.

— Все, вместе взятое, по одному делу, извините за повторение вашей замечательной шутки... Аркадию Райкину до нее, понимаете...

— Ну что ж... Поговорим и закусим с арабскими товарищами без тебя...

— Приятного вам пиршества, — только и успел с печальной бодрей пожелать Л.З. Сталин, кашлянув, повесил трубку.

Повесив, вызвал тотчас дешифровальщика и одновременно лихого чтеца между строк майора Цыбина. Тот привычно доложил:

— Синусоида настроения перед вопросами

и после них — без резких колебаний. Ответы — ярко стандартны. Подозрительно отсутствие интереса к вашей информации о сестрах Кузьяевой и Никишкиной, бывшие Рабинович. Предполагаю сильный шок, вызвавший мобилизацию всей нервной системы для поддержки инстинкта самосохранения, а также острую интеллектуальную растерянность. Считаю...

— Непозволительно говорить о интеллектуальной растерянности Мехлиса, — назидательно проворчал Сталин. — Интеллектуальная растерянность могла быть у Ильича. В крайнем случае у Троцкого и Бухарина...

— Слушаюсь, товарищ Сталин. Разрешите доложить о дешифровке оскорбительного выпада со стороны...

— Докладывай.

— В словах Мехлиса «приятного вам пиршества» мною замечен скрытый каламбур...

— Конкретней.

— То есть вражеская игра слов ... «приятного вампиршества»...

— Имеется в виду деятельность, совершаемая вампиром при исполнении им своих служебных обязанностей?

— Так точно, товарищ Сталин. Вы с прозорливостью, которой...

— *«Приятного вампиршества»... «приятного вампиршества»...* — повторил Сталин, как бы любуясь со стороны чужой изящной шуткой. — Ну что ж. Кто попирует, а кто посмотрит... Имеются ли еще какие-либо достижения в области дешифровки?

— В тексте популярной песни Лебедева-Кумача наконец обнаружено подрывное словосочетание: «Широка страна моя родная. Многовней лесов полей и рек», что...

— Песню продолжать петь, потому что отдельная страна не становится уже от количества в ней некоторого говна. Можете идти. Продолжайте дешифровку произведений Шостаковича, Прокофьева и других отравителей народа, идущих по пути небезызвестного Сальери...

Сталин после ухода дешифровальщика майора Цыбина срочно вызвал к себе руководителя ведомства особо важной дезинформации, по совместительству — главного редактора «Правды».

Мы воздержимся от описания общего состояния Л.З. после разговора со Сталиным. Нетрудно догадаться, какое страшное смятение и какой ни с чем не сравнимый ужас наполнили то место в существе человека, которое обычно пустует после незаметного ухода души.

Кроме смятения и ужаса Л.З. чуял всю свою кожу, покрытой холодной, липкой испариной, постыдную наготу перед всевидящим оком проклятого, ненавистного Хозяина.

Хотелось зарыться с головой в какую-нибудь нору поглубже и поглуше, хотелось притыриться не только от проклятого глаза, но и от мыслей о происходящем, вообще от всех мыслей к чертовой матери, чтобы бесполезно не обмозговывать, что на самом деле произошло с Верочками, как вели себя после приглашения поболтать и выпить Жопоморда с Никитой и... бесполезно... бесполезно... бесполезно...

Зудливое это словечко назойливо жужжало в мозгу Л.З. Влетало в одно ухо, вылетало в другое... нет, не вылетало, а делало лишь вид, что изгнано. Когда Л.З. заткнул уши пальцами и зарылся под одеяло, дрожа от общего омерзения, словечко, притаившееся где-то в мозжечке, вновь заизгилялось, вновь загазовало по извилинам растрещавшегося мозга, и от него никуда уже было не деться... бесполезно... бесполезно... бесполезно...

Тут Л.З. бросился к аптечке. Снотворное он не уважал, потому что вычитал в том самом труде профессора Вагинова, что мужчина, принявший снотворное, может проспать «глубоко-ночную и предутренние рабоче-крестьянские эрекции».

Наплевать... наплевать... к чертовой матери всех... спать... спать...

Смятенный человек прикинул на миг: а не выжрать ли ему всю упаковку? Как это ни странно, удержало его от спасительного в такой ситуации шага многолетнее выбрасывание из сознания мыслишек о смерти, а довыбрасывавшись, Л.З. автоматически уверовал, что смерти как бы вовсе не существует.

Именно такая вот логика отношения к таинственной изнанке жизни удерживает от самоубийства многих славных, но отчаявшихся от ударов Рока людей, а также негодяев, загнавших самих себя, подобно нашему герою, в тупик необратимого уныния!..

Л. З. запил пару таблеток из фарфоровой чашечки и чуть не выbleвал их. Забыл в смяте-

нии, что в чашечке вымокает протезная спецчелюсть с тремя золотыми зубами — верхний передний и два резца. Челюсть вставлялась Л.З. в рот для придания его лицу пущей выразительности и озорной импозантности по большим революционным праздникам и на Новый год...

Она отвратительно звякнула и похабно оскалилась, когда Л.З. залпом хватанул просмердевшую жижу. В этот момент ему уже было не до мыслей о «порядке в последней инстанции» от такого вроде бы мелкого, но, в сущности, адского, на наш взгляд, наказания...

Прошел мимо зеркала, впервые за все годы не взглянув даже краешком глаза, не скользнув им по своей выразительной внешности, не удостоив свое отражение любовно-приятственным расположением...

Снова зарылся под одеяло, под лисий салоп, под подушки — только бы забыться, только бы подальше от мыслей, поглубже от растерзывающей неизвестности... бесполезно... бесполезно... бесполезно... поскуливая, уползал в холод ничего приюта, пока совсем не забылся...

Л.З., конечно, не пробудился бы через несколько часов — кровь в нем заledenела от безмерной жути, — если бы свыше не дана была бы любому человеку, тем более человеку, осужденному на смертную казнь, некоторая волшебная возможность приникнуть вслепую и вглубую в провале безобразного сна к таинственным, к великодушным и неиссякаемым истокам самой жизни.

Кое-кому может показаться, что сама жизнь,

в силу своего могущественного безразличия к немыслимым людским сварам, вполне способна была бы проявить более понятное человеческому сознанию великодушие: избавить обреченное существо от чудовищных мук медленного отторжения от привычного бытия и от бытия, казавшегося еще семь минуточек тому назад абсолютно бесконечным.

Странно, что при всей достоверности и безошибочности этого — единственно безыллюзорного из всех наших чувств — чувства абсолютной бесконечности Бытия многим из нас не приходит в голову мысль о том, что у *жизни* имеются свои нежные интимные представления об Образе Смерти, никак не соотносимые с большинством из наших твердых представлений о костлявой, пустоглазо-черепастой шкелетине...

Пробуждался Л.З. постепенно, повинуюсь какому-то спасительному инстинкту. Иначе воспоминания о звонке Сталина и рой мыслей о жути случившегося вспузырили бы кровь в его жилах, и задохнулся бы он от переизбытка в мозгу безответного недоумения.

Во рту все еще было горьковато... проститутки... министр здравоохранения, понимаете, давал политбюро слово коммуниста, что советское снотворное будет самым качественным в мире... тухловато-кисло было во рту от выпитой по каверзе случая челюстной жидкости... на провокацию не похоже... все подслушано... надо же быть таким мудозвонком, чтобы трепаться

под одеялом и думать, что ты недосыпаем для бериевской аппаратуры... идиотина...

Не вылезая из-под одеяла, отмахиваясь дергающейся ножкой от мыслей, Л.З. даже и не пытался привести их в вид сколько-нибудь логический, не пытался хоть на время подпереть треснувшее, рушащееся, обваливающееся, воющее от ворвавшихся вихрей существование работой мысли. Его скрутила такая мука, что умопомрачительное сообщение Сталина о мести Верлены и Версты за убийство отца и матери — от него одного можно было чокнуться — казалось пустячком по сравнению с нею — с совершенно неведомой, а оттого и особенно сокрушительной мукой.

Может быть, в те минуты — впрочем, упоминание о времени вдруг показалось нам нелепым — Л.З. больше всего сожалел о том, что ничего не ведал раньше именно об этой муке... Если бы ведал — мерещилось ему в спазматических обмираниях, мерещилось в неостановимой трясучке омерзения и ненависти к рябой роже, — если бы ведал... все могло бы быть иначе... и так не скрутило бы... можно было бы собраться с мыслями... что-то придумать... бывает выход даже из самых безнадежных ситуаций... бывал ведь этот выход... бывал...

В тридцать седьмом Л.З. не мог не ужаснуться рассказам о мучениях некоторых подследственных. Мучения эти, отмечали дружки с Лубянки, вообще ни с чем не сравнимы. Они не могли быть вызваны одной лишь физической болью или обидным позорищем непредвиден-

ных унижений. В этом дружки Л.З., любившие пофилософствовать о кое-каких мистических сторонах своей чекистской работенки, были совершенно уверены. Пытаясь всячески подследственных, они безумно подзаводились как раз тогда, когда бессознательно пытались «расколоть» истинную природу чужой муки. При этом дружки не могли не заметить, что мука эта с особенно ужасающей изощренностью изводит таких же в прошлом палачей, как они сами.

И дружки Л.З., ярясь и тупо осатаневая от не берущего коньяка, от не пьянящей водяры, открывались друг другу в том, что в садистическое состояние их почему-то бросает не изворотливое упорство невинных жертв террора, не отвратительно точная логика твердолобых фанатиков советской власти, не кровавые сопли глупеньких романтиков революции, но именно эта тяжкая, странная мука.

Чекистам и не могло прийти в голову, что доводит их подчас до полного, изнурительного остервенения обреченно застывшая в выпученных глазах вчерашних красных начальничков, в побелевших от ужаса глазах вчерашних палачей мучительная мысль — мысленная мука о необратимо изуродованном ими самими Образе Жизни. О том, каким нормальным Образ этот мог быть и каким не стал по собственной их непростительной вине.

В те самые времена, тоже смутно встревоженный странными рассказиками дружков, Л.З. напросился познакомить его с обыденной обстановочкой в Бутырской тюрьме.

Л.З., конечно, предпочел бы побывать в качестве именитого гостя на Лубянке, поближе к мясорубке, к захватывающей дух следственной работе, но Сталиным был положен строжайший запрет подобному визитерству из-за одного весьма комичного случая.

Нескольким членам молодого ССП страстно захотелось поближе познакомиться со следственным производством — органической частью всенародного планового хозяйства. Группа инженеров человеческих душ, остро возбужденных газетными утками и чуявших непреодолимую тягу к настоящей, творческой атаке, составила соответствующее прошение.

Прошение попало к Ворошилову. Маршал тут же позвонил Ежову как начальнику «тяжелого, но романтического производства» и сказал так:

— Ты смотри, Никола, дождались мы наконец. Пошел и у нас писатель. У тебя, я считаю, не царская тюрьма, понимаешь, у нас двери тюрем должны быть всегда открыты для трудового народа. Надо воспеть твоих орлов и орлят. Прими инженеров душ, покажи, накорми — все как положено...

Инженеры человеческих душ были на седьмом небе от счастья, когда им позвонили из бюро пропусков НКВД. Приоделись, как на первомайскую демонстрацию. Набрали своих книг для раздачи автографов. Захватили букеты цветов. Смастерили вымпелы. Сочинили в стихах и в прозе приветствия доблестным чекистам.

Ах, как благодушно, ах, с каким волнением, свободным от этой тупой тревоги, то есть почти с вдохновением, подошли наследнички российской словесности из тюрьмы внешней к таинственному, к романтичному серо-зеленому зданию главной внутренней тюрьмы СССР.

Уж они поскрипели там перышками и карандашиками в блокнотиках — с потр. вкус. оформл. интерьеры... свет в кам. просто способств. раск. и призн. обыгр. лампочку Ильича... поэзия возм. правды неотвр. наказ, — уж повытарашивали писателишки с поэтишками глазенки на полутрупные физиономии крупных и мелких чинов, с омерзительной аффективностью фиксируя в памяти скромную силу и властность... стоическую верность порученному делу и... даже, даже, даже... сердечную боль за своих трудных подследственных — жертв исторически необходимых заблуждений...

И соответственно горячо поторапливая друг друга, пошаливая по-детски в очереди перед «очком» показательной камеры, бурно лелеяли эти молодые отталкивающие уроды зарождающиеся в воображении эпитеты, метафоры и прочие литературные штучки.

А уж взглянув в камерное «очко» с чувством, несколько напоминающим примитивную похоть, поглазев на несчастных в любом случае людей, нервно сновавших из угла в угол — зверье, загнан, тупик класс. бор... клетки желнаркомом... в глаз. мольба о прощ... не прост. сердц. отстук. морзе... высш. мер... высш. мер... высш. мер... выр... род... чел... — уроды вслух

обменивались впечатлениями и поражали даже повидавших виды палачей какой-то невыносимой угодливостью злорадного сладострастия.

Вдруг там гиенообразно завыл сигнал тревоги. Сопровождавшие чекисты рванули куда-то по корпусному коридору. Уроды приготовились деловито зафиксировать чудесные подробности захватывающего служебного сюжета. Тут-то на них и налетели поднятые по тревоге надзиратели — задорная ватага стажировщиков-душегубов из провинции.

Не сообразив по безграмотности и бескультурии, что пишущая братия, посетившая жуткую тюрьму с откровенно извращенными, бездушными целями, — явление вполне соотносимое с моралью «юности мира», молодчики-провинциалы очумели от мысли о попытке группового побега.

Предупредительно стреляя под ноги, паля в потолок, надзиратели свободными от оружия руками начали колошматить группу — из ССП и загонять их в дежурный бокс. Загнав, приказали улечься вниз рожами на бетонный пол и не вякать, суки, до заседания трибунала, не то на жопках заячьи уши подрисуем... у нас не сбежишь...

Кто-то из бойких, апеллируя к здравому смыслу, просил позвонить Ворошилову, грозил пожаловаться Сталину и Ежову. Мариэтта Шагинян требовала вызвать Микояна. Кажется, Вера Инбер с Агнией Барто тихо напустили луж и начали вполголоса стыдить Луговского за то, что тот несдержанно обоссался «в таком... в

таком месте...». Некоторые — из самых сообразительных циников — поспешили съесть часть блокнотиков с эскизами и заготовками. Сергей Михалков с Сурковым с ходу вызвались быть старостами камеры. Лев Никулин мелко трясся в прощании со свободой. Лев Безыменский кричал, что он сам является сотрудником органов, а Александр Жаров с Анной Караваевой просто выли от страха, пускали пузыри в грязный бетон и опускались прямо на глазах надзирателей, очень довольных быстрым пресечением преступных намерений врага. Остальные, как и велено им было, не вякали, мысленно проклиная «перерожденцев-головокруженцев, извративших светлую идею, плюнувших в лицо самого ленинизма... сволочи... если бы об этом знал Сталин...».

Когда в одной из камер ликвидировали бунт бывших эсеров, а заодно и самих эсеров, чекистские чины вернулись к видным членам ССП. Недоразумение было улажено.

С пострадавших после извинений взяты были подписки о неразглашении. Их накормили командирским обедом, выдав его за «типичный рацион подсудимых». Вручили по паре часов, реквизированных у расстрелянных только что эсеров, и выпроводили на площадь Дзержинского.

После этого истинно осчастливленные писатели бросились обмывать трагический опыт и чудесное освобождение в Дом литераторов.

Там они, славно поддав, прямо усирались от хохота и восхищения, повторяя «потрясающую

находку»: «На жопах заячьи уши подрисуем»... до народного словца тебе, Сашка, надо тягаться... и заметьте: не нарисуем, а подрисуем... ха-ха... чудесная подробность... но, главное, не где-нибудь, а на, ха-ха, жопе... только не у Володи Луговского... Барто с зайчиком... ха-ха... нет — есть у нас в народе языкотворцы... на самом деле в тюрьме нет ничегошеньки страшного... только рифмы, блядь, мало... Бэ-зы-мэн-ский, идите в химчистку, вы весь в фекалиях...

Сталин же объявил строгий выговор нарком-у Ежову.

Водить народные экскурсии на Лубянку было строго запрещено, хотя и ЦК партии, и редакции центральных газет были просто завалены письмами одиночек и коллективов трудящихся с просьбами о разрешении «торжественно присутствовать на допросах врагов народа и ползучих гадов советской власти»...

Так вот, из-за приключения членов молодого ССП Л.З. при всем своем могуществе не мог понаблюдать за странными душевными муками обреченных в камерах Лубянки.

Зато однажды ночью, прилично подзабав-дев, дружки повезли Л.З. в Бутырки. «Мы тебе, Львище, покажем нашу “Индию”», — сказали дружки.

«Индия» — это большая камера — полным-полна была набита проказой-уголовщиной и крупными в прошлом партийными руководителями черноземных и нечерноземных областей.

Дело было в ночь на Седьмое ноября, и, естественно, двое надзирателей глухо дрыхли

после праздничной поддачи. Л.З. подвели к «очку» — к глазку в двери камеры. Вот что ему довелось увидеть в камере — звуков изнутри никаких не доносилось.

Уголовную проказу Л.З. с ходу отличил от «политиков», от врагов народа... Некоторых из них он даже узнал. Встречались на совещаниях... фотоснимки в «Правде»... Несколько раз один из дружков отстранял Л.З. от «очка», деловито и компетентно вглядывался в происходящее в камере и охотно комментировал.

После просвещенных комментариев Л.З. просто умолил больше не отрывать его от жуткого представления.

Четверо урок втолковывали трем бывшим руководителям крупных областей, что им необходимо пройти испытания перед этапом. Если они выдержат их, значит, получают в лагере различные должности придурков и, таким образом, сохраняют себе жизнь. Ее очень важно сохранить, увлеченно внушали урки, потому что происходит полная беспределщина в партии и государстве... суки рубят под корень ленинских блатных... падлы поставили Родину раком... кто кого угребет, тот того и уебет... члены политбюро вырывают из пасти народа кровавую птюху, а сахарок проигрывают блядам из Большого театра... жизнь надо сохранить и отмазаться так, чтобы по Красной площади целый год текли слезы и сопли беспределщиков, пока говно из Неглинки не поднимется до третьего этажа Лубянки, сучий мир, пропадлинам скоро чехты придут посонникам...

Л.З. в те самые минуты проглядел, увлекшись сюжетом камерной сценки, проглядел, обмирая от острого интереса к тому, что дальше будет, проглядел Л.З. в выражениях лиц и особенно глаз бывших своих коллег по партработе и воспитанию нового человека странную муку последнего отчаяния.

Урки поставили наконец двух бывших руководителей друг за другом, затем третий — в прошлом организатор ЧК в Сибири — обхватил первого за шею. Ноги его урки быстро накиннули на плечи сзади стоящего, третьего. Лодыжки ног туго перехватили скрученной наволочкой. То же самое сделали с запястьями рук, чтобы висевший не смог впоследствии вырваться.

Никто, кстати, в камере не спал, зная, что забалдевшие надзиратели дрыхнут, то есть нагло давят мух с козырями. Забыв про «очко», все азартно ждали «авантажного сеанса».

Наконец, один из урок приказал кучке политиков-«фашистов» вполголоса начать завывать: «Наш паровоз летит вперед. В коммуне остановка...» Затравленные урками «фашисты» послушно начали подвывать свою любимую религиозную песню.

Затем вполне интеллигентно выглядевший блатной раскурил обожаемую Сталиным папиросу «Герцеговина Флор». Раскурил, затянулся со вкусом и наслаждением, дал затянуться кiryхам и стянул с висевшего «фашиста» брючата.

Л.З. просто-затрясся от хохота.

Поскольку вся камера весело гоготала, голожопый товарищ натужно пытался улыбнуться.

Но главное было впереди, Л.З. чувствовал это, всеблаженно, как в кинозале, отдаваясь милой волне зрительского предвосхищения, и с некоторой досадой думал, что не мешало бы расширить чертовы гляделки в дверях тюремных камер... остались, понимаете, как при царе... и тут мы, черт подери, никак не закончим со старым...

Главное представление было впереди. И вот оно началось. Интеллигентно выглядевший урка вдруг перестал лыбиться. Харю его как-то исказило. Кончик языка высунулся на миг, словно у гадюки. Глаза были неподвижны. Губы как бы затянуло в тонкую, злоехидную трещину рта.

Он сдул с папиросы пепел и воткнул ее горящим концом в зад несчастного. Тот бешено задергался, и — что странно — коллеги по «номеру» вместе со всеми ужасно захохотали, хотя Л.З. мог бы тогда не проглядеть, что глаза их все так же были полны мучительной сокрушенности...

Еще страшней было то, что на вспотевшем от напряжения и боли лице повисшего тоже дергалось какое-то подобие улыбки. Видимо, и он старался как-то отвлечься от более отвратительной, чем боль бедного тела, от неотпускающей душу и сознание муки. Да еще и принимал по стадной, по партийной привычке игру большинства, лишь бы не оставаться в «беспартийном» одиночестве.

Тогда урка прижег еще разок, и еще... и еще. Руки и ноги у провисшего снова задержались

удивительно комично, вызывая в примитивном, в зверином в эти минуты воображении гнусных соглядатаев образ паровоза. Зад пытаемого окутан был к тому же табачным дымом, а изо рта вырывались какие-то жуткие звуки... пых-тах... пых-тах...

Но вот он как-то безжизненно перестал дергаться от прижиганий. Кто-то наконец сочувственно зароптал. Руки и ноги несчастного освободили от скрученных наволочек. Он сполз на пол и беззастенчиво затрясся в рыданиях. Урка участливо тыкнул его в бок носком модельного штиблета и предложил милостиво «Герцеговину Флор».

Л.З. удовлетворенно отметил про себя, что враг народа не только охотно принял папиросину из рук садиста, но и прикурил от окурка, которым ему только что прижигали беззащитный анус. Прикурив, благодарственно и воспитанно кивнул головой. Урка тоже самодовольно ухмыльнулся.

Несчастный, не вставая с пола, жадно и блаженно затягивался любимым сталинским дымком, но в выпученных его от попытки понять все происходящее глазах, в побелевших его глазах застыла мысленная мука о необратимо изуродованном им самим Образе Жизни. О невозможности, адской невозможности начать жизнь сначала...

Л.З. не мог не почуять, что в таком вот странном выражении глаз есть нечто жизненно важное и поучительное.

Дружки, когда он поделился с ними некото-

рыми соображениями, корча из себя большого психолога и философа, сказали, что его, конечно, надо бы бросить на работенку в органы.

Л.З. отшутился, заметив, что дружки его вкручивают тут мозги десяткам и сотням врагов народа, а он — Л.З. — проделывает это в «Правде» с миллионами... понимаете, что на сорок три процента гораздо труднее...

Вот эти-то нелепые слова закрутились вдруг в мозгу дергающегося под одеялом — сверху еще лисий салоп — Л.З. Так и скакала мерзкая фразка по извилинам... сорок три процента гораздо труднее... сорок три процента гораздо труднее... скакала на крысиных лапках последних буковок «ее», умывая ими то и дело острые цифирьки отвратительной мордочки. А от знака «%», как от перекошенных и лишенных зрачков белых глазенок, пованивало на Л.З. такой мстительной безысходностью, таким безнаказанно изгиляющимся издевательством, которое наверняка испытывали на себе в прошлом многие жертвы главного редактора «Правды», наркома Госконтроля, члена Военного совета фронта и т. д. — жертвы самого Л.З.

Затем ему удалось пришить этого крысеныша с пустопроцентными глазками. Он начал лихорадочно перебирать версии и варианты, как любит выражаться один замечательный современный писатель.

Работали ли Верста и Верлена на второго хозяина?.. Если работали... им нет прощения за все то, что он сделал в жизни для них, их ненасытных родственничков и сонма преступных

знакомых... о... моя месть будет неслыханно тонкой и беспощадной... папочка и мамочка содрогнутся на том свете... можете быть уверены... Мехлис ни на йоту не прощает врагам ни грана предательства... Это общеизвестно... Подслушать можно было многое. На то она и техника... Но об открытии «смертин» знали только мы трое... Никаких бумажек не было... формулы сожжены мною лично... Неужели донесли сами, почуяв, что мне и всем нам — крышка?.. Этого следовало ожидать от таких блядей... грязные бляди... я сделал им жизнь... дачи... миллионы на счетах... камни... посуда... склад японских кимоно... меха... о-о, сволочи... Но если сознались под пытками, Мехлис простит... Это Мехлис умеет прощать. Необходимо как-то протянуть хоть месяц... хоть три недели... надо что-то сделать... вновь имитировать инфаркт с ослаблением умственной деятельности... сбежать на дачу... к семье... к семье... там не предадут... Сначала — на дачу, а уж там инфаркт... и пропадите вы все пропадом... вот помочусь — и сразу на дачу...

Все эти беспорядочные мысли и образы мелькали в башке Л.З. наряду с серьезно обдумываемым планом побега в Израиль на военном самолете. Родственник Л.З. начальствовал со времен войны в авиачасти, расквартированной на Кавказе. В один из пьяных наездов в Москву он, размазывая слезы на хулиганской с детства физиономии, жаловался своему родственному покровителю на гнусное юдофобство гарнизонного офицера, а особенно их за-

вистливых сучек-жен... Этого вполне можно было бы склонить к шикарному перелету, если не в Израиль, то на Запад... Самолет продать к ебаной бабушке, а на вырученные деньги завалиться в бардак... Париж... многовековая половая культура ебли... написать, не выходя оттуда, многоденежный роман — документальную сказку о кровопийстве Сталина... можно будет уговорить Чарли Чаплина поставить фильм... Это же большие деньги для меня и для него... я соглашусь не меньше чем на семьдесят процентов... ну хорошо... на шестьдесят три процента... я прожил шестьдесят три года... побег не реален... если они опустятся до того, что станут пытаться Мехлиса... бесполезно говорить всю правду... все равно не поверят... непременно возьму с собой по делу Жопоморду и лаптя сраного — Никиту... возьму Буденного с Кагановичем... примажу боком Сулова с Берией... наберу приличную группку... все равно не поверят, что Мехлис как прекрасный организатор... на всех участках... пребывал в одиночестве... абсурд. О-о, как покорчится усатая шпора на ряде очных ставок со мною... как он покусает левый и правый ус, пока их не вырвут по волосинке... сам буду помогать рвать в плане помощи следствию... с выкрутом... с неторопливым вытягиванием и одновременным мелким подергиванием во все стороны... Берию после всех его истерических «не-е-ет!.. не-е-ет!..» спокойно попрошу снять пэ-эн-снэ и буду харкать в глаза до полного слюноотделения... всем контраргументам чахоточной мрази Сулова противопостав-

лю убийственную сардоническую усмешку... она мне всегда удавалась в разговорах с врагами... а Каганович?.. А?.. ха-ха-ха... Вы говорили о согласии Булганина с Ворошиловым объявить противоядерную тревогу с переводением Иосифа Виссарионовича в бункер станции «Кировская» и последующим ее затоплением сероводородоцианистой водой... Неужели не помните, Лазарь Моисеевич? ...о-ха-ха... о-ха-ха-ха...

Бешеная работа фантазии настолько, как известно, опустошает и патологических, и самовоспитавшихся лжецов, что возвращение из всего вымышленного к действительности воспринимается ими чрезвычайно растерянно, раздражительно и крайне обидчиво. Обиды эти, глубоко укореняясь в сознании, становятся, помимо воли фантазеров, едва ли не главными двигателями всего их жизненного поведения и, конечно, основными причинами уныло-низкого душевного настроения...

Похмельные муки наркоманов и алкоголиков, фантазии и лжи, между прочим, несравненно более злокачественны и в принципе безнадежны, чем физические и душевные испытания самых пропадающих зельеманов и ханыг, трогательно заблудших в страшных, в прекрасных чащах соблазнительных иллюзий.

Зельеманы и ханыги, покорчившись какому-то гиблое время в трезвой, безжалостной действительности, принимают немедленные меры для спасения от очной ставки с ее бесчеловечной оловянностью. Вновь «задвигаются» любители строгой дури. Вновь горько и восторженно

опохмеляются бедные пташечки невинной рюмашечки. Им поистине становится хорошо... Хорошо... Хорошо...

И какими бы ни были бедняги эти несчастными грешниками, какими бы ни были они жалкими рабами странной и дьявольской своей страстишки, единственное их оправдание перед Творцом и собою заключается, может быть, в том, что, обретая блаженное состояние временного равновесия в не таком уж, кстати, всерадостном мире, воскрешают они в себе приемлемую связь с действительностью и устремляют к ней то тихие, то исключительно страстные порывы прощения, вины, любви и терпения.

Большинство этих несчастных искренне считают не действительную жизнь виноватой в активной поддержке всемирного порока наркомании и пьянства, а самих себя, соблазненных коварной попыткой укрыться хоть временно от трагических стихий существования.

Господи, прости! Пошли, Владыка Небесный, всем жаждущим сегодня в последний раз щепотку несносной, нужной дури и некоторое количество оживляющей влаги!..

Надо ли говорить о сравнительно безобидной для мира, всего общества в целом, природы, бессловесной твари, для самой основы человеческой жизни — Языка — частной деятельности вышеуказанных несчастных и веселых грешников, разрушающих, а порою и губящих — в интимном порядке — связь с почти иногда неразрешимыми задачами действительности?

Говорить об этом не надо.

Предпочтем же любую, самую пьяную, обросшую всеми видами лжи компанию, даже компанию пьяниц, превращающих самих себя в нигде и никем не принимаемую пустую посуду из-под исполненного некогда крепости, веселия и здоровья человеческого Духа, предпочтем такую компанию, читатель, какой-либо из трупно просмердевших партий и дочерних их банд... тьфу...

Так вот, опохмелившись в очередной раз видениями поверженных в муки и унижения врагов, Л.З. исподлобья уставился на квартирную обстановку действительности. Она напитана была тревогой и возможностью каверзных, беспощадных прозрений.

Прозрения эти как бы жили своей жизнью, корректно соседствуя до поры до времени с Л.З., как вынужденно соседствуют в советской гадючьей коммуналке принципиально смертельные враги. Но вдруг — по причинам как внятным, так и ни с того ни с сего — начинали прозрения ехидно пакостить. Плевать в душу. Изводить невразумительными упреками. Подолгу занимать череп, как садистически любят занимать сортир коммунальные мечтатели и любители чтения свежих газеточек.

Л.З. вдруг подумал, что, возможно, *смертин Розенблюма* в природе не существует... о-о-о это — агония... что они есть не столько порождение спасительной фантазии свихнувшегося микробиолога, сколько результат направленного рвения самого Л.З... это — агония... своими ру-

ками нарисовать себе виселицу с веревкой... за это мало расстрелять... за это действительно, понимаете, надо вешать... ах ты, Розенблюмина пархатая... как ты скушал Мехлиса... жевал, жевал столько лет и скушал... приятного аппетита, гражданин Розенблюм...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Сразу после войны Л.З. чутко уловил, казалось бы, неуловимые изменения в настроении Хозяина. Сталин был деятелен. Приказал Берии увеличить производство тюремных и лагерных нар на 637 процентов, но без ущерба для развития ракетно-ядерных дел.

Общество людей снова что-то развивало и что-то восстанавливало в силу естественного, деятельного инстинкта, бурно обостряющегося в широких народных массах после несправедливых, с точки зрения политических лидеров, войн.

Будущая деятельность представлялась Л.З. весьма смутно, потому что делать ничего не хотелось. Хотелось внушить Вальке Катаеву тиснуть роман «Остановись, мгновенье!» Хотелось рассматривать с утра до вечера новые поступления на квартиру и на дачу трофейных антикварных ценностей. Хотелось вкусно жрать и не приносить никаких жертв на замызганный гном и мазутом алтарь комстроительства. Хотелось сладко убивать время в кровати и прыгать с Верочками с ветки на ветку персикового дерева с иллюстрациями Кукрыниксов.

Вот Л.З. и просиживал целыми днями в кабинете, прикидывая: как быть? Сталинская стратегия тотального уничтожения евреев стала ему в основных чертах совершенно понятной. Жить рябой падали остается не так уж много, судя по всему. Он не может не ускорить какой-нибудь решительной акции — нового своего сталинградского сражения. Если бы Л.З. привлекли к решению еврейского вопроса, он, не задумываясь, отдал бы все свои силы и организаторские способности уничтожению всех евреев, отказавшихся от ассимиляции и не пожелавших забыть навек о заветной встрече в следующем году в Иерусалиме.

Но Л.З. никто не собирался привлекать к окончательному, советскому, варианту решения еврейского вопроса... Что делать?... Скажите мне, что делать, и я переверну эту кремлевскую шарашку, набитую юдофобами, не делающими никакого различия между Мехлисом и какими-то перецами феферами — сионистской продажной бандой... Я выхожу... Мехлис выходит из игры... посмотрим, хватит ли у тебя, черная жопа, времени разобраться не только с еврейским, но и с русским, с украинским, с грузинским, с литовским, нанайско-чукчевым и адыго-бурято-эстонско-таджикским вопросами... анализы внутреннего положения в стране...

Именно слово «анализы» подсказало Л.З. основную стратегию последующего поведения.

На прогулке в Крыму, в закрытом форосском лесу, он изложил все свои страхи Верочкам. Затем сказал:

— Вы тоже по папе еврейки. Вам тоже может непоздоровиться, если это будет даже наполовину хуже, чем полным евреям. Они станут жить в трех тысячах километрах от Москвы, а вы — в полутора. Кому от этого легче?.. Вас предадут даже ваши пьянчуги мужья... Нам надо пережить... Тихонечко переждать. Ловите мою мысль. Давайте я перенесу для начала insult. Вы должны обеспечить меня всеми необходимыми анализами. Симулировать я смогу сам. Буду трясти ручкой, волочить ногу, еле ворочать языком и кривить рот. Ни один профессор из вашей Кремлевки не посмеет сказать, что у меня не insult, если я сам себе поставлю беспощадный диагноз. Профессора настолько запуганы процессами, что фактически не они, а мы руководим историями своих болезней. Буденный тут обожрался водки с шампанским, вызвал Егорова и говорит:

— Ты видишь, дурак, что я помер?

Егоров тут же позвонил в Кремлевку и сказал:

— Товарищ Буденный, по его словам, скончался. Сообщите об этом директору деревообделочного цеха и в цветочную оранжерею... отмените концерт Гилельса в Колонном зале... да... от белой горячки...

Но уса́тый амбал испугался, схватил шашку, заорал: «По ко-оням!» — и убежал из дома.

Верочки очень смеялись.

Вот тут-то они и рассказали Л.З. о странных опытах микробиолога Розенблюма, который консультировал в Кремлевке по части толкова-

ния сложных случаев в анализах кала, мочи, крови и мокроты высших руководителей.

Л.З. внимательно слушал.

Оказывается, доктор наук Розенблум получил каким-то образом разрешение работать по вечерам в прекрасно оборудованной лаборатории. Оснащена она была по последнему слову медицинской техники. Одна только швейцарская центрифуга, в которой, по словам Верочек, кал Сталина раскручивался чуть ли не до околозвуковой скорости, стоила больше реактивного мотора «МиГа». За новейший же электронный микроскоп, способный благодаря своей фантастической мощности сделать полный анализ мочи Жданова без капли самой мочи, а только лишь по кусочку ждановских кальсон, заплачено было невероятно огромная сумма в валюте.

Розенблум — Верочки аттестовали его как тихого скромного человека с большим приветом, стебанутого от любви к микробиологии, — вдохновенно вел записи. Возился с колбами и реактивами. Часто хлопал себя по лбу, после чего, взяв стул, кружился в вальсе. Затем грозил кому-то кулаком, плевался и топал ногой. Верочки позаигрывали однажды с Розенблумом. Прижались к нему с двух сторон и спросили, над чем Герш Евсеевич работает. Розенблум расчихался и очень рассердился, потому что у него была стойкая аллергия на запахи даже стерильно вымытого женского тела. Из-за Верочек он не смог работать с микроскопом. Слезились глаза. Насчет работы ответил неохотно, но можно было понять, что занимается он чрезвычай-

но важными для микробиологии и соответственно медицинской практики молекулярными проблемами ранней диагностики. Успешное их решение позволило бы прогнозировать течение самых тяжелых болезней и определять с достаточной точностью вероятность летального исхода...

Л.З. сразу же ощутил похолодевшей кожей спины сладкое покалывание тысячелучья звездного часа. В голосе его появилась неуловимая взвесь грузинского акцента, что часто случается с ломающимися голосами подростков, бессознательно подражающих в разговорах любимым или же ненавистным папашам.

— Семья?

— Смешно. Он даже от нас кашляет, а от жены сблюет...

— Конкретней.

— У него слезятся глаза от всех женщин.

— Еще конкретней.

— Кажется, Розенблюма иногда провожает, иногда встречает представительный мужчина в дорогом пальто.

— Похож на брата.

— «Брат»... знаем мы этих «братишечек», у которых по шершавому херу растет из подмышечек. Держись, братишка... Будем брать, — сказал Л.З., — никому ни слова. Возможно, в наших руках... все сразу... Вы понимаете?..

Все сразу... Разве вам снилось это в день папиной и маминой катастрофы? На днях у нас состоится серьезный разговор с Розенблюмом.

Оставив Верочек отдыхать в обществе двух

ядерных физиков-импотентов, совершенно лы-
сых и беззубых, но нервно искавших дамского
общества, Л.З. вылетел в Москву.

В полете он прикидывал, кого бы взять с со-
бой по этому делу из дружков-чекистов?.. Без
работника органов тут было не обойтись. Баран-
нов?.. чует небось, что завоняло антисемитиз-
мом... не глуп и слишком циничен... Каскадзе?..
Смешно... заложит со всеми потрохами, потом
бросится на грудь с извинениями и просьбой
разрешить ему сплясать на моей могиле лезгин-
ку. Эхтомский?.. Обсерется и забрызгает, но
своего не упустит... Ройтман?.. Ничтожество и
патологический кверулянт, регулярно получаю-
щий порции сильнейшего гипноза у Вольфа
Мессинга для того, чтобы не доносить не толь-
ко на свое начальство, но и на самого себя... на-
деется сделать сногшибательную карьеру на
втирании в доверие к Михозлсу и прочим глав-
ным активистам антифашиеврсовкома, склоняя
их к тайной встрече в Иерусалиме в шесть ча-
сов вечера после войны, мелкая мразь, с любо-
вью ненавидящий свой вечный пятый пункт...
Кусошников?.. Пьянь и бахвал... умен... попро-
сит за услуги выдать ему на пару палок Верок...
на это Мехлис не пойдет никогда... он — не Бу-
денный, разрешающий Берии гарцевать на лю-
бимых кобылах... Совершенно не на кого поло-
житься... Васенкин?.. Он же расстрелян...
жаль... Вструминь тоже ликвидирован вместе с
Суровцевым... безвременно ушли лучшие чеки-
стские кадры... беда...

В полете Л.З. так и не додумался до «чудненького вариантикусевича».

Утром, мучаясь от тяжелых геморроидальных болей, словно сговорившись вместе с запором поистязать Мехлиса, Л.З., поднатужившись, случайно сказал в сердцах:

«О-о, проклятый геморройтман...»

И только он это сказал, как необычайная волна теплого к себе отношения произвела бурные изменения в его желудочно-кишечном тракте.

Ах, с каким обожанием и ожиданием чуда вглядывался Л.З. в заполонившие толчок предметы аналитического внимания хитрого затворника Розенблюма в свой кал, кровь и мочу. Он еще и харкнул туда с удовольствием для полноты картины, сказав весело:

— Геморройтман так Геморройтман, дорогие товарищи... с паршивым, издерганным всеми комплексами сразу гаденышем работать даже легче, чем с Кусошниковым и Глюконатовым...

Л.З. пригласил Ройтмана на дачу, тщательно внушив себе не передергиваться от гадливости в присутствии этой прилизанной толстенькой гадюко-пиявки с желтоватым рептильным личиком.

Выпили. Закусили. Обменялись свежими, только что арестованными анекдотиками. Вышли погулять. Л.З., присев у елового пенька в позе Ильича, еще не добравшегося до царского трона, сказал так:

— Хозяин имеет основание заподозрить

видных и мелких советских евреев в подлости, вредительстве и нечеловеческом коварстве — после всего хорошего, что он им делал и делает. Если бы не он, то и мы бы с тобой, Залманыч, сейчас валялись бы в лучшем случае как окурки в общей пепельнице, а не отрыгивали бы марокканскими лангустами. Общая ситуация тебе известна не хуже, чем мне. Нам совершенно необходимо доказать как Хозяину, так и всем, готовым хлебнуть нашей с тобой кровушки, что мы давно не евреи, а культурные люди, искренне ненавидящие гадючий Израиль и провокационные происки его сионистских заправил... Мы — интеллигентные советские люди...

— Вы абсолютно правы, Лев Захарыч...

— Давай наконец перейдем на «ты»... лет двадцать знакомы. Впоследствии выпьем на брудершафт... на днях в плане борьбы с низкопоклонством я предложил Хозяину переименовать «брудершафт» в «братостопочку». Он был в восторге. В сущности, у него добрейшее сердце, но он так травмирован до сих пор коварством Гитлера, что страдает от переноса многими евреями горячей любви со своего спасителя Сталина к госпоже Голде Меир... Так вот, если бы я поделился с кем-нибудь другим тем, чем хочу поделиться с тобою, то мы были бы в еще большем говне, моче и мокроте... может быть, и в крови... Лавры разоблачителей сионистской диверсионной группы достались бы юдофобу Берии. Бекицер: вчера я узнаю от своей личной сети, что уже активно ведется... что бы ты думал?

— Поговаривают о готовящемся подкопе из ГУМа в Мавзолей с завозом под него к Первому мая американской атомной бомбы. Вроде бы есть сигнал от американских товарищей, что отец бомбы Оппенгеймер продал ее за миллион долларов Бен-Гуриону...

«О боги! С этим кретином должен работать сам Мехлис», — подумал Л.З. и перебил:

— На что же они рассчитывают в случае удачного взрыва?.. Неблагодарные подлецы...

— На полный хаос. Демонстрация трудящихся бросится грабить ГУМ, рестораны и склады дефицитных товаров. Пользуясь замешательством обезглавленных партии и органов, ООН устанавливает воздушный мост и перебрасывает всех евреев в Израиль. Тех, кто не пожелает перелетать, — в московский крематорий. Он уже переоборудуется якобы с гуманными целями...

— Неглупо, но рискованно. Параша отвлекающего характера. Дело обстоит гораздо фантастичней и серьезней. Вы все там на Лубянке идиоты. Зашизели от паранойи и не видите, что творится у вас под самым носом. Подкоп ведется более хитро и гениально, не вызывая подозрений, не под ваш Мавзолей... разьебай... мечтатели... а под кал, мочу и мокроту высших руководителей... — Ройтман тупо заморгал и заворочал глазами, как бы встряхивая со дна умное выражение.

Рассказав в общих чертах о своей догадке, Л.З. играл, главным образом, на застарелом тщеславии Ройтмана и, конечно, на его тревожных еврейских настроениях.

— Мы с тобой десятилетиями работаем по-марксистски, как граждане мира, на благо первого в истории интернационального государства, но сионизм бросает на нас свою зловещую тень под маской лицемерной заботы о будущем еврейской нации, давно обреченной на провал... Все летит в глубокую жопу. Любимая работа...

— Лучше смерть, чем быть вне органов, Захарыч!

— Кроме работы летит туда же дача, квартира, снабжение... ты давно не стоял в очередях?.. машина... Крым... закрытые кинофильмы — все... Но если мы с тобой выкладываем лично Сталину все материалы по делу микробиологов, увязав их с подозрительной возней генетиков вокруг реакционных генов, кошмаром в музыке, театральной критике и литературе и еще кое с чем, да подкрепим все это с помощью Розенблюма научными доказательствами, то не головы наши полетят в печку московского крематория, а дважды героями мы с тобой станем — геройтманами — и лауреатами Сталинских премий.

— Согласись, Захарыч, что еврейские головы додумались до диверсии века. Ты не отрицаешь, что это — диверсия века?

— Бэ-зус-лов-но. Поскольку мне неудобно и подозрительно в данной ситуации болтаться на Лубянке, Розенблюма доставим сюда, на дачу. Усек? Если еврейские головы — я не отрицаю наших способностей — додумались до диверсии века, то еврейские же головы — не отрубить же нам их друг другу — ликвидируют эту диверсию.

— По рукам, Захарыч.

— Начинаем завтра же. Медлить нельзя. Вчера было, понимаете, рано, сегодня нельзя, а послезавтра — поздно. Будет и на нашей улице Первое мая, — сказал Л.З. От распиравшего душу и тело желания во всем походить на рябую трихомонаду на его лице явственно проступили грязноватые стигматы сталинских оспин, а руки непроизвольно манипулировали табачком и трубкой, как бы совершая задумчиво-набивочную операцию...

Взять Розенблюма не составляло никакого труда. Ройтман был на трофейном «мерседесе» с темными стеклами, одним из принадлежавших в свое время Гиммлеру.

Верочки, специально задержавшиеся до девяти вечера, открыли Л.З. входную дверь. Л.З. подошел к стоявшему перед микроскопом в неприличной позе исследователю. Белый его халат был в крови, желто-зеленых пятнах и в резких, весьма похожих на экспрессивные мазки народных умельцев в сортирах, следах указательного пальца.

Тонкий нюх Л.З., отлично натасканный на такого рода ароматы и букеты запахов, мгновенно и не без некоторого смакования произвел дегустацию.

Попахивало всем политбюро сразу и каждым членом в отдельности, в соответствии с диалектикой целого и частного. Разумеется, основные запахи Сталина твердо подавляли миазмы Кагановича, Молотова и Маленкова, лаптепортяночную заплесность Хрущева, вечную

обоссанность Жданова с ее невыносимой для культурного человека въедливой аммиачностью, переизбыточность бериевского гемоглобина и застарелый трупный распад Сулова. Ко всему этому примешивался стойкий, ненавистный, но слегка бодрящий и зовущий в дорогу запах тележного буденного дегтя, а также более тонкий, вызывающий инфантильную зависть кожаный душок ворошиловской портупей, sprыснутой дорогими духами. Нюх Л.З. различил также в общем букете омерзительно гнилостное смердение Шверника, Шкирятова и Андреева. Почему-то не чувствовалось убойно-мясокомбинатской вонищи Микояна, очевидно противопоставившего свое здоровье общему нездоровью сталинского партбюро.

И конечно же уловил нюх Л.З. такой милый, такой близкий и родственный собственный запах, метавшийся над колбочками, мензурками и пробирками, как гонимая всеми остальными хамскими, грубыми запашищами и вонищами, как беззащитная, сиротливая птичка.

Л.З. пронзила жалость к себе. Он мог вот-вот разрыдаться от горечи покинутости, от ненависти, от зависти к чужой, незаслуженной приобщенности к Самому и презрительного холода жизни...

Подобные чувства и состояния кое-кому из нас приходилось испытывать в далекой юности, в зимних пристанционных сортирах, не посещаемых людьми с пристанищем, в сибирскую холодрыгу, убивающую не только всякую надежду в живом человеке на существование в

природе горячего, долгожданного паровоза, но убивающую даже смрад человеческих испражнений, покрывающую мертвенным инеем сверкание рельсов, наделяющую жуткою немотою шпалы и щебень железной дороги. Вот поэтому-то нам столь любезны до сих пор все придорожные канавы осени и лета, где дозволено каждому любящему жизнь пьяному человеку отдохновение растянуться, не чувствуя затылком и носками ног смущающих прикосновений окраин гроба, чтобы полеживать себе в этой любезной земной канаве, напоминающей нам в забытии перевернутую кверху детскую формочку для бесконечных взрослых могильных холмиков, тепло и любовно выпекаемых поигрывающими в «песочки» ангелочками...

Л.З. взял себя в руки. Пришла пора по-настоящему потрудиться, чтобы жизнь последующая была менее угрожающей и более комфортабельной. Он положил руку на плечо микробиолога, впившегося в этот момент пытливым взглядом в молекулу шверниковского кала.

— Мы ждем вас, Герш Евсеевич. Добрый вечер.

— Ах... я заработался... здравствуйте... через минутку я буду готов.

— Вымойте, пожалуйста, руки, — сказал Л.З., когда Розенблум уже собрался вылететь из лаборатории. — Снимите халат. Возьмите все свои записи, расчеты, заготовки и так далее.

Розенблум подслеповато взгляделся в странную фигуру, напоминавшую чем-то староре-

жимную иллюстрацию к некрасовскому «Топтыгину».

— Я не успел обработать каловые субстанции Сталина и Бу...

— Обработаете в другом месте, Герш Евсеевич. И на иной аппаратуре.

— Вы хотите сказать, что получен вакуумный смеситель первичной кашицы?

— Бэ-зу-слов-но. Машина у подъезда.

По приезде Розенблюма сразу же завели в подвал, недавно оборудованный под комфортабельное атомное бомбоубежище — АБОУБ. Полная звукоизоляция. Система закрытого обеспечения питательной воздушной смесью в течение двух месяцев, начиная с момента ядерного удара американцев по Москве и Подмосквовью.

Он постарался успокоиться, решив, что его опять привезли на дачу пьяного Буденного для взятия секретного анализа маршальской мочи. Буденному тогда непременно хотелось узнать в белой горячке... «Чего я пил с Первого мая по самый День авиации?.. Иначе усех порубаю, бя буду...»

Розенблюм — он действительно был не от мира сего — бесстрашно укротил бушевавшего маршала. Он сказал ему, как говаривал иногда детям — Васятке и Светочке Сталиным:

— Ну-ка цыц, Сема, не то возьму мазок какашки и по носу размажу!

Маршал мгновенно затих, аки страшная океанская зыбь, политая китовым жиром. Розенблюм сел рядом с ним на гнедого жеребца, все-

гда стоявшего в спальне, потому что Буденный во время белой горячки непременно должен был сидеть на чем-нибудь верхом, иначе он бился в корчах на полу... сел рядом и с карандашиком в руке чудесно все изложил... Советское шампанское... перцовочка... коньячок... портвейнчик... ликерчик... хирса... пиво... пиво... пиво... водка... все повторяется несколько раз... а вот это, милый мой, что-то весьма далекое от периодической системы элементов... тут я сдаюсь...

— Усе правильно, — сказал тогда Буденный, — неизвестный же тебе, профессору херову, напиток есть арабская жидкость для смягчения гривы коня. Здорово берет под конец запоя... пойдем выпьем чего-нибудь человеческого, и я лягу спать до Дня Красной Армии...

Л.З. и Ройтман быстренько провели тем временем подготовительную работенку. Ройтман связался с диспетчерской секретного Всесоюзного центра несчастного случая — с ВЦНСом, — находившимся в его ведении. Дал распоряжение умело потемнить, если начнутся нервные розыски Герша Евсеевича Розенблюма... повторяю по буквам... герой, еврей, родина, шизофреник... Евсеевич... хорошо, что ясна фамилия... пора уже, понимаете...

Пока Розенблюм изучал обстановку противоатомного бункера, Л.З. и Ройтман весело ужинали и обмозговывали детали предстоящего следствия. Друг пропавшего без вести тем временем успел забеспокоиться и засветиться по телефону с ног до головы.

Беспокоившийся сразу же был идентифицирован соответствующими подразделениями Лубянки, подключенными Ройтманом в частном порядке к следствию. Он оказался гражданином Цхалтубия Анклавом Отарычем. Брюнет с проседью... Петровка, 26... государственная филармония... контрабасист...

Ройтман, как все большие идиоты и не очень хитрые зверюшки перед попаданием в капкан, почуял призывный запах и манящий блеск звездного часа.

— Завтра же организую взятие под наблюдение. Уверен, что выйду на более крупную дичь. Похожу в хвосте. Все эти типы в состоянии неизвестности делают массу глупостей, облегчающих нашу работу.

— Отлично. А меня завтра хватит ударчик... ха-ха-ха... Мехлис, кстати, не часто бюллетенил.

— Знаем, Захарыч.

— Герша денек помаринуем в той же неизвестности. Не возражаешь, если через часок ко мне нагрянут консультантки по нашему делу? Анализы-шманызы...

— Давай, Захарыч, только не финтить друг с другом. Нам все известно про твой «бутербродик». Разрешешь понаблюдать? Мне больше ничего от тебя не нужно. Извини за откровенность. Откажешь — не обижусь. Я тебя успел полюбить...

— Конкретней, — жеманно согласился Л.З.

— Могу — в окно. Могу и, как обычно... скважина... шкаф...

— Начнем со скважины, — сказал Л.З.

Позже приехали на такси Верочки. Пользуясь моментом, выпросили у Л.З. две очень важные должности для каких-то троюродных братьев: уполномоченного Госконтроля СССР по Джамбульской области и директора Иркутской областной филармонии. Л.З. прекрасно понимал, что за это они получают баснословные деньги, которые все так же будут пропивать их непутевые мужья — бывшие учителя географии и истории, но отказывать и не собирался. Ему было приятно радовать столь царственными подношениями любимых алчных сучек. Да и мужья давно привыкли к щедрой плате за «вынужденный» блуд порочных подруг жизни.

Л.З. взалкал о кровати, где он испытывал «в объеме двух женщин сразу» нечто, столь отличное от всех удовольствий карьеры и начальствования, от неслыханных ублажений тщеславия и хамовато удовлетворяемого властолюбия, от безумств гастрономического типа и неустанных забот подхалимов о своей чуткой на лесть жопе, нечто, столь уносившее его из привычных мирских измерений в сладостную дрожь телесного самозабвения, испытывал Л.З., что, когда во время всего «двойного» — жлобских ласк, ненасытных прикосновений и «фигурирования», как он выражался, — в самом половом акте в голове его беспорядочно мелькали вдруг приметы и образы служебной действительности, он холодел от их враждебного явления и сам себя раздраженно вопрошал: «Какой съезд... какая, понимаете, пятилетка?.. да вы

что?.. где очередные задачи?.. орден Ленина?.. ложа Большого?.. Депутат?.. ну знаете...»

Попросив, вновь забывался, как бы дав невидимому секретарю, сдержанно склонившемуся за изголовьем кровати, категорическое указание: «Меня нет!»

С искренними извинениями перед читателем, открыто увлекающимся реалистическими описаниями интимных человеческих телодвижений и не всегда им сопутствующих переживаний, галлюцинаций, вздорных мыслей, а также монстров кроватного юмора, мы избежим подробного описания того, что происходило за дверью, в скважину которой вонзился, трепеща от низкого любопытства, подполковник Ройтман.

Он ведь попал в красный чекистский TERRARIUM, почуяв в будораживших воображение программах смутный намек на возможность полного удовлетворения в недалеком будущем целого ряда милейших интимных подробностей.

А где еще, как не в органах, можно содействовать желанному переустройству ханжеского мира и скотоподобного общества с тайным сладострастием, с щекочущей нервишки испорченностью, с предельным, захватывающим дух ублажением животных, а подчас и гражданских инстинктов?

Бывало, Ройтман целыми днями, пропуская уроки в училище клубных затейников, рыскал по окрестным квартирам и по окрестной местности в поисках любимого зрелища соития по-

сторонних людей. Если бы юноша Ройтман употребил всю энергию и изощренную выдумку, с которыми он выискивал подобные зрелища в самых необычных местах, при самых необычных обстоятельствах и в самое необычное для этого время дня — например, во время утренней физзарядки или радиопередачи «Пятиминутка безбожника», — он, безусловно, стал бы опытным охотником за микробами или выдающимся вором-домушником.

Он балансировал на карнизах, повисал на веревках в глубине дворовых колодцев, научился неслышно стоять и передвигаться, надолго сдерживать дыхание, не икать от перенапряжения всех известных нам чувств, а также — это было всего труднее — не мочиться в штаны и не портить вслух воздух от зависти и ненависти к совокупляющимся парочкам и группам.

Групповых совокуплений в те фантастические времена была масса потому, что все резко индивидуальное подвергалось глумливому издевательству авангардистами в области морали. Слабонервный, бескультурный обыватель слепо тянулся за «передовой и культурной» элитой, чтобы не отстать от экстравагантных пассажей тогдашней моды в области половой жизни.

Зачастую скромное профсоюзное собрание единогласно начинало стихийное совокупление, ухитряясь, однако, продолжать обсуждение пунктов повестки дня и переходя от нечленораздельного мычания к бурным здравицам в честь Ленина, Троцкого и мировой революции. То же самое происходило при подписках на раз-

личные денежные займы и на сборах средств для бастующих текстильщиков Англии...

Почему уж юноша Ройтман не предпринимал никаких шагов для овладения натуральной особой женского пола, остается загадкой. Возможно, его устрашали икота и порча воздуха, аккуратно сопровождающие каждую непроизвольную поллюцию при тайных соглядатайствах.

Наконец, вслед за зрелостью половой в Ройтмане обосновалась зрелость гражданская. Секс для секса как-то сразу перестал доставлять прежнее удовольствие. Смутно хотелось дополнить слежку и высматривание чем-нибудь поэтичным и духовным.

Ройтман, ко всему прочему, побывал однажды на встрече с Ежовым. Тот откровенно делился с юными энтузиастами опытом увлекательной работы, которая была преступно скомпрометирована либеральными наследниками древнего первочекиста Ивана Грозного на великодержавном российском престоле.

Сразу после встречи с Ежовым юноша Ройтман стал умело сочетать чувственные подслушивания и подсматривания, доводившие его до неистовых сотрясений плоти, с сочинением доносов на похабных совокупленцев.

Дело в том, что во все без исключения исторические эпохи все парочки, особенно представленные в постели хотя бы одним думающим, образованным и интеллигентным человеком, начинают сразу же вслед за законным удовлетворением или же вместо него духовно

ублажающие беседы о возвышенном. Совершенно не имеет значения, что именно представляется парочке возвышенным в передышке между взаимообладаниями или в конце опустошающей любовной встречи.

Ройтман был поражен странным фактом. О чем бы возвышенном ни болтали взаимно раскованные парочки и группы людей, разговор, скажем, о тонкостях живописи Хокусаи неотвратимо переходил на то, из-за чего все мы теперь локти кусаем — на квартирный вопрос, на проблемы ширпотреба, всеобщего разгильдяйства и социального перерождения друзей народа в мурлообразных совбуржуа.

Но чаще всего разговоры заходили о вредительстве на фабрике презервативов. Многие советские женщины таинственно зачинали, несмотря на использование партнерами сразу двух, а временами и трех предохранительных «спутников», как метко называл народ презервативы задолго до космической эры. Ничто так не расковывало партнеров, как нервные разговоры о продолжающемся вредительстве на «гондонной фабрике».

После них сами собой возникали в постелях такие антисоветские разговорчики, что у Ройтмана волосы вставали дыбом от ужаса. Несложные умозаключения, поддержанные убедительной статистикой, привели его к мысли о том, что истинных советских людей, возможно, не существует в природе вообще.

Буквально каждая парочка, за которой он вел сладострастное гражданское наблюдение,

немедленно после причащения к всепотрясающей тайне оргазма принималась бесчестить по любому поводу советскую власть. Потому что ничто так окончательно не сближает не совсем еще сблизившихся людей, как откровеннейший разговор об объективно прекрасном или же об очевидно отвратительном.

Постели казались жуткими столами анатомического театра, на которых раздраконивались по косточкам все мыслимые и немыслимые недостатки мерзкой эпохи, гнусной власти и кровопийцы-правительства...

На встрече с наставницей молодежи Крупской Ройтман передал ей несколько стилистично оформленных и сдержанно прокомментированных записей постельных бесед с указанием адресов и фамилий «откровенцев».

Через несколько дней его вызвали в органы. Начальник горуправления Климов сказал так:

— Вот тебе, Залманыч, папка с делом номер один, протоколы допросов и прочая бюрократическая тряхомудия. Начинай дознание по своим же сигналам. Ты родился чекистом. Тут у нас природа как-то слегка опередила советскую власть и революцию, из чего следует, что мы, так сказать, в идее существовали всегда, но вылупились официально лишь в наше героическое время. Скрыпни зубами и напряги кишечный нерв — враг не дремлет, ети его мать...

Между прочим, Ройтман успел выработать для себя довольно тонкую методику выявления вражеской сущности во вроде бы безобидных на первый взгляд словечках и выражениях совокупившегося обывателя.

На первом же допросе он огорошил одну молодую учительницу, переспавшую с родителем отстающего ученика, спокойно заданным вопросом:

— Что вы имели в виду, сказав гражданину Сутилину: «Ах, уж лучше синица в руке, чем журавль в небе»? Это было 4 апреля, в 3.30 дня, в красном уголке *межоблутильсырья*.

— Я ничего не говорила... Не знаю никакого красного уголка... Сутилин всего-навсего мой ученик. Лодырь и похабник. Что все это значит?

— Сейчас вас уведут в камеру. Там и подумайте, что все это значит. Признание облегчит вашу вину. Запирательства бесполезны. Органы также интересуется подоплека пессимистической цитации «мечты, мечты, где ваша сладость?»... Вспомнили?.. Вы процитировали это, одевая трусы и лифчик за переходящим Красным знаменем того же *межоблутильсырья*.

У первой жертвы Ройтмана подгибались колени, когда она шла обратно в камеру, проклиная себя за половое сношение с пылким отцом тупого шалопая.

Арестованного Сутилина Ройтман обезоружил в первые же минуты допроса.

— Органам стало известно, что, совершив внебрачное половое сношение — впредь будем называть его *внепосом*, — вы цинично использовали переходящее Красное знамя вверенного вам учреждения с нецензурной гигиенической целью.

— Никогда... никогда... знамя это я трижды

целовал при вручении... как же я мог вытирать им муде?

— Могли, гражданин Сутилин. Могли. Это грустно. Враг приноровился вечером поклоняться нашим святыням, а утром глумиться над ними. Может быть, вы также не декламировали во время *внепоса* стих Пушкина, который не выучил ваш сын: «Приятно греться на лежанке, а знаешь, не велеть ли в санки кобылку бурую запрячь?» В эмиграцию захотелось?

— Первый раз слышу... буду жаловаться по надзору... провокация... я вот этими руками советскую власть укреплял в городе и деревне...

— Чудно... чудно... А не стояли ли вы перед портретами товарищей Ленина, Сталина, Бухарина и Кирова в одних кальсонах?

— Никогда, товарищ следователь...

— Ваш товарищ — брянский волк, гражданин Сутилин. Вы, разумеется, не хохотали, вынудив член, тыча им в портреты и приговаривая: «На-кось выкуси жилистого мяса, утильсырье ебаное...»

Поняв, что упираться действительно бесполезно, Сутилин сник, заложил с потрохами учительницу, себя и нескольких служащих. Ройтман быстро оформил первое свое дело о группе развратников, клеветавших на советскую власть и глумившихся с политической целью над святынями мировой революции.

Наблюдая во время очной ставки за плюнувшими в лицо друг другу Сутилиным и учительницей, Ройтман подрагивал от похабного, садистического удовольствия.

Затем он пошел в гору. Его перевели в Москву. В столице-то и отыгрался Ройтман на поехавших по конвейеру ЧК гражданах. Как ничем не безговававший садист, он был просто незаменим при обработке особо упрямых ленинцев и прочих отцов партийной диктатуры, то есть советского фашизма.

Две-три волны чекистов, сделавших свое черное дело, были ликвидированы, а Ройтмана не брала ни одна зараза. Более того, он и оформлял дела некоторых своих бывших сослуживцев.

Крайне зверствовал, допрашивая начальников. Вели они себя с Ройтманом поначалу безглаголиво и высокомерно. Он и виду не подавал, что задет оскорбительными выпадами насчет происхождения, способностей, ничтожной внешности и низкой сущности мусорной душонки.

Чекисты — русские, украинцы, латыши, грузины, монголы, китайцы и прочие представители прочих национальностей, — взбешенные арестом, срывали буйную злобу и ненависть к несправедливому, на их чекистский взгляд, миру на еврее Ройтмане. Отчасти это было комично, потому что сам Ройтман ненавидел свое происхождение поистине с патологической страстью, даже несколько превышавшей ненависть к антисемитам. Именно поэтому он был изощренно садистичен с чекистами-евреями, взывавшими от страдания и отчаяния к национальной совести гражданина следователя Ройтмана.

Вот тут-то он усаживался на конька ленин-

ско-сталинского интернационализма и с чисто-сердечным интернациональным зверством колотил соплеменников по мордасам, прижигал яйца папиросой «Герцеговина Флор», плевал в глаза, дьявольски инсинуировал насчет ближних, приводя в искренний ужас не посаженных еще коллег своим нечеловеческим хладнокровием.

Одним словом, к моменту нашего знакомства подполковник Ройтман был совершеннейшим нравственным уродом, извергом и полным, жалким рабом мерзкого извращения.

Сопя и онанируя, он согнулся перед дверью спальни. Ненавистный Л.З. уже лежал, задрав сволочной генеральский нос в потолок и заложив правую руку за отворот пижамы, словно за отворот шинели на трибуне Мавзолея Седьмого ноября. Из скважины в сопатку шибало тошнотворной спертостью интимной жизни, что тоскливо обостряло в полусогнутом наблюдателе чувство вечного одиночества.

«Ты, паскуда, скоро развалишься у меня на нарах, — дрожа от безумной ненависти, подумал Ройтман, — я тебя, мразь, обмотаю вокруг пальца... пошипипишь на сковороде, отгрызая собственное муде... молить будешь о смерти, но уж я тебя тогда поканителю, За-ха-рыч гуммозный... ох, погужуюсь...»

Утром позавтракали, скоординировали с Л.З. действия, и Ройтман отправился выслеживать странного «друга», с тем чтобы взять его для эффектной психологической обработки Розенблюма.

Л.З. первым делом позвонил своему лечащему врачу. Приказал слабым голосом явиться на дачу для установления диагноза болезни.

Когда явился врач, Л.З. умело симулировал, подергивая левой стороной лица, не попадал указательным пальцем в кончик носа и что-то мычал насчет онемевших конечностей.

Важное дело было сделано: по высшим учреждениям Москвы быстро пронесся слух об инсульте Мехлиса...

Л.З. в это время вплотную занялся обработкой Розенблюма. Для начала он прямо обвинил его в сокрытии от партии, государства и отечественной медицины сенсационного открытия «смертин», что и привело к неминуемой смерти ряда ответственных товарищей. В частности, Алексея Толстого и Рузвельта.

— Я — порядочный человек, — сказал Розенблюм.

— Сталин учит, что под личиной порядочного человека чаще всего скрывается враг Учения, Партии и Советского государства.

— В этом вопросе ленинизма я абсолютно согласен с Иосифом Виссарионовичем. Я что — в заключении?

— Ну что вы, Герш Евсеевич. Вы просто закрыты.

Розенблюм заявил:

— Я бы не сказал, что беседа с вами, генерал, доставляет мне удовольствие. Поэтому давайте ближе к делу.

Л.З. надулся, говнисто поерзал в кресле, но вынужден был съесть неслыханную дерзость.

— Партию и органы интересуют сущность вашего открытия — раз. Возможность скорейшего его запуска в практику — два. Перспективы использования с политико-оперативными целями — три. Пока все.

— Что со мной будет после того, как я изложу вам суть дела? И что будет с открытием? Ведь его можно использовать с целями нравственными и гуманными, но можно сделать и оружием бесноватой пакостности.

— Вы будете продолжать исследования, возглавив соответствующий закрытый НИИ.

Розенблум вдруг перестал контролировать свою психику:

— Мне насрать на ваш Госконтроль!.. Я не желаю быть засекреченным!

Л.З. сказал:

— Запомните, Розенблум, одно: выход у вас есть отсюда, если вы не перестанете выебываться, только вперед ногами. Мы не таким обламывали рога. Ясно? И вам, бэ-зус-лов-но, обломаем...

— Не обломаете... сдерете кожу на пальцах... Боже, насколько совершенней и благородней даже такие части организма в отдельности, как говно и моча, по сравнению с целым человеком... я вас ненавижу... плюю... вперед ногами к проклятому коммунизму... — Розенблум вдруг расплакался.

— Промокните слезы пресс-папье, буржуазная слякоть, — презрительно сказал Л.З. — Вы хотите, чтобы я пришел вам дело о попытке пе-

редачи секретных сведений американской и израильской разведкам?

— Плюю. Пришивайте. Вот что у вас будет внутри дела? Вакуум?

— Повторяю, нам нужно ясное изложение смысла ваших исследований. Почему вы отказываетесь от простого и честного разговора?

— Вы что-нибудь смыслите, генерал, в сульфатах, карбонатах кальция и магния? Брадикинин, каллидин и группа гликопротеидов известны вашему Госконтролю? А о кале вы способны сказать что-нибудь большее, чем то, что кал — это говно?

— Я довольно часто интересуюсь своими анализами, — сказал Л.З., сдерживая бешеное раздражение личной волей, которую он искренне считал чуть менее стальной, чем легендарно-железная воля Сталина.

— Я соглашусь популярно поболтать с вами о моей работе при одном-единственном условии, — сказал Розенблюм, не скрывая омерзения, испытываемого к собеседнику. — В ваших силах завтра же опубликовать, скажем, во всех центральных газетах очерк о моей работе. Можно без формул. Идея открытия так удивительно проста, что... одним словом, этого будет достаточно.

Л.З., рванувшись через стол, тыльной стороной ладони врезал биологу по лицу. Когда тот, странно улыбнувшись, сплюнул кровь, врезал с маху еще раз, и еще, и еще, а потом уже не мог удержаться, под аккомпанемент роитмановской фразы «Бей в глаз — делай клоуна» выскочил

из-за стола и начал колотить наглеца чем попало — руками, ногами, пресс-папье, ремнем для точки любимой опасной бритвы.

Розенблум, постанывая, упал на пол. Лицо закрыл руками. Л.З. в безумном остервенении оттого, что условие ученого делало идиотски ненужной всю эту рискованную тряхомудию с привлечением к делу Ройтмана, с арестом старого кретина и с симуляцией, сек и сек по оголившейся спине ремнем, враз набравшимся ощутимого тепла от живого тела. Жертва не сопротивлялась. Наоборот — вела себя как-то слишком податливо.

«Провоцирует, сволочь, чтобы я его прикончил и избавил от пыток. Этот номерок не пройдет», — подумал Л.З., пнул ногой в живот Розенблума и заорал:

— Встать... встать... встать, гаденыш!

Отбросив ремень, пошел вымыть руки, но не смог включить подачу воды, поскольку все системы АБОУБ действовали только по сигналу центральной диспетчерской в случае ядерного нападения НАТО на Москву.

Розенблум поднялся с пола. Встретил вернувшегося из дачного сортира Л.З. какой-то странной, блаженно-женственной, похабно-призывной улыбкой. Он томно поводил плечами и сладко, словно помадку, слизывал с губы кровь.

Л.З. подумал, что его нагло дрожат, взбесился пуще прежнего и снова набросился на свою жертву.

— Будем говорить?.. будем говорить, пад-

ла?.. иначе я за себя не отвечаю... будем?.. будем?..

— Конечно, будем, милый вы мой, — неожиданно спокойно и с нескрываемой убаженностью сказал Розенблюм.

Совершенно не допирая до патологической сущности происходящего, Л.З. удовлетворенно распорядился:

— Приведите себя в порядок. И советую: в будущем — без штучек. Поладить — и в ваших и в наших интересах.

— Мне необходим туалет.

В дачном сортире Розенблюм привел себя в порядок. Вышел оттуда слегка напудренный и бодрый. В глазах у него поблескивали огоньки ироничного ума и печальной умудренности.

— Извините, генерал, но я бы сейчас с удовольствием позавтракал, — сказал он. — Давайте уж соблюдать священные для вас догмы тюремного режима. После завтрака и поговорим...

Л.З. пришлось накрыть на дачной кухне стол, чего он терпеть не мог еще с детства.

С аппетитом лакомясь и премило вскрикивая изредка от боли в разных частях тела, Розенблюм выложил суть своих исследований.

Л.З. с привычной хамоватостью делал вид, что полностью вник в биохимический смысл открытия, что он с семнадцатого года свой человек в спектрографии, структурах различных белков, ферментов, аминокислот и так далее. Он, разумеется, давно посвящен в тончайшие тайны человеческого организма. Он и сам смут-

но догадывался, что в больном органе, обреченном на гибель, непременно должна существовать какая-то тонко унифицированная система сигнализации о близящемся летальном исходе... Он — Л.З. — всегда был против поповской мистификации так называемых душевных предчувствий индивидуума насчет неизбежности смерти от какой-либо из неизлечимых болезней, считая эти предчувствия всего-навсего отголосками тайных сигналов, данных самому себе обреченным организмом... Только занятость на партийной работе и руководство Госконтролем СССР помешали ему пристальней отнестись к поразительно единообразным молекулярным соотношениям в анализах крови, мочи, кала и мокроты: например, Алексея Толстого и Калинина, которые по долгу службы он просматривал каждое утро в своем кабинете... Это хорошо, что вы, Розенблюм, никогда не сомневались в энциклопедических способностях членов и кандидатов в члены политбюро. Нам ничего не стоит специализироваться в течение буквально десяти минут в любой из отраслей знаний, поражая самонадеянных узких спецов глубиной проникновения в проблемы, открывающиеся обычно лишь ряду посвященных умников...

— Теория мне абсолютно ясна, — сказал Л.З. — Я бы хотел взглянуть своими глазами на эти... «смертиночки». Пока я буду звонить по делам, подготовьте, пожалуйста, соответствующие материалы, а также представьте сравнительную сводку о состоянии всех членов полит-

бюро. Мы должны бросить все силы на улучшение здоровья тех товарищей, в анализах которых обнаружены ваши штучки.

— На улучшение или на ухудшение? — переспросил иронично Розенблюм.

— Перестаньте циничничать, пока снова не получили по морде. И не забудьте о том, что вас серьезно подозревают в связях с американской и израильской разведками.

Подумав, Розенблюм странно ухмыльнулся и сказал:

— Хорошо. Я согласен передать все мои результаты научному учреждению и полностью отстраниться от исследований.

Оставшись один, Л.З. чуть не плясал от радости: Розенблюм уделан в неплохом стиле... мордобойчикус — в порядке вещей. Старый мир не возьмешь ласковой щекоткой в задубевшем паху... Л.З. глотнул коньячку с необыкновенным чувством удачи и ожидания потрясающих перемен. Перемен к лучшему... может быть, это и есть выход к вершине... все остальное было опасной возней в предгорьях... горные орлы, понимаете... хватит клевать нашу печень... дайте пожить... пожить нам дайте...

Он вернулся в АБОУБ в боевом и раздражительном настроении. Остолбенело примолк, услышав в сортире грохот спускаемой Розенблюмом воды. Тут же зажурчала вода в рукомойнике...

Сердце Л.З. начало останавливаться, как всегда в минуты внезапного страха и общего недоумения. Он ошарашенно забормотал:

— Что?.. Почему?.. Вода?.. Кто включил, я вас спрашиваю, воду? — Ужасная мысль приковала Л.З. к месту. Он просто лишился в ту минуту рассудка и поверил в ядерный удар по Москве и Подмоскovie. В этом случае моментально включались все автономные системы АБОУБ.

— Неужели это... все?.. Попробуйте выйти...

— Двери герметически закрыты, — сказал Розенблюм, потыркав в какую-то кнопку и повертев массивную электрозадвижку на железобетонной аварийной двери. — Мы явно отрезаны от внешнего мира.

— Его больше не существует, Герш Евсеевич. — Л.З. принялся. Из воздушных форсунок в стенах и потолке с мертвоватым шипением начала нагнетаться дыхательная смесь. Глухой, зауспокойно-вокзальный голос диспетчера объявил:

— Экономьте воду... повторяю: экономьте воду... регулярно принимайте активированный уголь для нейтрализации газов в желудке и кишечнике... будьте готовы к легкому чувству частичного удушья... умело совмещайте процессы мочеиспускания, дефекации, мытья посуды и личной гигиены с экономией горячей и холодной воды... переходим к последним известиям...

— Неужели это действительно последние известия? — с поистине трепетной надеждой сказал Розенблюм. Однако радио щелкнуло и замолкло.

Л.З., лицо которого было серо-землистым и вспотевшим, как у всех сердечников во время

приступов, схватил руку Розенблюма. Загляды-
вая в глаза, с подобострастием сказал:

— Мы выжили... мы могли быть в этот мо-
мент в другом месте... это — судьба... мы долж-
ны приспособиться друг к другу... радиоактив-
ность будут удалять не меньше двух недель...

— С советскими темпами и бардаком затя-
нут на пару месяцев.

— Согласен... согласен... перейдем на «ты»...
Герш, я погорячился... извини... извини... в тот
исторический момент я должен был выполнять
свой долг... извини... можешь плюнуть мне в
лицо...

— Мы не имеем права не контролировать
слюноотделение.

— Кто бы мог подумать... кто бы мог поду-
мать, — бормотал Л.З., утробно радуясь тем не
менее удачному спасению и остро сожалея
только об одном... Верочек жаль... валялись бы
в кроватке до конца ликвидации последствий на
поверхности страны... эту пакость Розенблюма
ликвидировал бы своими руками в целях эконо-
мии воды и кислорода... вместе с формулами и
рассуждениями... сволочь...

Очередные мечтания Л.З. прервало вновь
затрещавшее радио:

— ...отность... измельчайте мусорные отхо-
ды перед закладом в сечку переработки...
ойно... айте... ечности... ред... ейшему... кто...
овит... ательного... хода... ории... ому... мому...
алину...

Розенблюм ходил из угла в угол, что-то об-
думывая, шевеля губами и не обращая ни ма-

лейшего внимания на жалкого Л.З. и мерзко трещавшее радио. И вдруг сквозь мертвенные трескливые разрывы в нем ожили нормальные человеческие голоса. Сначала визгливый дискант, затем флегматичный бас:

— ...айте... итесь... хули ты там, ебанный в гвоздь, контачишь не на том щитке, разъебай-мамай губастый... ты игрек зеленый дрочишь без толку, а надо голубой икс сунуть в альфу и в бету одновременно, мудака, блядь, и конец зачистить... выжрал небось с утра, падла?.. не туда, я говорю... они там дуба врезать могут... воздуха нету в датчиках... меня слышишь?.. не дрочи игрек... возьми омметр... ебал я твой омметр... дело не в игреке... вся система — говно... не базлай... никто не врежет... а врежут — хуй с ними... сами виноваты... при ударе от этой системы вообще ни хуя не останется... достаточно оглушительно бзднуть, как горят предохранители... быстрее, сука, не то полный пиздец... это — не наша вина... лучше беги за бутылкой... обед надвигается, паникер хуев...

Л.З. перетрухнул еще больше, сообразив, что никакого ядерного удара по Москве и дачному поселку ЦК партии не было, но что произошел очередной бардак с инженерным обслуживанием аварийных систем АБОУБ.

Однажды всех избранных для спасения от первого удара США уже заставили изрядно поволноваться. Членов политбюро и некоторых видных руководителей армии и промышленности по распоряжению Сталина заперли в АБОУБ с тщательно отобранными близкими. Цель —

проверка готовности санузлов к аварийному функционированию.

Два выходных дня кандидаты в везунчики жрали и пили, пили и жрали, ворчливо обсуждая явно не сбалансированный отбор родственников для совместного спасения.

Затем с канализацией что-то произошло. Нечистоты поперли наружу. Спасенные руководители и их близкие целые сутки отсиживались, словно курицы, на кроватях и письменных столах в жуткой вонище, при отсутствии телефонной связи с внешним миром, а подчас и надежды на действительное спасение из мрачного чрева АБОУБ.

Во время говенно-мочевого потопа сошла с ума жена Шверника. Она с криком «Бедная Лиза!» бросилась с комода в ужасную жижу.

Всем пришлось тогда изрядно поволноваться, проклиная несовершенство подсобных служб и вопиющую нерадивость техперсонала...

...Неожиданная духота становилась нестерпимой. Однако вмешаться в дела подонков-электриков Л.З. был не в силах. Телефон не работал. Так прошло два часа...

Сначала Л.З. уныло что-то вякал. Потом затих. Розенблум с отвращением пощупал его пульс.

— Ты должен, подлец, до конца выполнять свой врачебный долг, — злобно прошептал Л.З. — Мехлису очень плохо... попробуй включить «Ветерок».

Может быть, он и подох бы через пару ми-

нут, но жаркая духотища вдруг резко спала. Отовсюду дохнуло сухим холодом. Все предметы вокруг, стены, пол и потолок покрылись инеем. Адская жажда прохлады сменилась адскою жаждою дыхания тепла.

— За это... мало расстрелять... все прогнило, — шипел изредка Л.З. — Так извратить Маркса и Ленина...

Розенблум бегал по АБОУБ. Пытался разобраться в какой-то аварийной схеме. Затем бросился, уверенный в том, что жить ему осталось минут пятнадцать — двадцать, к столу и, дуя то и дело на занемевшие руки, начал что-то быстро записывать.

Записывал, озаренный наконец-то заветной завершающей идеей. И, поставив точку, успел полюбоваться созданным, готов уже был возблагодарить небеса за достойное, в общем, окончание жизни.

Однако из зарешеченных динамиков снова донеслась сварливая хулиганская перебранка:

— Ты охуел... мы ведь живыми отсюда не уйдем... гнида... выше нуля от ниже нуля, залив глаз, отличить не можешь... слышишь меня?.. я тебя послал на хуй?.. Послал... вот — ты идешь... идешь... и идешь... всю систему менять надо... надежности в блоках с хуеву душу... не лезь под руку... послал? Значит, иди... иди... иди... и иди.

Розенблум отогревался и вновь хохотал, с удовольствием внимая перебранке электриков.

А Л.З. пребывал, как каждый человек, избежавший смертельной опасности, в умиротворе-

нии и благодушии, которые и должны быть в принципе идеальным нашим жизненным состоянием в быту, в нелегких порою общениях друг с другом и в недоуменных отношениях к устрашающим несуразностям мрачных тайн существования.

Ему даже захотелось схватить за руку снующего мимо Розенблюма, прижаться к ней щекой, всхлипывая, попросить прощения за побои, грубость и сановное высокомерие... Может быть, попытаться выразить чувство, сжавшее вдруг сердце, — чувство того, что близость общей смерти... снимает, понимаете, классовое напряжение гораздо эффективнее, так сказать, чем противоречивое постоянство общей жизни... эх, Герш, хули говорить — лучше чаю заварить, как, согласно донесениям нашей дворцовой разведки, выражается король Англии...

Но Л.З. тут же проникся отвращением к слабости так называемых меньшевистских чувствишек.

Он, отогревшись, заорал:

— Прекратить тут расхаживать... сесть, понимаете, ближе к протоколу... инцидент не снял с повестки дня вашего допроса.

— Думаю, что сначала целесообразней победать, — сказал Розенблюм, дуя на замерзшие пальцы. — Горячая вилка отогреет мои руки быстрее, чем канцелярская ручка.

Л.З. подбежал к наглецу, схватил его за грудки, окончательно погрузившись в атмосферу «противоречивого постоянства общей жизни»,

бешено затряс, срывая зло за недавние страхи и унижительную сентиментальность:

— Вы у меня запомните на всю жизнь эту вилку... хотите, чтобы я передал вас в органы?.. говно... вы мне, понимаете, не оказали первой помощи...

— Сами вы говно... я вас посылаю на хуй... идите, идите и идите... скоро и вам придет пиздец... кладу на вас длинное муде с парикмахерским прибором... я, как говорится, ебу и вас, и ваше АБОУБ... погодка шепчет: бери расчет... разьебай-мамай губастый, — с наслаждением процитировал Розенблюм выраженьица электриков.

— Ах так?.. Без вилки ты не заговоришь?

— Прошу — на «вы»... без вилки никакой беседы за столом быть не может...

Л.З. вспомнил враз самые зловещие наставления Ройтмана по части ведения активного следствия, оттолкнул подследственного и побежал на кухню. Возвратился с серебряной вилкой нелепо огромного размера.

— Или ты подожмешь хвост, или два удара — восемь дыр... два удара — восемь дыр... сволочь... нам нужны формулы, и можешь убираться к ебени матери...

Л.З., вновь потеряв контроль над собою, тыкнул вилкой в голую по локоть руку Розенблюма. Тот ее не отдернул почему-то, но странно обмяк, вздрогнул несколько раз и слизнул кровь, высочившуюся из четырех маленьких дырочек. Слизнул и со сверхиздевательской, как показалось Л.З., истомой сказал:

— Только... четыре...

Л.З. снова тыкнул вилкой в тело человека. Попал в предплечье. Розенблюм медленно закатил рукав.

— Вот... еще четыре... очень милая арифметика... два удара — восемь дыр... просто прелесть...

Л.З., как начинающему садисту, стало дурно от крови, перемазавшей руки и губы Розенблюма, но остановиться он уже был не в силах. Отбросив вилку, взялся за ремень и начал сечь... сечь... сечь, стервенея от непонятной податливости Розенблюма, от свиста ремня, распаляясь от крикливого торжества убогой, тщеславной, самоутверждающейся душонки...

Опомнился он, увидев вдруг перед собой голого истязуемого, с которого сползли как бы сами собой невзрачные брючки. Обессиленно свалился в кресло. Приказал, слегка отдышавшись:

— Быстро одеться... иначе я окончательно выйду из себя...

— Еще... пять ударов... вы будете знать все... все... или я не скажу ни слова... пять ударов, — захрипел срывающимся голосом Розенблюм.

Л.З. совершенно растерялся, но смутная догадка все-таки помогла ему, не раздумывая, выполнить страстную просьбу. Он, не без некоторого уже профессионализма, оттянул изо всех сил ремнем... рраз... два-с... три-с... че-тырре-с... пять... вот вам так и быть — добавка... рраз... два... три...

Розенблюм, не вставая с пола, натянул на

себя брючонки. Потом, словно дитя, закрыв ладонями лицо, затрясся в разрывающих душу, откровенно разрешительных рыданиях. А Л.З. почему-то разобрал вдруг истерический хохот. Схватившись за живот, он побежал вверх привести себя в порядок.

Когда возвратился, Розенблум уже задумчиво сидел на диване. Не дожидаясь вопросов, сказал:

— Все основные записи и ключевые формулы на этих вот бумажонках. В них может разобратся любая не дебильная лаборантка. Я был бы счастлив и благодарен, если бы вы оставили меня теперь в покое.

Л.З. взглянул на листки бумаги, исписанные отвратительным почерком. Понять что-либо было невозможно.

— Так вот, Герш Евсеевич, поговорить нам все равно придется. Сделаем это лучше за обедом. Идет? О науке — ни слова. Только о вашей судьбе и некоторых любопытных моментиках...

— Хорошо. Я не борец с физиологией. Она ни в чем не виновата. Хочу есть.

В столовой Л.З., наслаждаясь своей изворотливостью, убедил Розенблума в следующем: Ройтман ничего не должен знать о переданных записях и вообще о сущности дела, поскольку он человек из органов... В лапы органов лучше всего не попадать. Уже не выберешься. Да и пытаться там будут без доставления удовольствий. Светом. Жаждой. Голодом. Бессонницей. Поместят в женскую камеру... Помните, что открыться Ройтману — значит подписать смерт-

ный приговор себе и другу, которого как пить дать пустят с вами по одному делу. По делу о попытке передачи государственных биологических тайн американской и израильской разведкам... Займемся, чтобы не терять времени, сравнительными характеристиками результатов лабораторных анализов членов политбюро. В первую очередь... вы понимаете, о ком идет речь...

— К сожалению, все в порядке.

— Вы идете на поводу у бесконечного цинизма, — как бы обидевшись из-за поругания самого святого, сказал Л.З., но тоже испытал глубочайшее сожаление...

— Я считаю, что наш разговор окончен. В остальном превосходно разберутся ваши доверенные лаборантки. Положите-ка мне еще одну отбивную котлеточку, — сказал Розенблюм.

— Мне надоела ваша вызывающая бравада, — сказал Л.З. — Между прочим, одного моего звонка достаточно...

— Звоните... звоните... берите трубку, — взорвался Розенблюм. Он трясся и стучал кулаком по столу так, что на тарелке запрыгали маслины — дар сражающихся партизан Греции, а столовое серебро отозвалось озорным, škодливым звоном на любезное душе старинных вещей звучание застольного скандала.

— Ша, Розенблюм, ша, Герш Евсеевич, я хотел сказать, что одного моего звонка достаточно для того, чтобы положить вас в лучшую, в закрытую клинику нервных болезней. Там мы успокаиваем исключительно номенклатуру. Друг

будет приносить передачи. Вы — я это заявляю официально — нужны нашей науке, несмотря на идеологическую несовместимость ваших теоретик со священными установками партии...

— Боже мой... Боже мой, — сокрушенно пробормотал несчастный, уронив голову на руки, — зачем Ты опошляешь Зло мира?.. зачем столь беспощадно Твое глумление над этими красными ублюдками?.. пожалей их, ибо и я больше не в силах жить рядом с ними... не в силах... ослепи... оглуши... — Он затрясся вдруг в безнадежной тоске и чувстве полной отверженности от какого-либо разъяснительного смысла невыносимо уродливой советской истории... плакал, бессильный ощутительно понять, что это такое — бесчеловечная тухлятина советской власти? Немыслимое возмездие и виноватым, и невинным? Необходимо тяжкая часть вселенского эксперимента? Или же окончательная его неудачная завершенность с торжеством бездарной, бесплодной мути осадка на дне загаженного остывшего сосуда Мира?.. Что это, боже мой?..

Л.З. точно так же не мог ни понять, ни почувствовать мук плачущего человека, как, скажем, собака при всем своем желании не способна увязать адски плохого состояния хозяина с причинами, вызвавшими это адское состояние.

Собака лишь скулит от разрывающего ее душу слепого сочувствия и тоски отверженности, глубоко родственной тоске человеческой отверженности от высшего понимания смысла происходящего... Думается, что сочувственные

поскуливания существенно поддерживают душу человека, ибо чуткий человек не может и в глухоте ужасного одиночества, и посреди враждебных вихрей не различить в собачьем плаче мук бессилия чем-либо ему помочь. Но мука эта, выраженная верным псом в скулежном плаче, уже есть поддержка и помощь, одолевшие умопомрачительные бездны непонимания сложных связей.

Плачущий Розенблум, при всей своей любви к Творению, с бесконечной восхитительной сложностью которого его сближали даже в говне и мокроте микроскоп, прочие хитрые приборы и пытки ума, был в те минуты искренней собакой по отношению к Творцу. И Творец, несомненно пребывающий в ежеминутной удрученности из-за неведомых Ему, а нам тем более причин уродливого и мучительного состояния человеческого ума, весьма рискованно наделенного Самим же Творцом смертельно опасным даром свободы воли, не может не ощутить вдруг Творец прилива общих сил, услышав плач страдающей твари. И не может не различить в нем чистого, могущественного звука истинного самозабвения, который и возносит тварь, неведомо для нее самой, от страданий отверженности к благодатному чувству разделенности и замечательного равноположения с Силами Высшего порядка.

Хоть Л.З. и все те, которых плачущее существо называло «красными ублюдками», находились от него неизмеримо дальше, чем он от Высших Сил, чистый вопль самозабвения,

опять же помимо воли вопящего, должен был, возможно, вымолить немного внимания и сострадания к абсолютным, казалось бы, уродам Бытия и жутким гадам существующей истории.

Будь на месте Л.З. какой-нибудь иной, не окончательно пропащий, человек, он несомненно уверовал бы в некоторый если не благой, то разъяснительный смысл человеческого страдания и пронизывающего все беспредельные дали мироустройства звучания самозабвенного плача...

А Л.З. вдруг загоготал. Этот позор органической жизни и чудесного явления обитаемости земли вполне благодушно гоготал, потому что бесконечно изничтоженное и униженное положение — так он его понимал — другого, плачущего, существа лишь подчеркивало партийно-элитную правоту его зверской утвержденности во всемирном бардаке.

Розенблум моментально успокоился, вновь с удивлением уставившись на Л.З., как на какого-то склизкого монстра из иной, провинциальной космической системы.

Тут уж он сам неожиданно весело взвизгнул, подумав, что было бы крайне глупо и абсолютно комично взывать к чувству совести глистообразных или шакалоподобных, исходя из чисто человеческих представлений о неких прекрасных ценностях и тончайшей духовной тоски по образу подлинного достоинства...

Л.З. искренне обрадовался внезапной перемене настроения в «идиотике».

— Га-га, Герш Евсеич, вот мы, батенька, и

зашевелили ручками-ножками... вот мы и сделали глубокий вздох... глубже... глубже... вам не казалось странным, что утреннюю физзарядку по радио делают одновременно и настоящие советские люди, и враги народа?.. Га-га-га-гы-ы...

— Это действительно странно, — задумчиво сказал Розенблум, в душу которого начал проникать тихий, смутный восторг — явная примета неуничтожимости в существе человека божественного чувства единства жизни на земле.

И какой бы чудовищно разделенной на всех биологических и общественных уровнях ни казалась жизнь на земле очам и уму, содрогающимся от непереносимого порою ужаса и предельного отчаяния, как бы опустошительно ни разоряли саму человеческую душу отовсюду проникающие в нее враждебные вихри, милая душа лишь на пределе всех сил, бедная душа лишь на сиротском пороге полного изнеможения, плачущая душа лишь в скрежещущих тисках боли и последнего испытания удивительно обретает вдруг спасительный дар выстраданной терпимости к условиям существования, где не ею указано близко соседствующее местопребывание совершенно разнородных существ и явлений — проказы... живописи... мандавошек... изящной словесности... предательской подлятины... любви... убийц... трав... музыки... совратителей детства... лжи... птиц небесных... древесной тени... воды... хлеба... наконец, ужасных годов советской власти...

Вдруг Л.З. услышал долгожданные три коротких звонка. Так мог звонить только Ройтман.

После четвертого звонка он взял трубку:

— Мехлис у телефона.

— Я еду.

Сказав это замогильным голосом, Ройтман положил трубку. Л.З. не успел ни выругаться для разрежения спертого беспокойства, ни спросить о том, где этот выродок ошивается. Настроение снова испоганилось.

— У нас остается мало времени. Поэтому ответьте на частный вопрос: откуда у вас, понимаете... это самое... так сказать... желание... конкретно говоря, получить пиздюлей? Вы ненормальный? — спросил Л.З.

— По сути дела, вы задали мне острый политический вопрос. Не вдаваясь в тонкости психопатологии и в подвалы сознания, темные, кстати, для меня самого, отвечу с полной откровенностью: в эпоху омерзительно-пошлого и удручающе-бездарного насилия, пропитанную липким потом страха, я сам рвусь навстречу боли. Это — нравственной и достойней, при всем уродстве этой склонности, чем доставлять боль другим людям, — ответил Розенблюм.

— У нас — большевиков-ленинцо-сталинцев — все обстоит как раз наоборот. Мы не должны размягчаться. Мы должны бить, бить и бить по головкам до окончательного введения надстроек в базис коммунизма. С этим ясно?

— Приблизительно.

— Вы, разумеется, пассивный педераст, а ваш дружок активен благодаря кавказской хитророжопости?

Розенблюм неожиданно снял брючки, заголил жопу и повернулся задом к Л.З.

— Вы не враг, а квартирный хулиган, — сказал возмущенный до глубины души Л.З. — Именно поэтому вы и вам подобные ископаемые еще не уничтожены... — Затем он препроводил недобитыша в АБОУБ.

Верочки вернулись с работы на такси. Сообщили Л.З., что все в порядке с оформлением ему больничного по подозрению в микроинсульте.

Наконец к электросторожу у ворот подъехал черный «мерседес». Л.З. смотрел в окно, как Ройтман, сгорбившись и прихрамывая, ковыляет к даче по кирпичной дорожке. Шляпу он нахлобучил по самые уши. Войдя, сказал, вернее, прошепелявил:

— Полюбуйся...

Физиономия Ройтмана была неузнаваема — сплошной синяк, уже мягко подрасцвеченный бордовыми, фиолетовыми и лиловыми разводами. Из щелок заплывших глазок сочились мутные слезки. Рукава пиджака присохло блестели, как блестят они у неаккуратных мальчиков, ежеминутно утирающих хроническую соплю в тяжких борениях с мерзостью школьной жизни... Вид Ройтмана, одним словом, был чрезвычайно жалок, а оттого и не лишен, к удивлению Л.З. и Верочек, некоторой человечности.

Верочки по-фронтальному подхватили его под руки и поволокли в ванную.

Ройтман лежал в ванне по уши в трофейной мыльной пене. Трофейный же хвойный экстракт ублажил его и расслабил.

— Что с «идиотиком»? — первым делом спросил он у Л.З., пока Верочки обмывали его плечи и спину, на которых места живого не было от кровоподтеков и вспухших багровых рубцов.

— Все идет как по маслу. Докладывай... можно при них... у нас нет секретов...

Ройтман поставил свою машину неподалеку от дома, где проживал, согласно данным, гражданин Цхалтубия Анклав Отарович.

Выйдя из дому, Цхалтубия даже не думал как-либо маскировать своего отвратительного отношения к нашей действительности.

Ройтман держался в хвосте и удивлялся, что на улице в рабочее время так много трудоспособных граждан...

Цхалтубия то и дело заходил в будки телефонов-автоматов. Ройтман успел запомнить ряд номеров. Судя по начальным цифрам, «враг» обзванивал дружков из Совмина СССР и ряда министерств... Повторял несколько раз фамилию «идиотика»...

Цхалтубия, естественно, не мог не заметить снующего за ним чернявенького, невзрачного типчика с желтоватым рептильным личиком. Он неожиданно нагнал его и спросил с неуместной, как показалось тогда Ройтману, интимностью:

— Мы к вам или ко мне?

Ройтман коротко ответил, что — к нему.

— Пешком или возьмем фаэтон? — осведомился наглец со странной фамильярностью.

— Следуйте на расстоянии, — оборвал его с надлежащей резкостью Ройтман.

До его явочной спецквартиры было рукой подать.

Как только вошли в квартиру, Ройтман размяк от нараставшего томления, близкородственного половому. Жеманно помог раздеться приманенному субчику. Потрепал его игриво и мужественно по щеке. Чувственно оглядел с ног до головы, просто застонав от предвкушения допроса, но все же сдерживая захлестнувшую сердце волну ненависти.

Поспешил сразу же отдернуть персидскую шторку с изящно висевших на стене предметов бесценной коллекции — ремней, тисненых серебром, витых замысловато плетей, инкрустированных бронзой и камнями ошейников, стальных браслетов, усеянных самшитовыми шипами, суставодробилочек из слоновой кости, остроумных позвонковытягивателей древнеяпонской выделки, миниатюрных турецких ятаганчиков, трогательных в своей грубоватой простоте малютовских зубодралок, испанских щипцов-прижигалок, удивлявших аскетичной строгостью всех линий, и, наконец, последних новинок мозгового треста «Фарбениндустри», так и не запущенных в массовое производство из-за обстоятельств, почему-то не предвиденных германской пытливой мыслью.

Глаза у Цхалтубии забежали по этому жутковатому арсеналу с неумемной жадностью, принятой Ройтманом за истерическую растерянность. Он весь дрожал, замороженно отступая от неожиданной экспозиции, и, приложив руку к груди, неслышно то и дело повторял: «Нет... нет...

нет». Он напоминал в эту минуту крайне экзальтированную фигуру кокетливо-недоверчивого отношения к явленному чуду. Ройтман, усмехнувшись, вспомнил давнишнюю сценку за соседскою дверью... Точно так же — «нет... нет... нет...» — с томной категоричностью и театрально простирая руки, выдыхала старая дева и большевичка Товмасян, когда на нее наступал с метлой в руках и в голом виде подвыпивший дворник Раззуваев...

— Ну что? Будем молчать или займемся делом? — завлекательно промурлыкал Ройтман.

Он тут же задохнулся от сдавившего шею холодного ошейника. Задохнулся так, что не почувствовал первого удара по спине массивной плетью с серебрено забренчавшими на кончиках кожаных косичек бубенчиками.

Затем дыхание отступило. Он упал еще от одного удара на пол и тогда увидел над собой вдохновенно и зверски возбужденное лицо Цхалтубии. Дышал он так, как обычно дышат мужчины, чересчур взволнованные при долгожданном взгромождении на чересчур неподатливых особ женского пола, — прерывисто повизгивая прокуренными бронхами...

Но он не пытался сразу же раздеть Ройтмана, а как бы примеривался, с чего начать? Правда, уселся верхом, лишив возможности высвободительно рыпнуться, и начал щипать... щипать щеки, шею, живот...

От ужаса Ройтман не мог даже пикнуть, а когда опытному — это по всему было видно — садисту показалось, что партнер вот-вот возо-

пит от ужаса и боли, он сдавливал ему глотку ошейником, сладострастно хрипя и капая слюною прямо в посиневший его рот.

После щипков, которые, как понял Ройтман, были всего-навсего предварительными садистскими играми, кавказский монстр привстал с него и отдышался. Это был удобный момент для трепетного вопроса.

— Товарищ Цхалтубия... вы убьете меня? — спросил Ройтман.

— Зачѐм? — доброжелательно сказал садист. — Ми будѐм палучат наслаждѐни. Ти мѐна лубишь?

— Нет... Я люблю партию, — разрыдавшись, признался Ройтман. Рыдал он, как дитя, что еще больше возбудило сильную сторону.

— Нѐ бѐда. Палубишь и мѐна, — обнадежил его Цхалтубия и принялся за планомерное, искусное истязание того, кого по ошибке принял за тайного мазохиста из органов. Там у него уже было несколько именитых любителей этой редкостной страстишки.

Начался совершенный кошмар. Орать и выть было бесполезно: стены конспиративной хатки обиты двойным слоем авиастекловаты, украденной алкашами-ремонтниками при переустройстве дачи Сталина. Можно было, конечно, пробить головой двойную раму огромного венецианского окна и вылететь с третьего этажа на улицу, но Ройтман, по его словам, не был внутренне подготовлен к такому варианту спасения. Он вообще ни к чему не был подготовлен, а потому лишь корчился от невыносимых

мучений и гипнотического ужаса. Цхалтубия же распалялся все отвратительней и бесстыдней.

Стало ясно, что он задался целью перепробовать весь набор садистских инструментов, начиная с колящих трезубцев древнеязыческих кровавожертвенных времен и кончая золлингеновскими изящными ногтевыдиралками нашего времени. Вспотев, разоблачился догола и превратился в неистового волосатого зверя. Он то сек Ройтмана различными плетьюми и ремнями, то, давая передохнуть, покалывал, придавливал, выламывал, зажимал и с оттяжкой вывихивал. При этом регулярно осведомлялся:

— Тэбэ харашо?

— Хватит... хватит... — умоляюще визжал, хрипел, выл и шепелявил Ройтман.

— Это тэбэ хватит, а мнэ нэ хватит, — отвечал Цхалтубия. При этом он слегка надрезал ятаганчиком мякоть пухлого ройтмановского плечика и впился в надрез ужасно почему-то холодными губами.

Ройтман снова заплакал в каком-то пронзительнейшем экстазе самопроклятия. Цхалтубия же дотрагивался мизинцем до его век и щек, посасывал кончик пальца и приговаривал с застольным грузинским смаком:

— Слозы... слозы... слозы...

Ничего такого полового в чистом виде он пока себе не позволял, но Ройтман вдруг разрыдался еще пуще, поскольку понял, что астигматически необратимо окосел. И произошло это потому, что взгляд его все время безотрывно

был прикован к головке огромного бандитского члена, совершавшей, подобно мерзкой голове удава, гипнотические движения прямо перед самым носом своей жертвы. Причем во всю длину этого члена бесстрашно красовалась каллиграфически вытатуированная фраза: ШАК ВПИ-РОТ ДВА ШАКА НАСАД.

Ройтман поклялся про себя, что придало ему сил, взять эту сволочь, если удастся выжить, взять ее и пытаться... пытаться... пытаться... потом собственноручно отпилить ржавым лобзиком громадный хер до основания... а затем заспиртовать его в подходящей посуде и отправить в закрытый музей комитета, где готовилась экспозиция «ГЛУМЛЕНИЕ ВРАГА НАД НАШИМИ СВЯТЫНЯМИ».

На страстные вопросы Цхалтубии «тэбэ харашо?.. харашо?.. харашо?..» он начал, приставляя как бы от невыносимой неги, отвечать: «О-о... о-о-о... чу-удно... хорошо... очень хорошо... еще... о-о, еще...»

Томительные стенания привели Цхалтубию в бурный экстаз. Он принялся остервенело колоть, надрезать, исполосовывать ремнями тело Ройтмана, но тот, идя ва-банк, продолжал стенать и «телодвиженчески уверять садиста», что испытывает ни с чем не сравнимое наслаждение. Наконец, Цхалтубия устало слез с совершенно измороженного «мазохиста» и сказал:

— Калэкция тэбэ ны нужна. Бэром сэбэ. Палучиш балшие дэнги. Нэ вздумай мэнжэват. Гдэ мой друг и профессор? Не вздумай мэнжэват.

— Абсолютно не в курсе дела, — ответил

Ройтман, вложив в ответ всю жажду вызволения и предельно искреннюю мольбу о доверии. — Но я непременно выясню, у нас ли он. Возможно, несчастный случай?

— Нэт. Он у вас. Все узнай. Я тэбэ буду рэгулярна дэлат наслаждэни.

Ройтман, поняв, что спасен, моментально взял себя в руки. Пообещал использовать все свое влияние и дать для начала исчерпывающую информацию о положении друга Цхалтубии. Записал для пущего понта фамилию, имя, год рождения и место работы. Высказал предположение, что Розенблюм, если он еврей, а не немец, вполне мог быть замешан в сионистской деятельности и попал под обезвреживание поднявшей голову националистической гидры... Делал все это на исходе последних сил, поддерживаемый лишь мечтою вырваться поскорей из божьего ада. Договорились завтра созвониться...

Приняв душ, Цхалтубия спросил, знает ли кацо, как ликвидировать синяки и останавливать возможные мелкие кровотечения? Ройтман дал понять, что все это ему прекрасно известно. Затем Цхалтубия стал очень застенчив, как это случается с натурами впечатлительными и тонкими после выхода из умопомрачительных стихий различных извращений. Он вяло извинился:

— Прости, кацо, если что не так...

Закрыв за ним дверь, Ройтман поклялся отомстить всем — и Мехлису, и Розенблюму, и садисту Цхалтубии.

В ответ на разные деловые замечания Л.З. Ройтман раздражительно крикнул, что тот попробовал бы очутиться на его месте, а тогда уже, понимаете, «брать с ходу»... «давать в зубы чем попало»... «звонить куда следует»... «стрелять без предупреждения» и так далее...

После ужина, в кабинете, сообщники некоторое время сидели молча и, делая вид, что согласен обмозговывают общее дело, лихорадочно думали каждый о своем.

Ройтман прикидывал, когда ему выгоднее всего угробить Л.З., предварительно, разумеется, отыгравшись за все его выебывания и подоночное чванство с работягой-чекистом, а заодно и пустив по делу о покушении на анализы крови членов политбюро... Ройтман свое возьмет...

Л.З. шел в своем воображении гораздо дальше. Он прикидывал оптимальные варианты ликвидации этого патологического поросенка... Верочки дали в постели стопроцентную гарантию того, что Розенблюм сделал открытие века. Странно, что никто не заметил раньше «смертин» в структурном биохимическом анализе крови, кала, мочи и даже мокроты... Любой осел, сказали Верочки, может теперь обойтись без всяких Розенблюмов. Реплика эта натолкнула Л.З. на очень интересную мысль... на очень интересную мысль...

Она казалась просто всеразрешительной. И, ободренный ею, он чудесно налгал Ройтману о чудовищном запирательстве «идиотика». О том, как он применил к нему ряд приемов активного следствия, но теперь, после рассказа о

злключениях Ройтмана, пережитых с нечеловеческим мужеством и благородством, становится совершенно ясной патологическая природа «идиотиковских» запирательств. Он лишь получал непотребное наслаждение от побоев и оскорблений. Вытянуть из него ничего не удалось, но доведен он до крайней растерянности. Безусловно, чувствуя себя загнанным, сделает немало глупостей.

— Ты посмотришь, как я вытягиваю душу у подследственных. Как я заставляю их память работать в нужном для нас направлении, — сказал Ройтман. — И на что они идут ради избавления от очередного допроса. Ты все это увидишь собственными глазами. — Помимо воли Ройтмана, в последней фразе прозвучал злоеущий намек. Но Л.З., внутренне содрогнувшись, не подал виду.

— Гениально, — сказал он с наигранным восхищением.

Отвлечение от дел и веселая беседа, в которой приняли участие и Верочки, существенно сблизили двух злодеев в обоюдном, тайном желании поскорей уюкошить друг друга...

Утром Л.З. сказал, что, все хорошенько обдумав, он пришел к выводу о нежелательности дальнейшей возни с Розенблюмом. Не стоит тратить время и нервы. Побои ни к чему не приведут. Его необходимо убрать. Причем как можно скорее...

Ройтман согласился с мудрой поправкой Л.З., попросив дать Розенблюму на завтрак чего-нибудь очень солененького, например

красной зачерстневшей икорки и несвежего сыра рокфор. Никакого чая при этом не давать. Вскоре «идиотик» начнет ныть и требовать воды. Вот тогда-то он и выпьет зельцерской с новым замечательным советским ядом, за синтезирование которого видные химики во главе с Несмеяновым получили закрытую Сталинскую премию первой степени. Выпив этого яда, человек мягко отупляется неотразимой дремотой, но умирает, только уснув, от паралича сердца.

Розенблюму было объявлено, что после завтрака он подпишет протокол о снятии с него всех подозрений. Затем он будет препровожден на машине домой.

Розенблюм настолько повеселел, что умял завтрак в прекрасном расположении духа. После бутербродов с красной икрой и сыром рокфор вальяжно попросил чашку крепкого кофе. Л.З. грубо ответил, что здесь не зал ожидания. Дома будет и кофе, и какао...

Протокол, подписанный Розенблюмом, Ройтман тут же сжег по настоянию Л.З...

— Почему задерживается мое освобождение?.. Я не согласен со статусом арестованного... Я умираю от жажды... Безобразие... Просто тридцать седьмой год, — начал выходить из себя Розенблюм минут через двадцать.

Л.З. оцепенело наблюдал за действиями Ройтмана. На кухне он налил в хрустальный бокал газированной воды из сифона. В воду накапал бесцветного новейшего советского яда.

— Извините, пожалуйста, Герш Евсеевич. Запомятавали. Дела. Не учли, что водоснабжение отключено до худших времен...

Ройтман, войдя в АБОУБ, держал в руках бокал с игриво и свежо пузырящейся газировкой.

— Это мне? — обрадовался несчастный. Он залпом, на глазах у Л.З., выпил яд. Даже застоял слегка от удовольствия и чудесного холодка, ломившего зубы. По-светски отрыгнул в стороночку избыток углекислого газа. — Бла-агодарю... Я готов.

— Можете погулять перед домом, — сказал Ройтман. — Вы будете доставлены на свою квартиру. Прошу подписать бумажонку о неразглашении. Психология советского допроса априорно постулирует готовность допрашиваемого добровольно...

— Больше — ни слова... Я все подпишу, — сказал Розенблум.

Почему-то почувствовав себя хозяином положения, а оттого и заспешив с соответствующими жестами, Ройтман сам копал себе могилу. Он ни на йоту не сомневался в том, что Л.З. — слюнявый фраер, которого даже скучновато мутотошить на допросах, потому что он будет ползать через недельку по полу и булькать, как рак в кипятке, вымаливая жизнь за чистосердечные признания... уж я тебе, блядище, напомню твои «конкретно» и групповую еблю... носок мой вонючий будешь жевать вместо птюхи черного... специально ног мыть не буду...

— Ты, я вижу, слабачок, Захарыч... в кабинете засиделся... отвык от работенки с людьми, — ведя по шоссе своего трофейного красавца, подтравливал Ройтман. Внутренне он уже пере-

шел от законченного дела Розенблюма непосредственно к делу Мехлиса о вредительстве в лаборатории Кремлевки по заданию разведывательных служб США и Израиля...

— Молчу, Залманыч... молчу... куда нам против вас, как сказал портвейну квас... Ты действуешь с необычайной, гениальной выучкой, — льстиво отбrehивался Л.З. А сам боялся лишний раз шевельнуться, чтобы в кармане не выстрелил трофейный дамский пистолет, загодя спущенный с предохранителя.

Когда сладко позевающего Розенблюма подвезли к дому, Ройтман извинился за необходимое задержание... бывает, Герш Евсеевич... в коммунизме ничего подобного, уверяю вас, уже не предвидится...

— Когда наконец кончится вся эта чертовщина? — не выдержав, воскликнул Розенблюм. Он покачивался от сонливости.

— Очень скоро, Герш Евсеевич, — незаметно щекотнув Л.З., сказал Ройтман, которого так и разрывало от чувства игры и успеха.

— Собственно, не понимаю, на кой черт я с тобой? — спросил Л.З., когда отъехали от дома Розенблюма. — Я ведь, так сказать, разбит микроинсультиком... Мне трудно, понимаете, быть неузнанным народом и твоими тихушниками...

— Одному работать скучновато. Заедем на хатку. Потом я тебя подброшу на дачу. Самое интересное и сложное, между прочим, у нас впереди. Укокошить «идиотика» — дело нехитрое. Тут и дурак управился бы. Надо обдумать,

как брать Цхалтубию и организовывать само дело...

Зайдя в конспиративную квартиру, Л.З. деловому сказал:

— Давай-ка садись и прикинем план действий

— Ты абсолютно прав, Захарыч. Только ты что-то не подсказываешь, кого именно мы пустим по делу о вредительстве в анализах, хотя количество подследственных у нас не лимитировано.

— Считаю, что бригада обвиняемых должна быть интернациональной по своему составу, — сказал Л.З. — Сам это ужасно любит. Главное — он ждет хорошего дела. Он тоскует по нему. Если не мы, то нас в любую минуту обскачат.

— Не обскачат, — зловеще ухмыльнулся Ройтман, наливая в тонкую рюмочку «Наполеона». Л.З. выпил коньячку, занюхав лимончиком:

— Это за тебя, Залманыч.

— Я днем не пью, — сказал Ройтман, сел к столу и положил перед собой чистый лист бумаги. — Ну-с давай прикинем. У тебя ведь есть, сознавайся уж, про запас имечко. Без известной фигуры нам не обойтись. Без достойной фигуры — мы в заднице Поля Робсона... Пошевели, Захарыч, мозгами... — Говоря все это, Ройтман с совершенной ясностью знал, что он будет делать через несколько минут. Выдумывать ничего не придется. Все имеется в готовом виде. И все это выложит сам товарищ Мехлис на первом же допросе в присутствии Берии и Абаку-

мова... Проститутки Верки продадут его со всеми потрохами...

В этот момент Ройтман ощутил на своем виске теплый кружочек оружейного металла, спутать который ни с чем другим было невозможно. Л.З., воспользовавшись мечтательным состоянием сообщника и прекрасно понимая, что вчера было рано — завтра будет поздно, зашел сзади и приставил дуло изящного пистолетика к мгновенно побелевшему черепу... Мразь... мразь... только бы не сблевать до выстрела...

— Я неплохо читаю мысли на расстоянии, Ройтман, — твердо сказал Л.З. — Слушай меня внимательно. Мехлиса голыми руками не возьмешь... Шевельнешься — превращу в дуршлаг и в кусок швейцарского сыра со слезой, как говаривал, угробленный тобою лично мой старый товарищ майор Суровцев...

— Захарыч... ты что?.. о каких ты говоришь мыслях?.. что за поповщина? — залепетал Ройтман, застыв послушно на месте и глядя в одну точку на стене напротив, где одиноко висела какая-то антикварная древнеперсидская прижигалка, — все, что осталось от бесценной коллекции орудий пыток, нахально унесенной вчера Цхалтубией. — Каких ты хочешь гарантий?.. Неужели тебе могло прийти в голову, что... Мы же неповторимо сблизились... Не теряй неповторимого друга... ты неповторимо ошибаешься... смешно... неповторимо смешно... — Ройтман, скорее всего, бессознательно упирал на слово «неповторимо». Почему-то именно за

него лихорадочно хватался, как за соломинку. Возможно, в слове этом было заключено все, что оставалось у него от Образа Жизни под тяжким гнетом предсмертия...

В течение какого-то, абсолютно не поддающегося измерению психикой, времени — а точнее, при полном выпадении из его всеобволакивающего течения — Л.З. и Ройтман пребывали в совершеннейшем гипнотическом столбняке. Палец Л.З. застыл на спусковом крючке, и от этого удивительного разлада простейшей, казалось бы, из функций безотказного прежде организма в убийцу-новичка проник ужас, равный все усиливающемуся ужасу жертвы. Это был весьма комичный, ежели бы случайно подсмотреть и подслушать со стороны, диалог сдавленных глоток и стучавших друг об друга челюстей. Причем челюсти Ройтмана настолько уже измельчили слово «неповторимо», что оно просто стекало вместе со слюной с опущенных уголков дрожащих губ — не-е-е-е-е...

А Л.З. никак не мог выговорить первого слова какой-то заклиненной в мозгу фразы — ды-ды-ды... ды-ды-ды-ды...

Возьми Ройтман каким-либо образом себя в тот миг в руки — он моментально обезоружил бы Л.З., словно парализованного всеобщим параличом, мычащего что-то дебила.

Никогда не понять, почему первым вышел из столбняка Л.З. Он выговорил наконец, заикаясь:

— Ды-ды... та-та-та... таких друзей, как ты... мы брали за уши... в брянском лесу... заклады-

вали ножки в сапожки... на-на-на-на-тягивали на халабалу — де-де-делали чу-чу-чучелу... — Это он повторил любимую фразочку своего погибшего лубянского дружка Суровцева.

— Не-не-не-не-е-е-е... — завыл Ройтман. Дамский пистолетик жахнул вдруг ему в висок, словно обрета собственную волю, как удивлялся впоследствии Л.З., жахнул и дернулся вместе с рукой в сторону. Но Л.З. все еще не мог сдвинуться с места, не мог даже шевельнуться и остолбенело смотрел, как Ройтман, откинутый немного в сторону выстрелом, захрипев, начал заваливаться не в бок, а падать головой вперед на письменный стол, словно воля его, пережившая на мгновение разум, успела по странной посмертной инерции удержать мертвое тело от всегда неприятного живому телу падения на пол...

Все, что делал затем Л.З., он делал осмысленно, точно и быстро, хотя ухитрился ни разу не взглянуть на мертвое лицо убитого человека... Тщательно обтер пистолет носовым платком, тщательно же сдул с него мельчайшие ворсинки, вложил затем в правую безжизненную руку, передернувшись при этом всем телом, как в детстве от воображенного темною ночью присутствия жуткой нечисти под детской кроватью, слепил с пистолетом пальцы Ройтмана, затем разжал свои, и пистолет вывалился на пол, чуть не повиснув на дужке спускового крючка...

То же самое, что и с пистолетом, Л.З. проделал с коньячной рюмкой. Она вполне могла навести следователя на мысль о последнем, пе-

чальном посошке коньячка, принятого самоубийцей, так сказать, на дорожку. Вынул из кармана убитого подписку о неразглашении. Спустил ее в унитаз. Уходя, взмолился, чтобы дознание было проведено со всем советским распиздяйством и без дотошной баллистической экспертизы... Ушел незамеченным... Шел по улице, подняв воротник штатского пальто и конспиративно покашливая в пушистое кашне, чтобы народ никак не смог узнать давно знакомые черты выразительного лица товарища Мехлиса — видного соратника Сталина.

С этой же целью взял не такси, а остановил левака, который уж наверняка не стал бы докладывать с пушком халтурки на рыле о том, что... тогда-то... во столько-то... довез такого-то... туда-то...

На даче уничтожил все следы присутствия Ройтмана и Розенблюма. Спрятал подальше исписанные им листки с формулами и методологическими пояснениями...

Принял душ...

Вечером рассказал обо всем Верочкам...

Они и распустили на следующий день слух о том, что в Москве и пригородах активизировал свои действия половой маньяк, насилующий после садистических избиений мужчин среднего и пожилого возраста.

Слухи стали совершенно зловещими и проникли даже на Запад, когда труп Розенблюма был обнаружен соседями по коммунальной квартире, несколько дней злобно проскандалив-

ших друг с другом в поисках источника навязчивой вони.

Л.З. похихатывал, но не выпускал из руки стекляшечки с нитроглицерином. Дружок с Лубянки, генерал Малов, позвонил ему однажды ночью и сообщил, что найден застрелившийся Ройтман.

Л.З. перетрухнул так, что не мог связно полюбопытствовать и выразить нужные эмоции. Генерал смачно материл покойного за то, что тот по-хамски не оставил ни малейшей объяснительной записки, хотя имел, как и все они, готовые бланки с текстом: «Прошу в моей смерти никого не винить. Прошу товарищей по работе возвратить..... рублей (сумма прописью) в кассу взаимопомощи в счет моей зарплаты, согласно расчетной ведомости №..... (заполняется непосред-м нач-ом с-цы). Поступаю принципиально, потому что лучше смерть, чем..... (конкретно указать). Число. Месяц. Год... Место для отпечатка указ-го п-ца с-цы..... (подпись разборчиво)».

Л.З. попросил купить венок от его имени... Сообщать регулярно о ходе дела....

Успокоился он тогда, когда взятый Цхалтубия сознался в том, что имел многолетние связи и с Розенблумом, и с Ройтманом, но доставлял им регулярно только удовольствия диалектического, как он выразился, порядка. В обмен на обещание сохранить ему жизнь взял на себя еще четыре нераскрытых убийства мужчин, ограбленных и избитых до неузнаваемости... На работу Л.З. больше не выходил, поскольку при

повторных исследованиях у него действительно обнаружили резкую закупорку различных сосудов, склеротические явления в мозгу и истощение нервной системы.

Правда, Госконтроль держал его в курсе всех важнейших дел, консультировался и приглашал на заседания парткома...

ГЛАВА ПЯТАЯ

Но возвратимся к проснувшемуся Л.З. Он уныло вылез из кровати. В квартире было полутемно, хотя солнце так и било в окна. Но что-то мешало ему пробиться в квартиру. Л.З. смятенно обошел все окна. Они были закрыты с улицы холстинами. На холстинах угадывались части физиономий членов политбюро... Что за праздник, понимаете?.. Побег не реален... Побег не реален... что мне стоило подготовить побег?..

Л.З. было уже невтерпез. Заспешил в сортир в привычном и приятнейшем из предвкушений — в предвкушении неторопливого, с мысленными репликами и различными душевными реакциями, чтения свежих центральных газет... «Правда»... «Известия»... «Звездочка»...

Л.З., стараясь забыться, захватил с собой в сортир кипу газет и журналов, которые рано утром заносила в квартиру лифтерша. Он спустил кальсоны, удобно уселся на заграничный унитаз — мягкая доска с автоматическим включением подогрева для озябших седалищ: спецделка с США Внешторга СССР через железный занавес, — окунул ноги в пушистый ков-

рик, раскрыл вчерашнюю «Вечерку»... Так... всенародные митинги... убийц в белых халатах — к ответу... те, кто прожужжали нам все уши о своем избранничестве... агенты мирового сионизма и ЦРУ... директора магазинов Комаров Израиль Маркович и Зейдельман Александр Владимирович сколотили себе несколько состояний... так... этих, понимаете, давно надо расстрелять... Я вам все послевоенные годы об этом говорю... При чем здесь я? При чем Каганович? При чем Давид Заславский и Эренбург?... Нас тоже в Сибирь?... В Сибирь надо сионистов, а не коммунистов, товарищи... опять мы, понимаете, перегибаем, опять загибаем, а потом начнем спохватываться...

Отбросил «Вечерку» к чертовой матери... Меру надо знать во всем, товарищи... Ох, и мастера мы бить по своим... мастера...

Взял «Правду». Не сразу обратил на обведенное траурной рамкой сообщение ЦК КПСС, Совмина СССР и Президиума Верховного Совета СССР. Обратив, с острейшим почему-то азартом вчитался в сообщение и, естественно, глазам своим не поверил.

Вчера... после тяжелой продолжительной болезни... скончался видный деятель Коммунистической партии и Советского государства... генерал-полковник... с 1918 года... отдавал все свои силы на всех участках социалистического строительства... в качестве члена Военных советов фронтов... один из организаторов доблестной Красной Армии... возглавляя Главное

политическое управление армии и флота... органов Государственного контроля... с беззаветной верностью... будет жить в наших сердцах... Лев Захарович Мехлис... всю свою трудовую жизнь... Комиссия по организации похорон... выставить гроб с телом... с чувством глубокой скорби. Соболезнование семье покойного... вчера... после тяжелой продолжительной болезни... видный... Лев... Военных советов фронтов... на каком бы участке... Захарович Мехлис...

Фотографии своей Л.З. не замечал, читая правительственное сообщение.

Согласимся, что восприятие еще живым человеком капитального сообщения о факте своей смерти есть дело довольно сложное, мы бы сказали, совершенно новое для человека, а посему и приводящее его в первые минутки в невообразимое замешательство.

Л.З., например, после вторичного прочтения сообщения, прочтения беспорядочного, воспринял его вдруг как остроразящий наповальный анекдот и истерически расхохотался...

...Вот дают, понимаете... авансом, так сказать, первоапрельскую шуточку... вот дают, мерзавцы...

Хохотнув, Л.З. прямо-таки растаял от проникшей во все его поры высшей обласканности. Ему показалось, вернее, в тот миг он был уверен, что Сталин со свойственным ему грубым идиотизмом давал понять верному сатрапу, что не в опале он, а во все той же чести, в доверии

и не забыт в двусмысленный момент жизни партии, не забыт, даже обласкан царскою шуткой, рассчитанной не на слабонервных, потому что на вонючие ленинские сантименты суровый Сталин не способен... А так вот выкинуть что-нибудь кроваво-необычное у нас — всегда пожалуйста...

Это он мне выдал за отказ от обеда и пьянки, подумал Л.З. Дает рябая харя просратья моей жидовской роже... Дает... ничего не скажешь... Буденный небось усы облизывает от радости, ничтожество...

В остальных газетах на первых полосах Л.З. не без тщеславия разглядывал траурные правительственные сообщения и свои фотопортреты... генеральские погоны... куча орденов... волевое лицо руководителя Госконтроля... на всех участках партийного строительства... с беззаветной преданностью... проявлял... китель сидит, как на артисте Дружникове... все верно... все верно... пламенный большевик...

Просмотрев все газеты, Л.З. до того был растроган всевластной шуткой вождя, до того проникся к нему такой страстной любовью, таким чувством прощения, что решил немедленно позвонить в Кремль — поблагодарить за особое внимание...

Ни хворей, ни ужаса неизвестности больше не испытывал Л.З. Только всеобщую обласканность, а от того и надежду, и покой, и прилив всех сил... если это шуточка, то и насчет Верочек — тоже талантливая сталинская покупка... он знает, за что поддеть, на что посадить да

подсечь побольнее и помотать, понимаете, помотать... он у нас на это дело — корифей...

Л.З. так и не помочился. О прочих наслаждениях не могло быть и речи... сейчас же звоню в Кремль... Он уже там... стоп... стоп... он же болен... Верочки солгать не могли...

Л.З. заметался около «вертушки». Куда звонить? Набрал номер сталинской дачи, не заметив отсутствия гнусаво-басовитого зуммера.

Как мы все-таки извратили идею диктатуры пролетариата, если партийный вождь позволяет себе такие шуточки с одним из самых ответственных работников партии и государства, ни с того ни с сего подумал Л.З., но тут же с восхищением снова хохотнул... дает Хозяин... дает... кто еще в истории был на это способен?.. И удостоился сталинской шутки не кто-нибудь, товарищи, а Мехлис...

Набрал еще раз номер барвихинской дачи. Молчание. Позвонил в секретариат. Тоже молчание. Мысль о пропавшем зуммере просто не приходила в голову Л.З., потому что, инстинктивно обратив в шуточку сообщение о своей смерти, он существенно ослабил связи с реальностью...

Попробовал соединиться с семьей по городскому телефону. Молчание. Ни зуммера, ни соответственно длинных либо коротких гудков. Молчание...

Снова взял «Правду» и взгляделся в свое парадное изображение. Вгляделся с таким страстным тщеславием, что чуть не разрыдался от прихлынувшего к сердцу чувства признатель-

ности партии, органической частью которой, причем не самой ничтожной, он вновь ощутил себя, как в юности, как в Гражданскую, как в тридцать седьмом, как в Отечественную.

Чувство это временами притуплялось от тяготы службы, от набившей оскомину многолетней демагогии партийных программ, от поистине адского быта огромной державы, от враждебных интриг и просто от тоски и хворей. Обострялось оно вообще все реже и реже. Преимущественно во время хоровых распеваний партийного гимна на торжественных заседаниях и съездах.

Поэтому возвращение этого чувства Л.З. всегда воспринимал как серьезную жизненную поддержку, как знак целесообразности существования, как примету того, что он необходим партии, что не оставлен он, что не отторжен от ее обоготворенного тела и не выброшен, словно жалкий утенок, в пустыню последнего одиночества...

Вот он и стоял, и вглядывался со все возрастающим тщеславием в свое замечательное, как ему казалось, в сановное, орденоносное фотоизображение. Оно полностью соответствовало главному, счастливейшему самоощущению Л.З. Сначала, благодаря примитивной механике нарциссизма, он как бы слился начисто со своим фото, слился не без некоторого похотливого тепла, размывшего в глазах зловещие траурные рамки, а затем, забываясь, отдался неизбежной в такие моменты иллюзии. Это Мехлис в генеральском кителе, это Мехлис в орденах и меда-

лях, беспощадный с врагами партии и государства Мехлис, покровительственно, строго и родственно смотрел на небритого, изможденного хворью сердца и почек, всклокоченного, жалкого, в спавших с тощего зада кальсончиках Л.З.

Вдруг он задрожал, почуяв во взгляде генерал-полковника испепеляющее презрение, почуяв угрюмую отчужденность величия его фигуры и бесконечную отдаленность ее от себя — ослабшего человечка с газетенкой в руках.

Наркотическая иллюзия быстро теряла силу, и вот уже «Правда» выпала из рук Л.З., спазм тошноты толкнул его остановившееся было сердце, толкнул еще разок — подзавел подостывший от невообразимого ужаса мотор, — и смятенное сознание, никоим образом не подготовленное к такого рода смятениям, беспомощно трепыхнулось в попытке разобраться в происходящей чертовщине.

Л.З. снова бросился к телефонным аппаратам... Молчание в трубках было бездонным и черным. Ни писка. Ни треска... На носках подошел к двери с тем, чтобы внезапно открыть ее и отшвырнуть какого-нибудь тихушника. Резко крутанул замок. Дверь не поддавалась. Повертел ключом в запасном замке. Снова подергал ручку. Забарабанил руками по стенам, по дверной обшивке, зная, что все равно никто не услышит. Он сам приказал однажды усилить звукоизоляцию квартиры, используя все передовые достижения зарубежной техники.

Л.З. еще не допустил до себя мысли о том,

что в известном смысле его больше не существует. Поэтому всеми его то весьма логичными, то безумно странными движениями и действиями руководил звериный инстинкт — вырваться из запертой клетки, а там уж что-то предпринять для спасения и выяснения издевательских обстоятельств... Мехлис, понимаете, не какая-то вшивая пешка, товарищи... в сообщении подчеркивается моя выдающаяся роль на всех участках и фронтах... четыре ордена Ленина, понимаете... я за вас самые черные дела проделывал, сволочи...

Порылся в чуланчике в поисках молотка или гвоздодера. Расчихался от пылищи, но не разъярился, как обычно в таких случаях, а как бы из далекого далека подумал, что в чихании есть такая, в сущности, прелесть, никак не вяжущаяся с бредом правительственного сообщения, такая сладчайшая жизнь имеется в рядовом чихании от пылищи, что... совсем вы, товарищи и лично товарищ Сталин, впадаете в средневековый идеализм с вашими дурацкими шуточками.

Попробовал взломать первую, внутреннюю дверь гвоздодером. Но она была намертво присобачена. Пробил в нескольких местах обивку. Гвоздодер отскакивал от оцинкованного железа.

Говно... доизолировался, сказал сам себе Л.З. и начал орать, выть, звать спускающихся с лестниц, выходящих из лифта — всех ему на непереносимую зависть живущих людей, может быть, думающих в этот момент о Л.З. как об «ушедшем от нас... после тяжелой продолжительной болезни... на всех участках... и выража-

ют глубокое соболезнавание семье покойного...».

Харкнув на дверь, подошел к окнам. Ни открыть их, ни разбить тоже не было никакой возможности. От гвоздодера на спецбронестекле — модной в домах номенклатурных прохиндеев новинки — оставались лишь царапинки. Привлечь к себе внимание прохожих или хотя бы дежурного дворника тоже было невозможно. Окна намертво были зашторены громадными портретами членов политбюро... Угадывались отретушированные, серо-коричневые части проклятых знакомых физиономий.

От ненависти к ним, от усиливающегося ужаса и внезапного помутнения рассудка, не рассчитанного, конечно, на столь резкие и уродливые гримасы действительности, ноги у Л.З. подогнулись, в висках взвинченно взвизгнула тупая боль — он упал без сознания.

Обморок навел кое-какой временный порядок в организме Л.З. Сердце слабо подкачивало кровь к отключенному от обмозговывания случившегося серому веществу. Кровь оросила в нужный момент сосудики серого вещества. Подпитала в нем двигательные центры. В тот же миг начало происходить одно из восхитительных чудес на нашей грешной земле — возвращение к жизни человеческого организма, полностью еще лишенного сознания, но уже хватанувшего вострепёнувшимся ртом волшебного состава земного воздуха, слабо шевельнувшего пальцами рук, почуявшего наконец-то отзвук боли в разбитых при падении коленках и

открывшего мутные, пустые от абсолютного отсутствия мысли органы зрения.

Тут, как бы выбираясь из бескрайнего провала, Л.З. еле-еле встал на карачки, схватился рукою за первый попавшийся предмет — это была прислоненная к стене старинная арфа — и вполне осмысленно уловил пробужденным слухом тихое, милое и нежное, как вздох самой жизни, звучание случайно встревоженной басовой струны.

В глазах у него еще было темно от мути, набившейся на зрачки в обморочной бездне. На первые, пусть ничтожно-слабые, движения ушли все за миг накопленные силенки. Кровь снова отхлынула от серого вещества — он вторично оступился и чуть было вновь не сорвался, но неведомые силы чудесно подхватили его руку, пальцы задели разом почти все струны арфы...

Господи! Господи! Что это было... Благородный инструмент как бы благодарно ахнул от немыслимой неожиданности всею отверстою Случаем грудью. Оживший звук, воспринимая сам себя, очарованно застыл в постылой квартире, постепенно одолеваемой мрачным тленом, застыл в бесконечном изумлении и легком, игривом неверии перед чудом воскрешения каждой ноточки в клочке мелодии, казалось бы, сгинувшей безвозвратно в черном времени нескольких веков...

Тогда иная длань и по иному поводу одухотворенно и доверчиво делилась с арфой избытком любви и тоски, ужаса и покоя, страха и сво-

боды, делилась достойно звучавшей страстью спасения жизни от тягостного провала в некую бездну молчания, и не дрожащие пальцы злодея, брошенного душою, цеплялись за отзывчивые струны, выкарабкиваясь из бездны, но живые перста, но милые пальчики, движимые душою девушки, душою самой музыки, с веселою печалью взлетали и падали, падали и взлетали по тоненьким ступенечкам струн, дразня эту самую разверстую под ними бездну...

Выкарабкавшись из нее в тот же миг, Л.З. настороженно прислушался к спасительному звуку случайно вызванной им к жизни гармонии, но не та это была личность, чтобы попытаться постигнуть великий смысл истинного чуда, никогда не снисходящего до вразумительных объяснений даже с величайшими из гениев.

Время шло. Чудесный звук возвращался туда, откуда он только что явился, освобождая место почтительно и покорно стоящей в отдалении, но по-плебейски торжествующей мертвой тишине.

И от жуткого страха остаться снова наедине с мертвой тишиною Л.З. с трудом привстал, доковылял до «Телефункена» — принадлежал в свое время Кейтелю — и включил его. Настроил на волну Всесоюзного радио. Немного пришел в себя от треска и писка разных помех. Не сразу сообразил, что вечно ненавистная ему «траурная тягомотина всех этих, понимаете, шопеногригобетховенов... это, я считаю, товарищи, у нас лишнее в борьбе нового со старым»... прямо связана с проведением в жизнь

ряда важных положений правительственного сообщения о его смерти.

В нем так было сильно и необоримо отвратительно тщеславие удачного выскочки, что, сообразив, он прислушался по-собственнически требовательно к тяжким для живых и мертвых звукам похоронного марша. Прислушавшись, вдруг рухнул на пол, как в детстве, и, как в детстве же, горчайше разрыдался от сладкой отравы необъяснимой тоски.

Все было в этот момент у Л.З., словно у всех приличных, но трагически рыдающих почему-либо людей: тряслись плечи, ожесточенно стиснутые кулаки размазывали по физиономии сопли и слезы, пронзительная к себе жалость сжимала грудь, изо рта, трогательно пузырясь на припухшем губошлепье, вылетали какие-то нелепые звуки.

Но все это происходило не с душою Л.З., поскольку она покинула досрочно ничтожное его тело, не с душою человеческой все это, напоминаем, происходило, изнемогающей порою от сочувствия к нам и бессильной что-либо изменить в изорудованном нами же, а оттого и жестоко-враждебном мире.

Просто обездушенное существо Л.З. заполнила собою траурная музыка, и некое подобие души человека — предельно близкое общей душе человечества — тотчас сотрясло его своими рыданиями.

Только Л.З. уже никак не мог воспринять замечательного Знака того, что ужасающей нас всеоставленности на самом-то деле не суще-

ствуется, вернее, не может существовать по причине явной одухотворенности Вселенной. Творец не способен на самоотчуждение. А вот Человеку довести себя всею своею предательской жизнью до того, чтобы в конце исковерканного пути, в самую, можно сказать, необходимую минуточку проморгать простой, простейший, ясный без усилия мысли — воде, тверди, воздуху, свету, листве, рыбам, червю, пауку, пантере, крысе, птице, слову, — столь бездарно проморгать замечательный Знак неоставленности — это и есть, на наш взгляд, прижизненный ад, до краев набитый смердыней адского одиночества.

Довольно странно, что, во-первых, не сжиться с замечательным Знаком в состоянии жизни, подобно вышеперечисленным стихиям и тварям, а, во-вторых, ухитряться ежеминутно его промаргивать с каким-то зловеще совершенным автоматизмом, да к тому же еще со смехотворным самодовольством, способен лишь Человек...

Из благостных, по сути дела, рыданий, которые Л.З. привычно-брезгливо отнес к жалкой плаксивости недочеловеков, копошащихся в предыстории, его вывел голос Юрия Левитана.

Номенклатурный бас хамовато и бодренько оборвал, пресек музыку и, как бы с трудом сдерживая прущий из груди пафос, сообщил, что *первую тысячу метров штапеля выдали вставшие на трудовую вахту в честь дня Советской Армии ткачихи Гжатского* — Л.З. слышалось «Адского» — камвольного комбината...

Л.З. в бешенстве вскочил с пола и, затопав ногами, бесстрашно заорал:

— Говно-о-о... все — говно-о-о... мне плевать... плевать... говно-о-о...

Но собственный крик сразу же припугнул его. Он смущенно и виновато кашлянул. Загрибок свело, как это всегда бывало, от всевидящего взгляда Хозяина. Л.З., перетрухнув, постарался взять себя в руки. Быстренько оставил мстительную мысль разбить к чертовой бабушке сволочной «Телефункен», да так, чтобы задымились его кишочки и затрещали лампочки... адского, понимаете, комбината в честь трудовой вахты... я же вас, блядей, научил всему этому паскудству на свою голову...

Так он подумал про себя, и навязчивое чувство того, что Хозяину... гадине, ничтожеству... ебаной всемирной оспе... каким-то образом виден он весь, как на ладонке, уже его не покидало. До поры до времени...

Всячески понося про себя всевидящую тварь, играючи парализующую его волю, суматошно и тоскливо перебирая в уме различные причины адского происшествия, а заодно и бурно проклиная возможную подлость предателей и предательниц, Л.З. с показушной деловитостью начал совершать внешне целесообразные действия.

Возвратился в сортир, но вновь не смог ни помочиться, ни испражниться. Развел руками и чмокнул языком — дал понять Хозяину... смотри, мразь черносотенная... подонок... убийца законной супруги... тут я ничего не могу поде-

лать... доведен выродками-врачами... спасибо вам, Иосиф Виссарионович, за разоблачение мерзавцев... вот кого надо хоронить, понимаете, а не тех, кто на всех, можно смело сказать, участках с безграничной преданностью...

Виновато развел руками и нажал кнопку бачка. Вода, однако, не вырвалась из него в толчок со всегдашним, так славно освежающим шумом. Тогда Л.З. счел необходимым искренне хохотнуть своевольной шутке вечно любимого вождя, гримасливо оценить его гениальный юморок... неистощимую выдумку... Зощенке срать-недосрать... анекдот у вас не догма, а руководство к действию.. ох и даетт-тте...

Затем Л.З. пожелал умыть зареванную физиономию. Пожелал побриться и вообще привести себя в порядок под ненавистным, неотпускающим... в конце концов, исторически необходимым взглядом... без вас, товарищ Сталин, мы — нигде и никуда...

Так вот, оба крана — горячей водицы и холодной — поочередно шипуче испустили дух, и не выпало из них ни капли.

Л.З. вопросительно оглянулся. Пожал плечами как человек, не оценивший в первый миг всей прелести заковыристого анекдотца, но тут же, якобы по мере доходящего до него — жуткого осла — смачного шарма, принялся гоготать, хватаясь за животик, смахивая слезы и захлебывающееся повторяя особенно удачную концовочку: а из крантиков-то, понимаете, ни капли... ни капли... ой, блядь... просто подыхаю... Ну вы даете, батя...

Л.З. и в голову не могло прийти вызвать немедленно слесаря. Хозяин знает, что делает... Смешно что-либо предпринимать. В этом основной смысл государственной и всенародной шутки...

Л.З. страстно захотелось, чтобы рябая харя заметил его жизненное рвение, чтобы поверил он в желание Л.З. что-то делать, не сидеть, понимаете, сложив белые ручки крендельком, алые губки бантиком, быть даже в такой непредвиденно сложной ситуации активной частицей партии... на всех участках... крупный вклад... были в переплетах, так сказать, поволнительней... висели на волоске от расстрелов...

Есть он не хотел. Впрочем, и остальные плотские желания как-то незаметно сгнули от него. Он вдруг поспешил к гардеробу, предчувствуя, что есть у него сейчас шансикулянчик угодить Хозяину... мы тоже с Мехлисом умеем пошутить... это тебе, сволочь, не шуточки Буденного, кавалериста поганого... куш сивый мерин тохес... мерзавец...

Разыскал в гардеробе, освобождаясь от ужаса и радуясь наличию дела, старинный траурный костюм испанского вельможи. Поглядывал через плечо и выискивал в зеркале взгляд Хозяина, облачаясь в чудесную историческую ценность, умоляюще приглашал его обратить внимание на отсутствие в своих действиях упадничества и присутствие в них же партийной дисциплины.

Вдруг сказал вслух:

— Стоп, товарищи, а когда же у нас похоро-

ны?.. И где же это наши газеты? — Пробежал глазами правительственное сообщение с таким жалким, показушным интересом, что даже рябая харя, если бы видел он в тот миг своего бездарного сатрапа, содрогнулся бы от омерзения. — Ага... как это ты, Надюшка, дала маху? — пошутил Л.З. специально в расчете на то, что Хозяин оценит старую шуточку насчет партийно-солдафонского юмора Ильича и его ненависти к крупному эмпириокритицисту. — Как это ты, Надюшенька, дала маху?.. Вот, тут у нас, пожалуйста... э-э-э... завтра — Колонный... затем... затем... а уж только после нее — похорончики-арончики... не раньше... Время, понимаете, работает на нас... Однако Мехлис не может без работы. — Это он с аппетитцем повторил любимую деловито-кокетливую фразочку и поспешил на самом деле в кабинет.

Поспешил, стараясь не глазеть на жившие в квартире вещи и вещички, потому что каждый взгляд даже на ничтожную утварь, существование которой, казалось бы, давно и навсегда выпало из поля его пресыщенного зрения, так остро надрывал сердце какой-то незнакомой болью — дальней родственницей боли физической, — что обреченного начинало обморочно пошатывать, как если бы он был больным зубом в нежной, в воспаленной, в измученной десне жизни.

Знаем мы, очевидно, больше, чем понимаем. Только в таком смысле Л.З. знал, что каждый взгляд на ничтожную вещь, каждая оглядка в прошлое, а особенно мысли о близких людях и

уже тающих в сознании тенях вожделений — это невыносимый, вечный, ужасающий обрыв ниточки, жилочки, сосудика от того, что еще сегодня утром привиделось безотрывным от...

От чего именно Л.З. — тоже бессознательно, — не мог позволить себе уточнить. С ним случился бы тогда удар или инфаркт, а вот этого-то как раз и не могли позволить некие таинственные жизненные силы, обитающие в существе человека, но в известный момент почему-либо прекращающие всякие отношения с его личностью... Им еще не пора. Они должны действовать ровно столько, сколько должны, если, разумеется, один из зверских видов насилия не разрушит, как говорится, их перспективные планы...

В кабинете Л.З. уселся за свой шикарный письменный стол — не стол, а изящный, хотя и массивный, пульт управления интеллектуальной деятельностью трех поколений политдеятелей бывшей австро-венгерской монархии, затем — собственность Риббентропа... Уселся, сделал вид, что пишет, как простой, скромный большевик-ленинец, демократичную жалобу в Минздрав СССР на участкового врача... достойна удивления циничность, с которой... наплевательское отношение к святой для врача нового типа клятве Гиппократата... дело не в личном здоровье, а... позволительно спросить: куда... все силы на борьбу с зарвавшимся сионизмом в системе бесплатного медобслуживания...

Апатично начирикивая жалобу, старался как-нибудь ненароком выразительно не глянуть

на платиновый бюст Хозяина или же на налбан-
дяновский портретишко. Одновременно, как на-
тренированный конспиратор, обмозговывал
случившееся — рассудительно хотел втиснуть
его в рамки здравого смысла... Говно... ты по-
нял, что смертины не врут, и хочешь, чтобы я
подох раньше тебя... вот чего ты хочешь... и
тебе, ты думаешь, будет легче?.. не будет... по-
тому что тебе уже не над кем будет издеваться,
сволочь... что у нас завтра?.. Завтра у нас крема-
ция... ах, чтоб вы все провалились... какая кре-
мация?.. Завтра у нас Колонный... затем — ла-
фет, Мехлису положены лафет и Красная пло-
щадь...

Л.З. слишком долго выметал из сознания
словечко «кремация», в котором, кроме всего
прочего, он улавливал какое-то тонкое издева-
тельство над словом «Кремль». Оно наконец
воткнулось — словечко «кремация» — в заты-
лок, как штыковая лопата втыкается в унылую,
мерзлую, предзимнюю кладбищенскую глину.
Воткнулось, заспиненный могильщик приналег
грязной ступнею на заиндевелую железяку, пер-
нул с похмельной натуги, и вошла железяка на
положенный штык в серую глину обезумевшего
от перенапряжения человеческого мозга.

Л.З. выпучил глаза... то есть... как... кре-
ма-
ци-я?.. я кремирую... или, понимаете, меня кре-
мируют?.. что такое кремация?.. кремация...
кремация...

Он так и сидел с выпученными от невоз-
можности уразумения глазами, как бы выбрав-
шись на чуток из адской каши времени, и глаза

его были полны пустой бессмыслицы, потому что опять-таки энергия, которую таинственные жизненные силы тратят обычно на прекрасное, но зазряшное временами очеловечивание органов нашего зрения, ушла на предупреждение мозгового удара в раскалывающемся от настырных штыков железаки черепа Л.З. ...кремация... кремация... кремация... кремация... крема...

Могильщик в генералиссимусовском мундире сдул с рябоватого носа каплю трудового пота, звякнул орденами и медалями, блеснул почему-то непропитыми еще с утра бриллиантами, оторыгнул похмельным же хашем прямо с портрета в мертвенно-серую физиономию Л.З. и со всемирно известным грузинским акцентом зловеще тихо сказал: «Перекур, товарищ бывший министр Госконтроля...»

Несколько опомнившись, Л.З. от беспредельной к себе жалости подумал: «Почему? Почему ты мстишь мне так тяжело? Почему?» Уронил голову на теплое зеленое сукно стола, но вдруг, вскочив, сказал вслух с необычайной силы убежденностью и, как всегда, не без бахвальства:

— Мехлису есть за что мстить! Есть!

Слов своих, надо сказать, не перетрухнул, ибо в этот момент сумел подбросить приличный мосол все еще ненасытному своему тщеславию. Он вообразил, забыв о прочем, что выдающийся садист всех времен и народов как бы поднимает его — Мехлиса — до себя, причем поднимает неслыханнейшей в истории мес-

тью... придет, понимаете, время, и вы прочитаете в школьных учебниках будущего про всю эту катавасию, товарищи... до меня доберутся новые Шекспиры и Эйзенштейны... что такое Брут и Кассий по сравнению с моим провалившимся заговором? Говнюки... им, может быть, снились смертины? Демократы херовы, понимаете... ох, это будет кино...

Л.З. даже поцокал нескрываемо смачно кончиком языка, но тут же застонал и снова сокрушился... за что?.. за что?.. почему не арестовали?.. почему Бухарин не знал, что через минуту получит пулю в лоб, а Мехлис завтра — в Колонный?.. Пусть заговор, но разве Мехлис у вас не заслужил ареста, следствия и так далее, понимаете?.. А?..

Л.З. поднял голову. С мольбой взгляделся в рябую, несмотря на старание придворного гримера, рожу могильщика. Тот невозмутимо перекуривал.

«Ну хорошо, — сказал Л.З. тоном большого дипломата, ведущего трудные переговоры с позиции явной слабости с явным бандитом, — сообщение... Колонный... и так далее... не будем уточнять... но что после вмуровывания? Мехлис же на самом деле всего один!.. Неужели мы допустим в наше время эту поповщину?..»

Совершенно потрясенный и самими этими мыслями, и тем, что они почему-то не возникли сразу, Л.З. окончательно растерялся.

Он уже слегка привык к тому, что самое ужасное во всей этой гнусной шуточке, в похабном розыгрыше — кремация. С содроганием,

но все же смог представить предстоящее завтра, послезавтра... и так далее, какому-то другому Мехлису. Чучелу, замастыренному лично Образцовым в театре кукол... Сталинская премия за особо выдающиеся театральные достижения... Восковой фигуре, срочно отлитой за железным занавесом и доставленной на новейшем «МиГе» из Лондона в Москву... Но подумать, что все это предстоит пройти ему, вот этому, живому в сей миг Мехлису... шуточка ваша зашла слишком далеко, товарищ Сталин... гениально, но хватит... хватит...

Л.З. просто попятился из кабинета — только бы подальше от рябой рожи, только бы не быть с ним наедине... Снова подергал дверь. Снова побарабанил по ней и по стенам кулаками... абсурд... уже черт знает сколько времени... совсем темно... Я что-то не слышу троллейбусов с автобусами... для того, чтобы я был выставлен в назначенные сроки для прощания с трудящимися... товарищи, меня ведь надо убить... извините, но вы не успеваете... убить мало, нужно одеть, побрить... у меня очень жесткая борода... нужно одеть, так сказать, не говоря уже о цветах, венках-мунках и ленточках-шменточках... давайте, понимаете, быть до конца логичными... до Колонного вы обязаны допустить к телу семью... в сообщении черным по белому сказано о глубоком соболезновании моей семье и родственникам, понимаете, покойного... вы же просто не успеваете... вы ничего не успеваете...

Л.З. успокаивался все больше и больше. По-заговаривав зубы терзавшему его ужасу и ло-

гично порассуждав, он совершенно правильно сообразил, что в Колонном должен лежать не он.

И от неожиданной надежды сразу отлегло от сердца. Такое, говорят, случается с обреченными даже за несколько минут до казни.

Чего только не померещилось тогда Л.З. Конечно, это розыгрыш... я зря поддался упадничеству... но, знаете ли, хотел бы я видеть вас на своем месте, товарищи... камерная игра в «наш паровоз летит вперед, в коммуне, понимаете, остановка» — пиписка по сравнению с тем, что я пережил... уф-ф...

Таким легким и счастливым он не раз чувствовал себя в детстве, после жутких ночных сновидений. Будил истощенным воем маму. Прижавшись к ней, неизвестно кого благодарил за чудесное избавление от кошмара и возвращение в безмятежное существование... снова спать... спать... спать...

Л.З. прямо в старинном траурном костюме повалился в кровать, по-детски дрожа от пережитого... спать... спать... уснуть и как-то прогнать призрак вновь настигавшего ужаса. И он уснул.

Ужас, так до конца и не сумевший пробиться в сознание Л.З., успел только цапнуть его за пятку, как в детстве... значит... товарищи, одну минуточку... если в Колонном не я, то...

Додумывать мысль Л.З. был уже не в силах. Правда, до полного забытья успел ему померещиться расстрелянный Рабинович.

Однажды, в начале беспопляски террора, Ра-

бинович шепнул своему шефу с тяжкой, с искренней мукой сопереживания чужой беды, шепнул своему шефу, уверенный из-за раболепства в его врожденной порядочности: «Я убежден, что ожидание смерти гораздо приятней ожидания ареста». — «Почему?» — «Потому что смерть естественней. Соответственно в ней гораздо больше достойного нас трагизма». — «Кого — нас?» — «Я имею в виду вообще Человека, как говорил Маркс». — «Время поставило на повестку дня, товарищ Рабинович, арест врага народа, а не «человека вообще». И арест врага народа мы приводим в диалектическое единство с его смертью, с его беспощадным уничтожением». — «И все-таки я чувствую, что ожидание ареста гораздо отвратительней ожидания смерти. Я — марксист, но мне трудно объяснить, почему я так думаю, Лев Захарович. Извините...»

И вот, проваливаясь в забытие, Л.З. успел сказать нечто важное Рабиновичу со столь свойственным натурам злобным и мелким говнистым чувством якобы выстраданной правоты. Он сказал — зубы у него стучали от дрожи озноба и омерзения, — сказал нарочно громче, это отпугивает ужас: «Дурак... я... я... я сейчас променял бы одну эту минутку на двадцать ожиданий ваших арестов... альтер эго херово, понимаете... арест — пиписка по сравнению с...»

Ему ничего не снилось. Это было просто блаженнейшее небытие для изможденного перекопанного штыковой лопатой рябого могиль-

щика серого вещества — «этого изумительного, этого единственного субстрата сознания», как любил говаривать тот же Рабинович, смакуя лакомые токсинчики туповатого материализма...

Здесь необходимо добавить, вернее, сделать одно скромное замечание к любимой мысли невинно погибшего человека.

Нам кажется, что серое вещество действительно становится единственным субстратом сознания личности или, что гораздо правильной, человеческого организма, когда — чаще всего бессознательно, то есть не ведая, что творя, — личность отключается от прочих благодатных, многочисленных, а главное, истинно родительских источников не только этого самого сознания, но и всего замечательно сущностного для Человека.

А если уж на то пошло дело, неосновательно присваивать чудесному самому по себе серому веществу, самоотлучившемуся или отлученному от родительских источников, звание генералиссимуса, поскольку, находясь, скажем, в черепной коробке Л.З., мечущегося, но уже не способного разобраться в причинах ужасного происшествия, серое вещество находится в весьма разжалованном виде, подобно полупарализованным, не без его помощи, рукам, ногам, ушам, глазам, языку и, конечно, муде. Думается даже, что все, выдаваемое этим генералиссубстратом и принимаемое нами за сознание, есть на самом-то деле то же, что и саднящая, но с годами затихающая память ампутированной верхней конечности о изумительной, например, по-

щечине, которую она, конечность, будучи еще гордой и самолюбивой ручищей... рукою... ручкой... рученькой... лапкою... просил прощения... пальчики перебирал... перебирание пальчиков...

Не будем уж тут говорить, как нижним ампутированным конечностям невыносимо... надсадно чудятся сладкие занозы детства... дрожь коленок от звука затворенной спальни перед первую брачную ночь... ноженька... в баньке мозольчик срезаю распаренный... ножка...

Л.З. злобно отмахнулся и чуть не остервенел от раздражения, когда проклятый субстрат сознания, отдохнув во сне и поднабравшись силенок, растормошил сам себя. И несмотря на страстно увиливающие от пробуждения остальные части организма, показалось серое вещество, опять-таки самому себе, всплыло это в нем мгновенно, Субстрат Субстратмаевым, до тошным ординарцем представителя ставки Верховного Главнокомандующего.

Как эта сволочь узкоплечная умела будить, подумал Л.З., с каким неуставным садизмом она умела это делать, понимаете...

Он закутался в лисий салоп еще плотней и упрямей, удивляясь, что не вспотел, хотя, чтобы забыться, завалился одетым в жуткую чернь сукна и бархата...

Л.З. отбрыкивался от заводившегося все сильнее и сильнее диковского ординарца, поскольку накануне тому было приказано... бесстрашно разбудить... в случае, понимаете, чего... и еще, не протерев зенки, ненавидя эту

сволочь, которая только рада поводу... ненавидя возвращение к мерзкой, страшной войне и свою военную бездарность... ненавидя гнилостно-кислое смердение перегара во рту, шибяющее и в без того трещащую голову... все же поднимался Л.З. со стоном, пускал гунявыми губами пузыри... тупо ошеломленно повторял... что?.. что?.. какое наступление?.. какой на хер китель?..

Ему хотелось отвязаться хоть как-нибудь от воспоминания об ординарце, которого он по подлянке отправил на передовую, где тот от азиатского уныния не мог воевать, не поднялся в атаку и был, разумеется, пришпокнут комиссаром — выучеником Л.З.

Отвязаться от всего... от всего... от всего... какой марксизм на хер, ленинизм? какая партия?.. пропадите все пропадом, проститутки... какой Колонный?.. что вы мне, понимаете, с Красной площадью лезете?.. кремация... кремация...

Словечко заклацало, пакость, снова заклацало в затылке и еще поглубже, как клацает железяка могильщика, скользнув по глубинному камешку и выкрамсывая его из заслякотевшей за ночь глины с таким аллергическим для слуха звуком, что аж сводит от оскомины скулы...

Л.З. почувствовал вдруг общую слабость и с завистью подумал о людях, которые подышают... понимаете, в безмятежном сне... Буденная мразь мечтает подохнуть вообще на какой-нибудь телке из Большого... паразитина... Берия, кажется, начал опыты по синтезированию быв-

шего древнеримского средства... врежешь бокальчик, тебе снится удовольствие и... все... все... я виноват в том, что не подготовился к данной минуте... уже за это одно Мехлиса следует уничтожить... кто мне ответит: зачем я проснулся?..

Л.З. все же вылез из глухой берлоги. На всякий случай прикинулся, как и вчера, бодреньким... черт его душу знает, какие Он делает ходы, гаденыш... если Он их делает, понимаете, вообще... приказал помучить подольше — и все... простейшее решение... я и сам принял бы точно такое же, будь я на его месте... я бы тебя, мразь рябая, помучил еще не так... Мехлис так помучил бы тебя, что у тебя усы выпали бы от переживаний, сволочь... куда смотрела партия, когда ты издевался над больным Ильичем?.. вот что мы теперь, понимаете, получаем, блядский род... о-о... как бы я тебя помучил...

Л.З. такой разобрал аппетит на зверскую, сладчайшую месть, пусть даже мысленную, что он по привычке поцокал языком. Мысленная месть возбуждала.

По утренней же привычке, хотя был уже день, поперся в сортир. Никак не отреагировал на то, что из члена не испустилось ни капли мочи. Да и держать его в руке, в колечке, сомкнутом большим и указательным пальцами, артистично, как ему всегда казалось, подергивая при этом оттянутым мизинчиком, не было совершенно никакого желания.

Но внезапно в кончике члена Л.З., в излучине дырочки, возникло веселое жжение, и в чис-

тую, тихую лужицу водицы на дне толчка вдавила, чудесно перекручиваясь, словно волшебная водяная веревочка, вдавила, разумно к тому же выгибаясь, чтобы ей — умнице — не ссыкаться, понимаете, на пол... мы ведь уже не маленькие... вдавила, журча в лужице, янтарная струйка мочи...

Ах, сколь ублажающ для существа любого, особенно несчастного, человека этот первопрородный звук, этот перелив легкого журчания струи мочи по всей ее славно очерченной дужке, изменяемой, прерываемой и мальчиками и мужами, в зависимости от расположения духа, шаловливо... властно... задумчиво-играючи... ипохондрически-резко... с опьянением и восторгом от прелести нашей конструкции... с вызовом врагу... с печальным протестом против несусветных дерзостей мира... и так до желанного облегчения... до полного... капелька... капелька... иссякания...

Л.З. удивился: иллюзия того, что он мочится, была такой законченной, что, когда бедра крутанулись в характерном, отработанном за всю жизнь жесте стряхивания с излучинки дырочки последней капельки мочи, рука, как обычно страхуя движение бедер, добавочно помотала членом... вверх-вниз... вверх-вниз, а зад оттянулся в полупоклоне милому процессу мочеиспускания, а также для быстрейшего водворения праздного члена за ширинку. Его объяла приятная знакомая дрожь и детское сожаление... почему так быстро?... вот я вырасту и придумаю, чтобы люди писали долго-долго...

Но все это было — эхо... эхо... эхо ушедшего. Что-то вскрикнуло в Л.З. — оборвалась с болью еще одна ниточка... истончились, слившись с воздухом ее волоконца. А на дне толчка не было никакой лужицы...

Л.З. просто цыкал на память, дергал головой, мешая серому веществу настроиться, наладить фокус, преодолевать размытость времени.

Натянул панталоны. Вышел в коридор. Прислушался. Мертвая тишина. Молчат даже отопительные батареи, словно по указанию рябой гниды срочно слили всю водицу из системы. Зажег свет. Странно было, что он не отключен.

Не хотел подходить к входной двери, открывал от нее взгляд, но многолетняя привычка ритуального чтения центральных газет с попиванием кофейку и поковыриванием в зубах зубочисткой не давала покоя.

Л.З. было жутко начать новый день с повторения вчерашнего наваждения... Можно, в конце концов, прожить один день без газет. Можно два дня прожить без газет. Однажды на фронте газет не было целых четыре дня. Про Мехлиса говорили, что если бы ему пришлось идти в атаку, то он шел бы, пробегая на ходу передовую «Правды»... Это все шуточки буденной падали...

Л.З. слегка ожил. Газет под ногами не было. И снова сердце обмерло от надежды... пошутили — и хватит... Мехлис, товарищи, не в обиде... древние римляне почище разыгрывали друг друга... в Венеции налить в кубок заместителя дожа цианистого калия вместо «Хванчка-

ры» считалось обычной застольной подъебкой... Это рассказывал Сталин.

Мелькнула у него в этот момент мыслишка насчет сварить кофе покрепче... или капучино... где-то должна валяться машина для его приготовления... адъютант говорил, что это — интимный подарочек Муссолини Еве Браун... у всех настоящих государственных деятелей нашего паскудного века трагическая судьба... хорошо еще, что рябая мразь не додумался повесить меня вверх ногами...

Тут он и наступил на кипу газет и свежих журналов. И вчерашний ужас вмиг смешался в сознании с привычным, похожим на легкий азартец, предвосхищением чтения «Правды», «Звездочки», «Комсомолки», «Известий»... Газеты положила не лифтерша... она всегда кладет на другое место...

Л.З. вдруг расхотелось даже дышать, потому что вместе с воздухом, как ему показалось, в глубину всего его существа проникает нестерпимый смрад безнадежности, вызывающий почему-то в издевательски, понимаете, обостренной памяти запашок... Тот, что шибал в ноздренки детства из клеток львов и медведей в одесском зоопарке... Но тогда запашок этот адский возбуждал мальчика Леву, пошевеливал явно садистские наклонности, веселил сердчишко, всегда готовое к злобному торжеству над разбившими коленки... высеченными папами и мамами... пойманными на месте преступлений... обокраденными... просто чем-либо огорченными детьми и взрослыми...

И вот запашок этот возвратился наконец к человеку, скрывая, по справедливому расчету судьбы, истинную природу и беспощадный смысл подобных возвращений. А уж это во сто крат увеличивает мучительные корчи существа, мстительно лишенного в отпущенные сроки как раз самого необходимого — подчас избавляющей от тупых мук, подчас слегка отпускающей их возможность осознания происходящего.

Л.З. было уже не до кофе. Ни до чего уже ему было. Повалившись в кресло, он знал, что, развернув «Правду»... ах, какую свежестью ожидания чего-то необычного веяло еще позавчера от первой полосы... от чернособолевых ее «шапок»... от колонок экстренных новостей... от передовицы, чей размер давно признан классическим даже нашими врагами... не без моей, понимаете, руки... он знал, что увидит сейчас на том же месте, где он видел прежде лежавших в алых гробах Кирова... Орджоникидзе... Островского... Горького... Калинина... Жданова... Щербакова... он увидит в гробу себя, заваленного живыми цветами, охваченного многочисленными венками и лентами, словно объятиями красных ручищ... увидит почетный караул... ах, буденная вша... ах, жопоморда Жорик... ах ты, лапоть хренов Никита... ублюдок Лазарь.. твоя, Анастас, вымазанная в мясокомбинатской кровище, лисья морда... офицерское, солдафонское, караульное истуканье...

И фотография эта притянула наконец его взгляд, сумевший все же вырваться из инстинктивно зажмуренных глаз, и взгляд, не допуская

в поле зрения ничего прочего, приковался как бы к самому себе, навеки скрытому за смеженными веками, приковался и не в силах был оторваться, и все силился веки приоткрыть, и не мог... Черные слезы накатывались на зрачки так, что Л.З., вновь зажмурив глаза, откинул голову на спинку любимого кресла, и нос его заострился, и сжались безжизненно губы, и скулы обтянуло сухой кожей, покидаемой соками румянца жизни, и стерло морщины со лба, стерло бесследно, словно никогда не собирало их на лбу бдение мысли, и оттянуло уши к затылку, как ненужные вовсе вялые раковины, и резче выпертый кадык медленно начал падать сверху вниз, медленно, почти незаметно, подобно столбику ртути, тихо падающему в окаменение льда еще до постылого явления холодрыги и стужи... — был Л.З. некоторое время абсолютно завершенным слепком того, коченеющего в гробу высшего разряда, туфтового трупа, несмотря на то что не лежал, а всего лишь сидел, безжизненно почти завалившись на спинку кресла...

И это не был обморок или еще что-то в этом же роде. И не было это смертью. Но это не было и жизнью. А была это некая промежбытийственная или, как выразился бы сам Л.З., междуведомственная взвешенность в небесприятственном состоянии... Перекур, объявленный самим себе — а заодно и отключенному — рогаемыми, чумазыми, осатаневшими от данного участка этапирования служащими наружного участка Ада — адски циничными конвоирами.

Затем они, перекурив, начали озоровать сыз-

нова. Л.З., словно двинутый прикладом по затылку этапируемый, обнаглевший за чуток минут от самозабвенной дремоты, вскочил с кресла и бросился к телевизору... как я мог забыть?.. почему вчера прозевал все эти новости?.. как это могло произойти?.. газетки можно состряпать... это мы и без вас знаем, товарищи... и не такое еще стряпали в тридцать седьмом... обсирались со смеху над троцкистами и бухаринцами... программу новостей не состряпаешь так просто в двадцать четыре часа...

Все это мелькнуло во взбодревшем черепе Л.З., пока нагревались лампы импортного телевизора. Но еще до того, как засветился экран, он услышал голос дикторши... Валенька... надо было ее трахнуть... да... до многого так и не дошли руки...

— Начинаем передачу «Ленинский университет миллионов», — сказала с экрана дикторша Валя, доводившая в те времена весь поголовно партийно-правительственный аппарат СССР, а возможно, и нас с вами до шаловливой игры воображения.

Л.З. мгновенно замутило от словечек «Ленинский университет миллионов». Непонятно, почему он проникся к ним — тут ничего не скажешь, к словечкам действительно отвратительным — тошнотворным омерзением. К горлу подступил натуральный спазм. Л.З. в бешенстве схватил подвернувшуюся под руку статуэтку Родена — подарок Жака Дюкло, из коллекции казненного Лавалю, олицетворявшую, по замыслу гения, меланхолическую фигуру многолетне-

го сомнения, и хотел врезать по экрану... сучий телек... в гробу я его видел... какой Ленин?... какой, понимаете, университет?... никаких миллионов... никаких Лениных... прочь университеты... хотел врезать по экрану... к чертовой матери... имеем водородную бомбу, а до двадцати программ, как в США, не досерем, понимаете... но не врезал, потому что совершенно правильно рассудил: вечером возможен небольшой репортаж из Колонного... они не посмеют лишить трудящихся страны во всех концах, понимаете, необъятной... я увижу семью... я пойму по их лицам... можно было быть повнимательней в последнее время... что происходит?... я посмотрю на ваши поганые хари, проститутки... Ворошилов, Каганович и т. д... взрослые люди, а делаете вид, что в гробу лежит настоящий Мехлис... вот до чего довело партию непорядочное отношение к завещанию Ленина... университеты херовы... вы думаете, что вы хороните Мехлиса?... Нет... вы хороните, паразиты революции, в лице Мехлиса Госконтроль... Понимаете?... Госконтроль... и еще многое другое... другое...

Л.З. выорал все это, словно выблевал, почувствовал некоторое облегчение и снова бросился к газетам. На этот раз он смог рассмотреть фотографию чисто по-зрительски, по-читательски.

Со стороны можно было заметить, что привык человек к вроде бы намного превышающим человеческие возможности неестественным наружным впечатлениям, для лучшего пе-

реваривания которых серое вещество активно самовыделяет в подобные минуточки всесильный даже в умопомрачительных ситуациях фермент тщеславия.

Л.З. удовлетворенно отметил, что это фото — Устинова, правительственного фотографа, умело запечатлевавшего для пролетариев всех стран различные переговоры, топтания дегенеративных вождей на трибуне Мавзолея, акты награждения ими самих себя очередными орденами и траурные картинки их преждевременных уходов от нас, следовавших скоростно или же после долгих, продолжительных агоний, как в случае с нашим героем.

Он избегал взгляда на себя... это мы оставим напоследок... это мы оставим напоследок, товарищи, вместе с информационной программой «Время»... говно наше время... он с легендарной подозрительностью вглядывался в нагло пышущие здоровьем и партдеятельностью ненавистные фигуры членов политбюро. Пробовал отыскать следы искусного фотомонтажа чьих-то чужих похорон с вмонтированием... понимаете... моей восковой маски работы Вучетича, утопающей в цветах... как будто ей от этого легче... сволочи... Пробовал отыскать за кучей венков семью покойного. Не смог.

Мелькнула мыслишка насчет того, что, если не видно семьи, значит, ее не успели смонтировать из воска или папье-маше с дальнейшим вмонтированием в групповое фото... Значит, нет никаких похорон, нет никакого Колонного... то есть я жив — нездоров... решено попытаться

Мехлиса с далеко идущими политическими целями, а потом схватиться за животики на заседании политбюро... собственно, я тоже похочу... тут ничего не скажешь... хохма есть хохма... если рябая сучара разыгрывал больного Ленина, то почему не разыграть нездорового Мехлиса? Вот и разыгрывают, а ты, понимаете, как фонька-хруп с Курской аномалии, давишь соплю домашней тапочкой... надо продемонстрировать этим скотам, что Мехлис умеет достойно реагировать на сталинские подъебки... расклеился, понимаете...

Примерно так трепыхалась, догорая, надежда Л.З. на то, что вскоре вся эта тряхомудия обернется жестоким, патологически извращенным, но спасительным фарсом... что у нас после Колонного?.. все-таки... кремация... торжественный митинг на Красной... хотя, очевидно, перед этим в Колонном выставят урну с прахом... «урна»... говно это, а не урна... там лепешка воска... это — по-марксистски... фарс лучше трагедии во всех случаях жизни... признаюсь партии, что не сумел проявить достаточных душевных качеств... эх, что нам стоит лишний раз себя покритиковать?.. не до жиру, быть бы, понимаете, живу...

Л.З. постарался взять себя в руки, вновь всею шкурой как бы ощутив на хребтине преследующий глаз Наблюдателя. Превозмогая гадливость, пофиглярничал, погримасничал, как не раз делал это в угоду рябой пропадлине — большому лакомке и охотнику до всего унижительного для ближних и дальних. При-

плясывал, выпятив жопу. Вскипятил вчерашнюю воду в электрочайнике. Напевал:

«Старушка не спеша дорожку пе-ре-шла, навстречу ей идет милиционер... вы нас не слушали, закон нарушили — платите, ба-буш-ка, штраф три рубля... ах, боже, боже мой, ведь я иду домой, сегодня мой Абгаша выходной... несу я кучочку...» На этом месте мандавошка усатая обычно и хватался за животик...

Достал из заначки американский растворимый кофе — нелегальный подарок шпиона Абеля, выкравшего секрет изготовления этого блистательного суррогата вместе с секретами ядерной бомбы у добродушных ротозеев Нового Света. Заварил кофейку.

Плеснул в тончайший, в невесомый почти, словно выдутый из самого воздуха гор, в хрустальный бокальчик коньячку — подношение Мориса Тореза, из коллекции того же казненного Лавалля, — плеснул, не замечая слабости, не отступавшей уже с занятых позиций в сосудах, в суставах, в костях, во всех органах тела... Жахнул глоток, жахнул другой... умм... ум... ничего не скажешь — умел жить предатель... запил мутным кофейком... полузакрыв глаза, прислушался к проникающему во все существо кайфу блаженства... слегка окосевая, запел: «Ах, боже, боже мой, ведь я спешу домой, сегодня мой Абгаша выходной. Несу я сумочку, а в ней есть кучочка, еще две булочки и пигожок...» Не мог не вспомнить, как всегда в таком состоянии, о половых забавах... извините, товарищи, но Мехлис не успел кончить... прерванное, понимаете, сношение...

Общая слабость все же вынуждена была слегка и без потерь отступить на стратегически важные рубежи. В порядке эффективной перегруппировки наступательных сил общая слабость даже отважилась пойти на отвлекающий, зверски коварный контрманевр и сдала, некорректно уклонившись от рукопашной, небольшую низинку, не без оснований считающуюся некоторыми военными и гражданскими лицами ключевой позицией к овладению всем плацдармом...

То есть Л.З. вдруг ощутил, что его член, полностью контуженный еще пару минут назад, мужественно встает, стряхивая с себя страх поднимания в атаку, встает еще не во весь, как говорится, рост, с готовым сорваться, так сказать, с уст ором «За Ро-о-одину... за Сталина-а... ура-а-а», но по-пластунски... по-пластунски... короткими перебежками... втянув головку в плечи... Л.З. бросился к телефону.

Он чуть не заорал «ура-а...», услышав в трубке гудок, вмиг заполнивший целиком все сознание гудящим медом связи с миром и жизнью, и заулыбался этому бессмысленному гуду, действительно густому, словно озябший мед на зимнем базаре, заулыбался бессмысленно и протяженно...

Плечом прижав трубку к уху, отыскал торопливо рабочий телефон Верочек... так и скажу им: ну что, подлые предательницы, сольемся в экстазе?.. Отыскал, удивляясь, что память сдала так быстро... как в сорок первом, понимаете, мы сдавали... отыскал, набрал номер... сердце

колотилось, как прежде, в предвкушении интимно-конспиративного разговора с одной из бабеночек насчет картошки — дров поджарить и слоеных пирожков с блядьми-лебедами... странно, что никто не подходит... неужели все арестованы?.. кто же тогда делает анализы крови, кала и мочи правительственному аппарату?.. странно... ну, понимаете, это уже агония нашего здравоохранения... так-с...

— Что — «так-с»? — вдруг услышал он в трубке чей-то хрипловато-коммунальный бабский голос. А услышав, так обрадовался звуку человеческого голоса, что не нашелся что ответить. Проямлил:

— Так-с... понимаете...

— Кто тебе требуется, «так-с» нижнемуромский?

— С кем я говорю? — брякнул Л.З. с поражающей всех своих подчиненных мерзкой раздражительностью. — Кто, понимаете, у телефона?

— Етта не-е ты говоришь тутта... «кто, понимаете, у телефона»... гондон, штопанный засраной ниткой... етта я говорю. — Чувствовалось, что коммунальная хамка просто лопнет вот-вот от еле сдерживаемого смешка. Л.З. распирало от негодования, как желудок с кишечником распирает иногда от саморазвития зловонных газов.

— Вы сестра?.. С кем я говорю?..

— С ттабой... ой... ой... больно ты горяч: посерешь — пар идет. Етта я с кем говорю?.. ой... ой...

— Вы мне ответите за хамство при исполнении служебных обязанностей... У аппарата Мехлис...

— Етта... какой Мехлис?.. Мехлис? — Видимо, в башке бабы шевельнулась какая-то мысль из тех мыслей, что связывают порою с действительностью даже полных идиотов, а не только коммунальных чудовищ, притопавших из деревень в столицу вместо сотен тысяч выбывших, померших, погибших, убитых и посаженных товарищей-москвичей...

Конечно, Л.З. не стал бы в иные времена так долго трепаться с хамлом. Он уже давно соединил бы кого следует с зарвавшейся хулиганкой, но... он уже лично допрашивал бы ее где следует, с применением, понимаете, всех дозволенных, а также недозволенных средств... враг... кругом враги, но...

— У аппарата Лев Захарович Мехлис, — не желая вовсе отсоединиться, повторил Л.З. Он услышал в трубке какое-то вяканье-ойканье... затем трубка, скорее всего, шмякнулась на пол вместе с ерничавшей бабой... кто-то заорал: «Глашка... Глашка, мать твою ети... перебрала, сука...» — «Скорую» машину вызывай... укол надо...» — «Какой тте укол, когда всех жидов с работы повыгоняли... народ лечить некому... даже начальство подыхает от белых халатов...»

— Кто еще звонит? — услышал Л.З. буховатый голос другой коммунальной личности. — Тебе что, гнида, кишки вокруг шеи намотать?

— Повторяю, у аппарата Лев Захарович Мехлис. С вами мы еще встретимся там, где

следует... вы говорите по телефону последний раз... ясно?

— Ты меня поразыгрывай, падла, поразыгрывай... я те монтировкой враз сам телефон отключу, гад, блядь, так что фары растекутся по завалянке... ни один часовщик не соберет... чего баб пугаешь?

Л.З. наплевать было на оскорбления и явное глумление. Он не смог удержаться и заискивающе спросил:

— Почему, товарищ, вас удивляет упоминание имени Мехлиса?

— Сгинь, гондон... попробуй позвони еще разок... я тебе позвоню, псина. Сгинь... — говоривший повесил трубку.

Как же народу не распоясаться, когда рябая сукоедина вытворяет черт знает что с ответственными работниками, подумал Л.З. с нервностью обывателя, затравленного сюрреальными кошмарами советского быта... Значит, все-таки сообщению правительства можно верить. Народ знает о факте моей смерти. Начал поминать. Нет — монолитное единство народа и партии существует даже в будничной жизни. Его так просто не уничтожить никому. И никогда...

Оттого что теперь не нужно больше думать и гадать насчет действительного положения дел... хорошо... я умер-шмумер... будем думать, как жить дальше... и, конечно, от кофе с коньячком Л.З. почуял значительное облегчение. Хлопнул еще рюмашку и ни с того ни с сего шваркнул чудное хрустальное существо об

пол... подышать — так с музыкой... собственно, почему именно подышать?... завтра у нас... впрочем, может быть, это произойдет ночью... затем прощание с прахом в урне... Красная... а вот тогда мы посмотрим, какой вы выкинете, говно собачье, очередной ход... Мехлис готов ко всему... Вы слышите? Ведь вы, очевидно, установили микрофоны в моем организме? Странно, что я набирал правильный номер, а попал не туда... между прочим, двум смертям не бывать, а одной не миновать... одной мы еще с вами не имеем, товарищи...

Похорохорившись, Л.З. снова поплелся к телефону. Он вспотел от выпитого и ощущал испарину, как липкое расплзшееся по лицу животное. Не хотелось дотрагиваться до нее, чтоб смахнуть, стереть... плевать... Только стал набирать номер Верочек — обмер и задрожал. Захлопнулась входная дверь. Кто-то заходил в квартиру... был звук... Осторожно вышел в коридор... все еще дрожа, шуранул палкой щетки в чуланчик для обуви... прошелся по комнатам... Заглянул под кровати... вернулся к входной двери... увидел прямо на пороге плетеную корзину.

Корзина была накрыта белой льняной салфеткой, такой свежей и чистой, что у Л.З. сжалось сердчишко еще от одного обрыва... к Новому году домработница сервировала стол... скоро придут Вышинские... игривый хрусталь перемигивался с молчаливым серебром... и вот эта салфетка лезет за пазуху перед закусочкой... лезет прохладною, свежей лапкой... щекочет волосатую грудь, словно живая рука... и жена уко-

ризненно смотрит... Лев, гораздо протокольной — положить салфетку на колени... пошла ты на хер... мысленно отвечаю... неужели это конец и никогда... никогда ни с кем больше не посидим?..

Застонав от острой боли в сердце, заглянул в корзину. В ней лежали продукты. Всего понемногу. Все уложено с истинно женственной теплотой и заботливостью, столь всегда любезной Л.З. Он развернул с кривой, торжествующей ухмылкой сверточка... Колбаска вареная и твердокопченая... рыбка красная, розовая, золотистая... любимая лососиночка... ветчинка... еще горяченькие калачи от Филиппова?.. да... от Филиппова... маслинки... огурчики... помидорчики... икорка... пара вобл?.. экспортный вариант «Жигулевского»?.. Это уже садизм, понимаете...

Есть Л.З. не хотелось, но слюнки у него, однако, потекли. А торжествовал он потому, что разгадал, как ему казалось, на этот раз точно разгадал замысел рябой профурсетки... Ты хочешь, чтобы я хорошо покушал, а потом, точно к митингу на Красной начал загибаться и корчиться от яда?.. Мехлис не такой дурак, как ты думаешь... он еще имеет кое-что в холодильнике... Ага... но и эта твоя комбинация обречена на провал... ты не дожدهшься, подышающая гие на всех времен и народов, моего самоотравления...

Л.З. был доволен, разгадав многоходовую комбинацию Сталина. Сомнений у него на этот счет не было. Поэтому он хотел плюнуть на чудесные продукты, но оказалось, что во рту нет

слюны... нет слюны — и все, хотя слюнки только что текли... текли... вполне возможно, что яд был в кофе и в коньяке... почему бы нет?..

Он попробовал отсосать из десен хоть каплю, хоть слюнку, но рот был сухим, и язык в нем ворочался, словно изнемогшая от пекла пустыни рептилия... Мехлис скажет тебе сейчас, паскудник, все, что он о тебе думает... двум смертям не бывать, а одной не миновать... Мехлис работал как вол...

Л.З. хлопбыстнул еще рюмашечку... в плане, понимаете, борьбы с общей слабостью и обезвоженностью... затем бросился к телефону — к «вертушке» на этот раз, — с тем чтобы действительно на полном серьезе выложить Сталину законные упреки... Мехлис уйдет, хлопнув дверью... вы это увидите, убийцы Госконтроля...

Поднял трубку «вертушки». Зуммера не слышал, потому что в раковину уха ворвались какие-то голоса. Это была голосовая каша. Слоеный голосовой пирог. Выделить из него хоть отдельный голосок было просто невозможно, но шум быта жизни, живые его волны замораживающе освежили Л.З. Он и не пробовал с обычным раздражением бешено бить трубкой по аппарату, разъединять линию и ставить контакты, понимаете, на свое место.

Л.З. внимал. Слух его быстро начал различать отдельные голоса, затем разговоры... И, внимая им, Л.З. как бы выбрался из всепоглощающей пучины Времени на ледяную корочку его бережка. Как бы притырился, ловко длившись с ободком циферблата, от бешено завращавшихся

стрелок, от их мясорубочных лопастей, бес-
сильных выйти за положенный куст, бессиль-
ных достать Л.З. ужасными остриями... все
внимая... внимая... внимая голосам... воплям...
разговорам... вопросам... ответам... бреду бол-
товни... деловой бессмыслице... умному трепу
бездельников... преступной чуши... скандалам...
истокам различных афер... срочным вызовам...
голой половой бормотухе... хохоту... рыданиям...
безнадежным жалобам и стремлениям... абсурд-
ным сообщениям, то есть уже общению вещей,
а не людей... анекдотикам, которые, к сожа-
лению, вещи не рассказывают друг другу... вни-
мая многому другому и туповато уставившись
на стоявшие у стены часы родного деда,
Л.З. сиганул с циферблата вниз, увернувшись
от секача маятника, в его запыленный закуток,
удивительно охраняющий свою столетнюю не-
прикосновенность, но все эти сто лет упрямо
подзаводящий бычиное стремление маятника к
касанию...

И Л.З. тихо торжествовал в нижнем закутке
дедушкиных часов, рядышком с бессмертным
мешочком из нежнейшего зеленого сукна, где
сладко дремал от под заводки к под заводке
длинный стальной ключ с шишкой на затылке и
пустыми дырками глаз в пухлых щечках, тор-
жествовал, потому что изощренная жестокость
Сталина неожиданно обернулась для жертвы
пытки блаженным, от пытки же, отдохновени-
ем.

Это отдохновение от времени, эта от него
отстраненность была для Л.З. такой же абсо-

лютно естественной и реально существующей, как для всех голосивших в тонюсенькую мембрану через фантастические расстояния было несуществующим пространство...

...Я тебя, Маруся, целую... слышишь меня?... целую, и скажи Игорьку: всем хороша Австралия... только нет здесь черного хлеба и кремлевских елей... но мы тут тоже голосовали... что?... я говорю: отдали голоса...

Очевидно, рябой палач успел просечь, что допустил ошибку в работе. Все это — насчет плебейской тоски по черняшке, мудацких елок, голубоватых от налета смертного праха, вонючего голосования в Австралии за блок коммунистов и беспарточных, шутка Сталина, — было последним из того, чему внимал Л.З., забившись в темень закутка подальше от дотягивающегося... от дотягивающегося секача маятника...

Он мальчик... маленький мальчик... у мамы и папы гости... еврейский Новый год... Леву увели спать... уже поздно... он боится заснуть и ненавидит взрослых, потому что они не спят, а болтают... потому что он плачет от страха перед провалом туда, где его нет, — перед ненавистною бездной сна... и тогда он отвращается от нее в сладости самозабвения вниманием к голосам взрослых... он любит их теперь и просит умоляюще, неизвестно кого, чтобы они никогда не замолкали... голоса... голоса... голоса...

Л.З. почувствовал себя вдруг, когда выпустил трубку из рук, что его вышибли безжалост-

ным поджопником, снова вышибли... сволочи... как презренного кутенка, в мертвую тишину.

И еще он почувствовал ненависть к сознанию, возвратившему его зачем-то ко всей этой подлятине. Он бродил по квартире, ломая по привычке пальцы — пальцы почему-то не хрустели, — бродил и устремленно прикидывал: как бы избавиться, понимаете, от этого сознания... без так называемых петель, глотания снотворных и прочих самоубийств... кажется, Демьян Бедный сказал в стихе, посвященном дню рождения Лермонтова... забыться и заснуть, но не тем холодным сном могилы, а, наоборот... чтоб, дыша, вздымалась тихо грудь... именно вздымалась... не то что у моего чучела в гробу... неужели они не понимают... миллионы все-таки трудящихся... На кого они там смотрят?.. вот до чего доходит всесоюзное очковтирательство, когда хоронят Госконтроль, понимаете... как бы действительно незаметно смыться от вашей объективной реальности... чтоб ей сгнить вместе с вами...

Л.З. больше не возвращался в мыслях к тому, почему все это произошло? На это было наплевать. И вполне возможно, он решился бы все же перерезать себе глотку или вены... в этом что-то есть... французская революция... ванна... он даже бритву свою опасную открыл и загляделся на манящее острое лезвие, но, так же торжествующе ухмыльнувшись и по-игровски подмигнув рябой сикопрыге, оставил идею насчет... вжик... вжик, и — пиздец Америке... вот этого удовольствия я вам, товарищи, не доставлю...

не дождетесь... Мехлис так просто не уйдет... Мехлис уйдет, хлопнув дверью... у нас еще есть время...

Но думать о чем-либо Л.З. тоже больше не мог. Это значило по-идиотски подкармливать сволочное сознание именно тогда, когда... понимаете, из всех оставшихся сил стремишься оторваться от него к чертовой матери...

Не мог он — рука не поднималась — включить радио... Голоса диктора Левитана до блевотины нахавался за всю свою жизнь, хотя и в эту минуту чуял законную гордость за... поглядим, где будет орать этот баритон через месячишко... хорошо, если в Биробиджане... скорей всего, на Красноярской пересылке... где все вы будете, понимаете, товарищи заслуженные евреи СССР?... если бы Мехлис не был изолирован от народа... можете поверить: он не стал бы сидеть, сложив на жареном пупке маринованные руки... Мехлис возглавил бы, понимаете... вплоть до выступления в ООН... общая голодовка в Большом театре... отпустите нас, если мы не нравимся, или забудем к чертовой матери о национальностях...

Подумав так, быстро заходил из угла в угол, отмахиваясь от жужжащих мыслишек... прихлопнуть бы это сознание, как навозную муху... ведь удавалось же арестованным в тридцать седьмом членам индийской компартии ни о чем не думать, сидя на Лубянке в позе йогов... почему бы им, сволочам, не поделиться вовремя своим опытом с братскими компартиями, понимаете... нет — мы все стараемся в одиночку... в

одиначку, так сказать... вот и доизолировались... наблюдаем пассивно, как нас глушат, словно беспартийных мух на ленинском субботнике, сраные перерожденцы... номенклатурный кал...

Но как бы Л.З. ни отмахивался от сознания, оно, примолкнув было, вдруг снова, помимо человеческой воли, ненасытно-востренько находило, чем подпитаться и зажужжать, поддразнивая Л.З. самую мыслишкой об уничтожении себя — сознания, и это отвратительнее всего прочего доводило мечущееся по квартире существо до истерической нервозности.

Поэтому, налетев чуть ли не лбом на стеллаж с книгами, Л.З. уставился на кожаные, золотые, серебряные, муаровые, атласные и прочие корешки так, словно видел их впервые... таких изданий, как у Мехлиса, нет даже у рябой гуммозины...

В надежде отвязаться от настырного жужжания сознания решил отвлечь его чтением. Книгу достал наугад. Она была растрепана... Кто такой Афанасьев?.. Кажется, из расстрелянных на Нижне-Волжском пароходстве?.. Наугад же открыл страницу. Прочитал случайный абзац: *«В своем быстром полете ветры подхватывают и разносят всевозможные звуки. Признавая их существами божественными, древний человек верил, что они не остаются глухи к его мольбам, что они охотно выслушивают его жалобы, клятвы и желания и доставляют их по назначению...»* — какие желания?.. какие клятвы?.. какие жалобы?.. ветры... где я вам, понимаете, возьму ветры?.. дайте мне их сначала... тогда вы получите мольбы...

И только он так подумал, нервозно тыркнув книгу на место между кожей Ксенофонта и муаром Надсона, как... стоя на палубе правительственного теплохода, закрыл глаза, потому что волжские ветры просто выдували зрачки с белками из глазниц... гудели в ушных раковинах, всверливаясь в мозг... надували рукава косоворотки... присобачивали к лопаткам воздушный шар... проникали в человеческие кости, как в птичьи... на секунду ему показалось, что летит он в тартарары... действительно, его крепко шатануло на палубе... раскрыл рот от ужаса... в рот сразу набился ветер... замахал руками в поисках опоры... но тут его взял, слишком твердо взял под руку капитан теплохода... взгляд у капитана был откровенно брезгливым... так смотрит взрослый дядя на обкакавшегося в Госцирке мальчика... схватившись за надраенный поручень трапа, начав спускаться вниз, в каюту, к голеньким Верочкам, оглянулся... слишком мужественный капитан провожал его подобревшим, снисходительным взглядом... тогда он говнисто и сановно сказал: только не надо так смотреть, понимаете... не надо... есть не смотреть... слишком издевательски-смиренно ответил капитан... через неделю он признался, что вредительно превышал скорость правительственного теплохода с целью... кажется... организации дальнейшей слежки за служебной деятельностью через иллюминатор главного редактора «Правды» товарища...

Что с тобой делать, сволочь?.. Это Л.З. спросил сквозь зубы сознание, походя при этом на

человека, полностью вышедшего из себя от неудачной ловли блохи с плохим характером... что мне с тобой делать, трижды ебаное свойство, понимаете, материи?.. я же укокошу тебя... это еще в силах Мехлиса... укокошу...

Он удивился — в голове пусто, хоть шаром покати... пусто и спокойно... вот так... Мехлис всегда был хозяином своей воли...

Отходя от книг, пятась от них с видом торжествующего победителя и затем повернувшись к ним спиной, он теперь напоминал возможным сексотам и, конечно, самому себе элегантного в своей якобы очаровательной, неотразимой жестокости дрессировщика цирковых львов, одолевшего зверскую неорганизованность, только что зажавшего рискованную голову в яростную, но послушно разверстную пасть, подержавшего ее... понимаете... там... в пышущем адски тоскливым безумием пекле... затылок — на бестрепетном язычище... лоб — под остриями пары клыков... в ушах — рык утробы... запашок, понимаете, преисподней... мертвая тишина... время тянет резину... ебал я ваш Госцирк... но... взрыв в гнезде оркестра, и рев толпы поганой... ей кажется, что это она поголовно влезла во львиную пасть... это мой загревок всею онемевшею, обслюнявленной кожей чувствует еще взгляд растерянного чудовища... это я задом подтанцовываю на дрожащих ногах к десяти сверкающим, медным, пожарным ялдам, брезентовые рукава которых распирает от напора спасительной струи, как по утрам горячая водичка мочи пиписки мальчишечек...

Такого рода работа укрощенного сознания даже растрогала Л.З. Он шкодливенько ухмыльнулся, вспомнив, как страстно, как испорченно жаждал, будучи мальчишкой, момента клыкастого отхватывания львом башки циркового хвальбы и как злобно он презирал потом льва за оскорбительное для царя зверей смирение и нереализованное преимущество... все-таки Мехлис еще тогда был очень сильной личностью... если бы все обстояло иначе, смог бы я, понимаете, добраться до Мавзолея?.. вот и возьмем себя в руки... дойти своими силами до вершины власти... это вам не прошвырнуться по цэпэкэю с дамочкой под ручку... все они — бляди... в этом буденная вша абсолютно прав... этого у него не отнимешь...

Проходя мимо «Портрета молодого человека» (Ван Дейк), привстал на носки, дотянулся пальцем до золоченой рамы, постучал по ней указательным пальцем, как любил постукивать на подчиненных при остервенелых разносах, и прошипел: только не надо так смотреть, понимаете... не надо... на Мехлиса так не смотрят... хм... подействовало... пусть подохнет в мучениях рябая гиена... мы еще наведем в партии и государстве порядок в последней инстанции...

Л.З. действительно показалось, что он удачно превозмог очередную волну ужаса, что, может быть, самое жуткое уже позади... позади... нужно как-нибудь закрепить достигнутое... нужно продержаться...

Он, как каждый человек, стоящий на самом краю бездны и почувствовавший в приближе-

нии неминуемой гибели полную свою беспомощность, бессознательно тянулся к последней, к спасительной соломинке.

Всем нам известны счастливые и чудесные случаи многочисленных ответствий Высших Сил на безумные порывы последних человеческих надежд, сходящих, кстати, при мрачной неудаче в могильную бездну не иначе как только следом за человеком.

Вот Л.З. и дошел, в свою очередь, до необходимости молитвы. Правда, именовал он ее про себя «мольбою», поскольку память его крепко уцепилась за случайные слова в незнакомой, хоть и собственной книге... где мне, понимаете, взять ветры, когда он закупорил окна и дверь?.. где?.. кто не останется глух к моим мольбам и охотно выслушает мои клятвы, жалобы и желания... естественно, доставив их впоследствии по назначению?.. то есть ему...

Л.З. с полной серьезностью — так всегда ведут себя одержимые и слегка «поехавшие» люди — начал обследование всех оконных рам и особенно форточки, в которую он выбросил вчера восемь... членов политбюро... сырков «Дружба»... лучше бы сожрал для поддержки сил в порядке борьбы с общей слабостью.

Но окна и форточки железно были притырены к рамам. Не проникало сквозь так необходимые сейчас щели... сколько жалоб идет в Госконтроль на низкое качество жилищного строительства, понимаете, а тут... ни струйки воздуха, не говоря уже о ветрах... почему Мехлис не древний человек?.. где мне взять ветры... я вас

спрашиваю?.. берите за сквозняк всю мою антикварию-хрентикварию... дайте Мехлису сквозняк, и он, понимаете, перевернет состав нынешнего политбюро... сволочи... перерожденцы...

Вдруг Л.З. осенило. Обрадованный тем, что не успел прищипнуть сознание, он поставил один стул на другой под высокими антресолями, где были похоронены временно ненужные, но живые вещи. Верхний стул то и дело срывался с нижнего. Л.З. рычал на него от злости, как в детстве он порывивал, выходя из себя, на непокорные чижики-пыжики-палочки-выручалочки... Снова ставил... Сам пару раз чуть не грохнулся... ах, чтоб ты уже врезался виском об угол и... все... везет же некоторым людям... академик Павлов умер, докладывали, во сне...

Л.З. не случайно вспомнил «этого верующего специалиста». Он сам себе напомнил человекообразную обезьяну, не то что древнего человека, ставящую так и этак кубы, для того чтобы достать кончик манящего банана...

Наконец, чудом не свалившись с пирамиды, достал-таки с антресолей заграничную штучку — подарок видного шпиона Абеля. Это был электровентилятор последней, самой совершенной конструкции «Дженерал электрик».

Видный шпион Абель не мог сидеть без дела и в перерывах между кражами ядерных секретов занимался безобидным любительским шпионажем. С увлеченностью многосторонне развитого интеллигента тырил у промышленных фирм чертежи и образцы различных быто-

вых приборов — холодильников, стиральных машин, сексуальных вибраторов, электрозубных щеток, замысловатых биде, посудосушилок, дрелей и прочих новинок цивилизации, то есть все, без чего, по убеждению этого коммуниста-романтика, советский народ-первопроходец не сможет удовлетворять свои потребности в недалеком светлом будущем. Стырив, отсылал обходными путями видным членам партии и правительства, поскольку те одной ногой, а подчас и двумя сразу уже стояли на заветных фундаментах новой социальной формации, любезной душе видного шпиона.

Так вот, Л.З., по-обезьяньи соскочив с пирамиды стульев, хотел включить «Дженерал электрик» в советскую сеть, но американская плоская вилка не лезла... в советскую нашу круглую розетку... что, понимаете, делается... до чего дошла разница между двумя мировыми системами...

Л.З. энергично, но, на взгляд со стороны, как совершенная развалина, направился в кухню, взял золлингеновский ножище... а не проще ли приставить конец к сердцу и пасть грудью на клавишины?.. о нет, Мехлис уйдет, хлопнув дверью... отхватил одним ударом плоскую американскую вилку от провода... вот так бы... лично... своими руками... как бешеной собаке... и не ему одному, понимаете... кое-как зачистил концы и воткнул их в «нашу» розетку. Сам сел на корточки перед вентилятором. Поза была явно молитвенной, то есть показная застенчивость обывателя перед наглейшею просьбой с

еле скрываемой обидой за ее вынужденность. Сел и, в поклоне перед подношением видного шпиона, включил прибор светлого будущего на полную мощность. В розетке вмиг возникло сверкающее шипение... это... тоже выход из положения... обвязаться голыми проводами — и в ванну... нет... неприятно...

Л.З. догадался перевести вертушечку со 120 вольт на 220... тут мы ушли от них далеко вперед на целые 100 вольт... не шутка... невозможно отрицать наши достижения...

Снова воткнул подгоревшие концы... запах, понимаете... и, неистово отгоняя тень набегающего на сознание ужаса, отмахиваясь от словечка «крема...», рухнул на колени, вновь повернул ручку на полную мощность. Страсть его искреннего устремления к разрешительной мольбе была такой самозабвенно-бурной, какую бывает тончайшая ложь талантливого мошенника, умеющего внушить не только своим допоухим жертвам, но и себе, что вся нагроможденная чушь есть истинная правда...

Л.З. даже не заметил, как бесшумно крутанувшиеся лопасти забили его глаза, нос и рот серым смерчем пыли — отвратительным веществом, которое Время с непостижимым садизмом собирает в адском промежутке промеж жизнью и смертью, в пространстве тлетворного, подолгу не позволяя ему ни окончательного исчезновения, ни возвращения в круг живой природы на каких-то никому не ведомых новых началах...

Свежие ветры воздуха тут же вымели толпу

серой пыли за спину Л.З., и он точно так же, как древний человек, верил, что ветры не останутся глухи к его мольбам, что они охотно выслушают его жалобы, клятвы и желания и тотчас доставят их по назначению... С его порозовевших от надежды губ путано и бестолково срывались звуки жалоб... клятв... желаний... самоотверженно с юношеских лет... на всех участках... с вашим именем на устах... не щадя сил... кто не ошибается, тот... незапятнанной... никак нельзя заподозрить, понимаете... с новыми силами... куда партия нужным бросить... вплоть до окончательной победы над... ложь... ложь... ложь... в мыслях не допуская... лично возглавляю... хребет сионизма... возможности доказать... срывались в мольбе звуки желаний... жалоб... клятв...

И ветры, сомнительно отдававшие поначалу резиново-металло-пластмассовой вонятинкой «Дженерал электрик», очень охотно доносили эти звуки по назначению, так что большое фото отретушированной хари, с личным автографом, сорвало снизу с кнопок, колыхало, приводило из стоящего положения в полулежачее... Ветры воздуха, не такие, как волжские, но сильные, плотные, озвученные ровным, мягким гудением умной машины, ухитрились высечь из замкнутых глаз молящегося мутные от пыли капли слез и гнали их к вискам, пока капли слез с памятным, щемящим холодком не увлажнили нежно уши... он, играючи силенками, опустил окно международного вагона... спецкурьерский пролетал без остановок.. прекрасно было... раску-

лчив, понимаете... всю эту шатию-братию... возвратиться... доложить... максимальная раскулачиваемость... в процентном отношении к Украине... и вот так же зажмурить от ветра... мимо толп раскулаченных... тоскливых... голодных толп, отшатывающихся от безостановочного пролета «партийной стрелы»... недаром лица их землисто-черны и мертвенно-серы... не то что у комсомолии в трусиках... на Первое мая... Красная площадь... не щадя сил, Иосиф Виссарионович, готов к любому...

Воспоминание только поддало еще пущей беспринципности молитвенному рвению Л.З. ... согласен несовместимостью с членством... опозорив термидорианством... умоляю сохранить жизнь... уважения партийного стажа... с зачетом предварительной смерти... выставления тела... крема... похорон... стенографирования урны с прахом... кремлевской... красной...

Он заговорился до мычания... стуча зубами, повторял одно лишь слово, вобравшее в себя все остальные... у-умо-о-ляю... умо-о-о-ляю... Л.З., выходя из транса, совершенно четко сформулировал свою основную просьбу: «Прошу партию направить меня с испытательным сроком на смертельно опасную работу по ликвидации государства Израиль. Клянусь...» — и в тот же миг так чудесно был поражен откликнувшимся звуком «вертушки», что не сразу подошел к волшебному аппарату... Затем не подошел, а подполз к нему, за неимением сил, и, удерживая рукою бешено стучавшее сердце,

поднял трубку. Услышал голос Сталина... его голос:

— Сегодня мы с Маленковым и Хрущевым принимаем представителей арабского народно-освободительного движения... Это будет важный и вкусный обед. Мы надеемся услышать твое мнение относительно организации эффективной системы народного и государственного контроля на территориях, освобожденных от сионистского и колонизаторского владычества. Заодно обсудим планы твоего выздоровления.

Сталин говорил все это сравнительно долго. Л.З. шатало от счастья. Он с трудом сдерживал спазм рыдания, готовый вырваться из глотки, хватал воздух ртом, не зная, что ответить, а когда собрался, услышал вдруг свой голос:

— При всем моем желании, Иосиф Виссарионович, я физически не в состоянии быть на приеме, а тем более на обеде. — Он, преодолевая мучительную раздвоенность, хотел добавить: — Мой пламенный привет арабским товарищам. — Но вновь был опережен:

— Слабость в ногах? Сухость во рту? Запотевание лица и ладоней? Перебои сердечной деятельности? — Спазм благодарности за братскую заботу Вождя, услышавшего таки мольбы жалкого партийно-ошибшегося червя, все же вырвался в трубку «вертушки» из уст Л.З., и пришла тут же на ум ответная, полная безграничной признательности фраза, но голос снова встрял в важный разговор.

— Все, вместе взятое, по одному делу, извините за повторение вашей замечательной шутки... Аркадию Райкину до нее, понимаете...

Пока Л.З. молниеносно прикидывал, каким одним из двух Мехлисов он является, в ушах у него оборвался конец разговора:

— Ну что ж... Поговорим и закусим с арабскими товарищами без тебя...

— Приятного вампиршества...

Именно в такой ужасно каламбурной форме воспринял Л.З. свои последние слова, произнесенные каким-то другим Л.З., но подумал, что Сталин... слишком туговат на тонкий юмор... если Мехлис проглядел во фразе какого-то случайного вампира, то как его заметит Сталин?... наоборот, заметив, непременно попросил бы повторить... да еще несколько раз... пока не довел бы до унижительного изнеможения.

Сталин проделал однажды эту шутку с Л.З., когда тот по-муравьиному притаранил громоздкий анекдот на серьезное совещание, затрагивавшее демографические проблемы в связи с возможным резким уменьшением народонаселения СССР в наступающем 1937 году. Л.З. обнаглел тогда до того, что ухитрился доверительно-фамильярно нашептать Сталину этот анекдот во время выступления Н. И. Ежова. Сталин терпеливо выслушал грязную, бездарную шутку. Попросил повторить. Мехлис повторил, побывав на седьмом небе от такого неслыханного знака расположения сдержанного на ласки Хозяина. Сталин невозмутимо попросил повторить еще раз... Затем еще, еще и еще. Л.З. побито и вымученно повторял на глазах присутствовавших, обративших постепенно внимание на какую-то странную заварушку в президиуме со-

вещания. Н. И. Ежов прервал выступление. В зале была мертвая тишина. Л.З. повторил анекдот в тридцать седьмой раз. Тогда Сталин негромко сказал:

— Пусть товарищ Мехлис повторит все это тридцать восьмой раз с трибуны совещания.

Л.З. поплелся на трибуну, вспотев до ниточки и чуя пустоту полной затравленности под ложечкой.

— Товарищи, — туповато начал он, — разрешите доложить нашей родной Коммунистической партии и лично дорогому отцу, другу и учителю — великому Сталину (бурные, продолжительные аплодисменты, все встают), — в паузе Л.З. подумал: «Это — агония... затем — расстрел...» — разрешите доложить, что к императору Екатерине Второй пришли в гости ведущие товарищи: Пушкин... (возглас из зала: «Какой конкретно?») поэт Александр Сергеевич Пушкин и лауреат всесоюзных и международных конкурсов скрипач Борис Гольдштейн, прозванный за свое мастерство Бусей. Время тогда было горячее. Царский трон дрожал от натиска войск крестьянского маршала Емельяна Пугачева. Монарх, не увидев вдруг дорогих гостей, испугалась народного гнева и заорала: «Пушкин... Пушкин, где ты, где ты?...» Поэт находчиво ответил царю: «Я и Буся под столом...»

В гробовом молчании Л.З. пригубил глоток водицы из плебейского графина, и жваканье его зубов по краю стакашка слышно было в партере и на бельэтаже совещания. Вдруг Сталин, трясясь от беззвучного хохота и смахивая рукою

слезы с уголков глаз, подошел к трибуне — Л.З. выдавило с нее — и сказал:

— Я и Буся... под столом... Юмор, товарищи, хорошая штука, но давайте вместе со всем советским народом... не под столом... (Бурный, продолжительный хохот, заглушаемый овациями всего зала. Все встают.) ...с тем, чтобы наша социалистическая Родина обогнала по приросту народонаселения такие быстро размножающиеся страны, как Индия, Китай, после неторопливого затихания классовой борьбы с троцкистско-бухаринским блоком коммунистов и беспартийных. (Бурные аплодисменты, переходящие в овацию. Крики: «Даешь!», «Кормчему — слава!», «Утрем китайцам сморкало», «Смерть врагам народа».) Позволительно спросить: почему товарищ Мехлис мог модернизировать монархический анекдот и поставить его на службу СССР, а Наркомат тяжелой промышленности до сих пор не может модернизировать оборудование, доставшееся нам от царизма? (Реплика тов. Орджоникидзе из президиума совещания: «Оборудование безнадежно устарело».) Ленин учит, товарищ Орджоникидзе, что безнадежно устаревают только некоторые руководители. Хорошее оборудование не стареет... (бурные аплодисменты), тому пример — гильотина, день рождения которой, надо полагать, торжественно отметит весь наш народ в наступающем 1937 году. Считаю совещание закрытым...

О, в каком изнеможении от унижения был тогда Л.З., и какое он испытал тогда же ни с чем не сравнимое, счастливое потрясение —

загнан был по уши плевками и публичным глумлением в тоскливое зловоние могилы и тут же вознесен из нее сызнова на вершину власти да к тому же еще в ореоле доверенного любимчика Сталина и партии... как он, понимаете, умел разговаривать с народом... этого Мехлис отнять у него не может...

Адски ужасное унижение Л.З. вспомнил с подробностями, как бы смакуя его, потому что оно спасало от чувства раздвоенности сознания. Но нельзя же прокручивать подобные потрясающие воспоминания по многу раз, как пластинку Утесова «Марш веселых ребят» или «Кукарачу»...

И когда стихли в памяти бурные, продолжительные шорохи крыльев нетопырей, утробное урканье молодых посредственных шакалов и гиен с глазами, залитыми до зрачков кровью и гноем лозунгов, когда пронеслась по партеру, по уши в галстучной крови рабочих и крестьян, стая сталинских волчат, чтобы забросать почетный президиум свежими розами... пионами... сиренью, а прославленный анекдотчик, пряча физию в синеватые покойницкие гортензии, бурно отрыдал и почетно успокоился... в голове что-то еще пощипывало... покорябывало, словно патефонная иглочка в колдобиночке заигранной пластиночки... чик... чик... чик... вампиршества... вампиршества... вампиршества...

Л.З., подавляя новую волну смятения, пытался сообразить: было все это эхом... того, первого разговора или, точнее говоря, галлюцинацией? — раз... его собственный голос звучал в

трубке или сам он отвечал Сталину, а эхо, понимаете, всего лишь возвращало сказанное сознанию... субстрату сучьему? — два... сообразуется ли как-либо со здоровым марксизмом момент неожиданного опережения устной речью угрюмой невысказанной мысли? — три...

Он внимательно огляделся вокруг — непонятно в поисках чего... Выключил вентилятор, сдерживая чувство признательности до выяснения смысла происшедшего...

Снова огляделся, как бы что-то мучительно вспоминая и сказал: «Ага...»

Сказав, строго прислушался. «Ага...» — повторило сознание, но Л.З. прикидывал: «ага» сказано вслух или это была всего-навсего мысль, а вот сейчас прозвучало само слово «ага»?.. Если Мехлис говорит, то кто, понимаете, слушает?.. но если Мехлис слушает, то кто из нас, понимаете, говорит?.. это — раз... хорошо, пусть мы оба говорим и слушаем... позволено спросить: кто из двух «Я» — Мехлис... беззаветно преданный... на всех участках... торжественные похороны состоятся после... в Кремлевской стене, а кто... безусловно, трудящиеся проходят мимо него... тут не может быть никаких сомнений в объективной, понимаете, реальности... как же без нее?.. это смешно...

Л.З. явственно услышал похабное подхихивание то ли *его* над собою, то ли *себя* над ним. Ах, блядище... ты думаешь, что у Мехлиса не хватит сил поставить субстрат на свое место? Хватит и еще останется...

Его мгновенно осенил простой и замечательный замысел. То есть Л.З. показалось, что это его осенило, тогда как на самом-то деле сознанию Л.З., отлученному от неких животворных источников, настолько омерзело одиночество и бессмысленные забавы с самим собою, что это стало наконец невыносимым.

Оно и подсказало Л.З. совершенно здравую мысль: нанести удар по субстрату, по серому веществу с тем, чтобы он — Л.З. — попытался таким образом... механически... это в наших силах... избавиться от навязчиво всенастигающего раздвоения... одновременно можно схватить к чертовой матери insult... провалитесь все тогда... кремируйте, понимаете, сколько вам влезет... плевать... провалитесь вместе с похабами Верками... грязные бляди...

Л.З. бросился на диван с высокими кожаными боками и свесил вниз голову. Свесил низко, так что кровь враз прилила к ней, заколола тысячами тупых иголок в висках и в затылке, как это бывало не раз во время легких и тяжелых кризов, в глазах заволновалась тьма, потом зарябили в глазах белые колечки, желтенькие искорки, оранжевые шпилечки... думают, что Муссолини очень мучился... Муссолини имел легкую смерть...

Л.З. показалось, что к нему возвращается чувство монолитного единства с... удар подождет... инфаркт тоже... Мехлис еще поборется... посмотрим, кто из нас раньше...

Прилив крови к голове только эффективно освежил серое вещество...

Он подумал, чем бы еще вдарить по субстрату, чтобы не рыпался со своей хамской первичностью?

Только назло ему сел в кресло, развернул «Правду» и насильно принудил глаза к чтению. Повернулся спиной к лампе, чтобы не просвечивала с первой полосы чертова фотография в черной рамке с востроносим двойничком. Пробежал заголовки, многие из которых он лично сконструировал, будучи... *«Выше знамя соцсоревнования», «Оголтелая реакция ООН на мирные советские предложения», «Всенародному подъему — новую ступень».*

В сером веществе мгновенно что-то засмердело помимо воли Л.З. Защекотало десны, как бывало раньше... в канун слюноотделения, стянуло защестье, но — ни слюнки. И сразу же — снизу подхватило и, выворачивая, согнуло в спазме рвоты. Но Л.З. не сблевал, а какой-то хрипящий, раздирающий пищевод звук исторгнул из себя и отдышался... ага, проститутка... вот тебе еще... понимаете... ы-ы-к... *«Доброй славой на Кубанищине пользуется...» ы-ы-к... «Покончим с потерями зерновых перед посевной»... «Дню Советской Армии — достойную встречу»... «Погода? Нет — бесхозяйственность»... «Тысячи тонн проката — в трудовую копилку»...*

Он сполз на пол, склонился над газетой в позе нормально блюющего с перепоя товарища, и спазм за спазмом продолжали выворачивать его нутро, когда взгляд выхватывал черные червячишки фраз из заголовков, столбцов, статей,

сообщений, опровержений и прочей газетной советской отравы.

Серое вещество, естественно, не могло исторгнуть лично из себя скопившиеся в нем за три с лишним десятилетия омерзительные миазмы советской партийной фразеологии, трупные яды тысяч слов, погубленных и потерявших достойное, первоначальное значение, не могло серое вещество выблевать нахимиченный ублюдками пропаганды и агитации изуродованный синтаксис, штампованную из живого словесного вещества ложь, отдающий низким сероводородом пафос, резиновое говно критики в адрес... не могло больше серое вещество вынюхивать в «подвалах» источенные, гнилостные зубные протезы Грибачевых, Заславских, Софроновых, Ратиани — грязного легиона деловитых убийц Языка. Языка, настолько изначально благородного, что в этот вот миг, несмотря на ненависть к его мертвым и живым убийцам, мы с вами чувствуем абсолютную недопустимость мстительно обезобразить похабные имена, написав их с маленьких букв, поскольку в этом случае мы непочтительно отнеслись бы не только к прекрасным законам Языка, но и к различным сподручнее всего именно в нем основаниям нравственности... ы-ы-ык... ы-ы-ы... Мехлис умеет вырвать... но это — что-то другое... ы-ы-ык...

Он уже был не рад, что ввязался в единоборство с субстратом. Проклинал, выворачиваясь и не получая облегчения... все ваши передовые... гниды... из зала суда... сдохните... происше-

ствия... фельетон... каждый спазм выдавливал глаза... сил не было стоять даже на карачках... наконец организм, смиловившись над самим собою, дозволил исторгнуть из перекореженного чрева нечто до того жуткое — живой ошметок то ли бронхов, то ли еще какого-то органа, забивший было чуть ли не на смертельный миг гортань, что Л.З., очухавшись, поклялся вообще не брать больше газету в руки до конца своих дней... грязные проститутки... Мехлис лучше вас знает... ы-ы-ык... что такое «Правда»... ик... «Комс...».

Скомкал газету вместе со своим кровавым ошметком. Пополз в кухню. Выбросил в помойку. Дотянулся до крана — ни капли... если бы Мехлис мог это предвидеть... можете быть уверены: он давно бы уже был основным резидентом всех империалистических разведок, вместе взятых... передавал бы к чертовой матери... все секреты... все протоколы... все проекты пятилеток... все планы повышения и понижения цен... вы бы у меня повернулись жопами на политбюро... все оборонные планы... всех шпионов... все... проклинаяю... если так поступают с Мехлисом, то я — враг... очень серьезный враг...

За полстакашка воды Л.З. отдал бы сейчас всю свою нагребленную коллекцию оружия и прочий антиквариат. И тут субстрат, редко, к сожалению, умеющий брать себя в руки, подкинул самому себе в мертвую пустыню одиночества издевательски-прохладительный миражик с киоском «Пиво — воды», с Верочками, сдувающими напомаженными губками пену с «Жи-

гулевского», с бочкового... Госконтроль за этим следил... и рядом с Верочками — Л.З., изнемогающего от сладчайшей летней жажды, но удерживающегося от первого глотка... чтобы — на взводе... на взводе... как в кровати, понимаете... он чистит воблу, похабно закрывая глаза от узнавания в солоноватом запашке шкурки... сглатывая слюнки от предвосхищения наслаждения... пивко... пивко...

Это видение привело Л.З. в решительное неистовство. Ведь серое вещество — большей частью по своему природному назначению, но иногда и по зловредности — не функционирует совершенно изолированно от нервно связанных с ним печени, прямой кишки, желудка, ноздрей и даже пальцев левой ноги, которые, благодаря счастливой отдаленности от руководящего центра, зачастую очень подолгу не принимают никакого участия в духовно-интеллектуальной суете организма, а потому и выглядят, если их оставляют в покое, словно замшело-заспанные провинциалы с корявыми «будками» либо как пятерка спеленутых и духовито запревших сямских близнецов...

Так вот, серое вещество, повывая отношения с тем, что служило ему всю жизнь тлетворной отравой, задело впрямую и желудок, и диафрагму, и вкусовые рецепторы, и кишочки, расстрожило спазмами рвоты даже такую далекую от сложных задач пищеварения часть тела, как хладная и невинная мочка левого уха. Л.З., как всегда, потерял ее — бешено захотелось не только пить, но и жрать...

Жуткая жажда и волчий аппетит мучили страшной мыслью о... плевать... если там новейший яд... плевать... не каждому, понимаете, удастся съесть перед... семги с калачом... сначала пивко... воблу на потом...

А образ севрюжки со сладкими, мягонькими хрящиками посерединке каждого кусочка, окруженными золотистым жирком, вызвал в сером веществе такую горячую, жадную волну сознания, что оно в случае надобности безболезненно отдало бы за краткое лакомство руку, пару ног — все, короче говоря, кроме одной, калачик хватающей конечности и, разумеется, ротового отверстия...

Л.З. бросился в коридор. Удивляясь, что с таким трудом несет небольшую передачу, не поставил ее на стол, разложил сверточки прямо на полу и набросился... какие там, на хер, яды?... эти яды Мехлис может жрать всю жизнь...

Пиво прямо из горла и калач с севрюжкой, с балычком и с семгой, а потом корочка калачика с ветчинкой, с языковой и с любительской, опьянили Л.З.

Он начал уж отдирать милую кольчужку от воблочки, потягивая пивко, но вдруг зевнул. Зевок был каким-то подозрительно незнакомым, с каким-то вычурным выворотом скул и сбором переносицы в пощипывающую гармошку, с болью в уголках губ... ну что ж... не каждому, повторяю, удастся... хорошо, что без... но кто из нас?... плевать...

Л.З. еще раз зевнул также незнакомо, потянулся в изморе и сладчайше начал отбрыки-

ваться от действительности, растянувшись здесь же, на полу, ничего не подстелив под голову, и с одной-единственной мыслью... вот так заснуть... не проснуться к чертовой матери... скажу только спасибо, понимаете, партии и правительству... перерожденцы... срань подтележная... ряб... в случае пробуждения не забыть включить «Новости»... времечко, мать вашу ети...

Дремал он всего несколько минут, потому что после такого рода закусываний, происходящих в нервном состоянии, многие двигательные органы тела, подзакусив, чуют прилив энергии и сил. Им охота походить, подергаться в отдельности, повставать или отправиться всем вместе к дамам. Они горячо протестуют против попыток серого вещества, желающего забыться и заснуть, склонить и их к бездейственному убийству времени и дерзко вступают в группу сопротивления самодержавному субстрату.

В такие вот минуты, вынужденно являясь тихим, смурным полем враждебного противоборства различных своих частей, вздремнувший, но не проспавшийся человек являет собою зрелище поистине антисоциальное, жалкое и опасное одновременно. Это совсем не тот случай, когда активно бодрствующее сознание нудно и жестоко подстегивает рабочие члены организма, заставляя их подвижнически или рабски что-то делать, как-то дергаться, непонятно куда влагаться, идти, ползти, бежать, стоять, неметь,

потеть, мерзнуть, нагибаться, восходить на... и прыгать с... Это совсем не тот случай.

Гордо, а порою и жестоко бодрствующее сознание, одолев сопротивление косных членов, придает человеку вид выстраданно-победительный, волевой, стоический, хотя весьма усталый или обалдело-растерянный.

Но когда косным пяток минут тому назад членам взбрело вдруг в энергичные мышцы, жилочки, хрящи и кости поиграть силушкой или почесаться с поковыриванием в носу, что всегда сообщает людям вдумчивым, как, впрочем, и легкомысленным, хрупкое чувство возвращения в блаженство каменной эры, а сучье сознание назло затягивает в полуболотную современную дрему, — вот тогда человеком овладевают демоны обидчивости, капризности, надругательства над окружающими людьми и вещами, а также демоны непредвиденного разрушения существующего порядка...

Л.З. в странном возбуждении вскочил с бухарского ковра. Оглядел окружающие его вещи так, словно видел их впервые, пораженный их очевидной ненужностью... какой буфет?... какая, понимаете, еще «горка»?.. хватит с нас ленинских сифилисных горок... что-о-о?... зачем картины?... почему скальп равнина?... Мехлис прекрасно обходится без стола...

На секунду отнес непонятную реакцию на привычный, никогда не раздражавший быт к коварному действию сталинских ядов, которых он явно перебрал с закусоном, но странный

подзадоривающий зуд отвлек от опостылевших страхов.

Тогда Л.З. схватил висевшую в скрещении со старинным мушкетом доисторическую дубину — конфискована при захвате на месте раскопок антипартийной археологической экспедиции — и отметил, что дубина словно специально выточена для его правой руки... плевать... если меня... то нечего им тут, понимаете, громоздиться... мещанская мразь... а если я... победю?... побегу?... обойдемся без них... плевать... можно жрать и спать на полу...

Ни колоть дров, ни обтесывать камень, ни вбивать сваи и пасынки Л.З. не умел, но размахнулся он так обученно и так врезал с ходу по граненым стеклам породистого буфета, что первым делом пожалел, что этого ударчика не видит Буденный. Затем врезал еще раз, перебил выточенные, инкрустированные стойки, так что с полок посыпался китайский фарфор... интересно, знает ли Мао об издевательствах над Мехлисом рябой проказы?... не заметил, как поранил босые ноги осколками стекла... начал валить полубитое тело вещи на пол...

Свалив, утер пот со лба, вздохнул первый раз за несколько дней полной грудью — благотворно сказалось расширение сосудов от физического труда — и взялся за столовый стол со стульями... до основания, понимаете, а затем мы... Стол сокрушить до основания не удалось, но Л.З. исколошматил чудесное старое дерево до неузнаваемости, да еще искорябал вдобавок черенками битой посуды... Стулья просто брал

за ножки, отложив дубину в стороночку, и бил спинками о подоконники, пока спинки не оставались в руках, а сиденья и ножки не разлетались... понимаете, к чертовой матери...

Он буквально опьянел. Выходить из этого состояния... не может быть и речи... Мехлис знает, что он делает... Наоборот, страх, что состояние это может не возвратиться и он останется в нескольких тупиках сразу, не имея возможности выбраться даже из первого, прибавлял Л.З. самозабвенного бешенства...

Был даже особенный восторг и дрожь вдохновения, когда, сорвав со стены «Портрет молодого человека», он топтал его славное, живое лицо окровавленными ногами... попускай, сопляк, кровавые нюни... и не надо так смотреть, понимаете... не надо... попускай... молчать... что-о?..

Сбегал за бритвой и — откуда только бралась урочья сноровка — «пописал» опасною «мойкой» по глазам... по глазам... по губам... от виска до виска... вы у меня посмотритесь...

Продолжал «расписывать мойкой» все, что можно было изрезать и расковырять, а вспарывая подушки, рычал... еврейский погром... понимаете... должен быть делом самих... так называемых... еврреев...

Порезал любимой бритвой руку и пришел в еще большее бешенство... ты?.. порезать Мехлиса?.. вставил безжалостно лезвие в трещину стола и сбоку оттянул его ножкой стула... Половинка, хрупно звякнув... тихонько взыв, отлетела в сторону... сталь, называется... сссволочь...

Когда порядком устал, принялся за методичное разрушение различных ценных и обыкновенных вещей и вещей. Особенно приятно было класть на пол мраморные статуэтки — и дубиной по горлу... чик... вас, гражданочка, больше нету... все вы бляди... бляди...

По бронзовым лошадам Л.З. колошматил просто-таки с упоением, воображая, что выводит из строя конный парк усатой мандавошки. Колошматил, пока лошадки не превращались в каких-то полукляч и испоганенных раскоряк.

Но полноту кайфа, как теперь говорят, Л.З. схватил от убийства дедушкиных часов. Ростом они были выше его. Это всегда почти раздражало, но раньше не мириться с этим было бы нелепо... хватит, понимаете, тут ходить... я что-то сказал?... выбил сначала дубиной, стекло замечательно стройной двери, прожившей с механизмом такую добрую, близкую, достойную жизнь... повис на ней, сорвал с петель, отшвырнул в сторону... потирая руки и натурально урча, оторвал маятник... старые часы продолжали идти, но это уже была не походка, а дергающееся семененье... Л.З. зашел сзади, поднапрягся... Часы рухнули лицом на пол, но не испустили дух... Он перевернул их кверху циферблатом, что-то вздрогнуло в сером веществе, вспомнившее первое знакомство Левочки с часами... замороженность их усатой, таинственной круглолицестью... две черные родинки, куда его ручонка так и не смогла воткнуть громадный ключ... цифирьки на чистом зелом лбу... не напоминать, понимаете... Мехлис не

любит, когда ему напоминают... взгляделся с ненавистью в самую дальнюю память... колошматил с вывертом, пока часы продолжали идти, а, затихнув, вдруг начали бить... бить... бить... и били ровно... с изысканнейшей манерой ожидания отдаления от себя предыдущего «бо-омм»... били ровно... словно не были жертвой человеческого насилия... так, возможно, билось бы сердце в груди самого убиваемого людьми Времени, когда бы Время не было таким... относительным... били ровно... и Л.З. бил... бил... бил... били ровно... столько, сколько били всю свою жизнь каждый положенный час...

Но последний бой... двенадцать раз... заполнил пустыню в этот день вторично. Обезумевшее существо, саданув дубиной по лицу, отбросило стрелки назад... вперед, понимаете, время... вперед — так оно порывивало...

Внутри механизма вдруг с живым криком сорвалась не избежавшая всего завода пружина... тихонько, но судорожно скрежетнули... звякнули зубьями колесики... тикнуло... часы хотели пойти, но не могли... все...

Тут Л.З. спохватился... который, кстати, понимаете, час?... что у нас сегодня?... минуточку, минуточку... товарищи, сегодня же у нас репортажик из Колонного зальца... фу-ты ну-ты...

Довольный тем, что не успел «размандячить телик», Л.З. расчистил место на полу от стекла, деревяшек, обломков, лоскутьев от уже непонятно чего. Включил. Стоять у него не было сил. Прилег... не опоздал... чтоб вам всем... прохиндейская мразь... Диктор что-то вякнул, поте-

ряв якобы возможность сдерживать волнение насчет... доложили Центральному Комитету и лично... дальнейшего освоения... необходимого Родине вещества... Л.З. слышалось — успешного раздвоения существа...

Вырвал звук к чертовой матери. Смердение языка, им же отчасти отравленного, было нестерпимо... все прекрасно понятно без звука... додумайтесь, сволочи, без Мехлиса до нового почина... тьфу... беззвучная пропаганда и агитация... молчаливость соцсоревнования... ы-ы-к... размаха шаги, понимаете, саженьи... ы-ы-к...

Наконец по пластмассовой роже диктора Л.З. понял, что сейчас... Все же включил звук... из лебединой, понимаете, песни слова не выкинешь... с беззаветной преданностью... на всех участках... организаторские способности... отмечен наградами Родины...

Камера операторахватила на миг из вечно-цветочной каши его. мое?.. его?.. лицо... ничего страшного... толково... этого у меня не отнимешь... неужели нельзя показать подольше?.. и тут, понимаете, спусть рукава... в почетный караул встают видные деятели партии и государства... ученые... композиторы... руководители московских предприятий... я их ебу, понимаете... ебу... Где семья? Почему Мехлис не видит семьи? Опять показуха сидит на чернухе и очковтирательством подгоняет?.. извините, товарищи... тысячи москвичей и гостей столицы оплакивают... вместе с семьей покойного... где это вы видите, что они оплакивают?.. посмотрите на эти хари — нескрываемое удов-

летворение... не слишком ли спокойна семья покойного?... народные артисты Николай Крючков... Борис Андреев... Петр Алейников... известные антисемиты... что им стоит излить слезу по высшей ставке?..

Л.З. ворчал так придирчиво, потому что отмахивался от вновь наседавшего ужаса. Его нисколько не взволновал вид семьи — камера бегло скользнула по лицам близких... ни тебе крупного плана... ни минуты, понимаете, прощания... как бы то ни было... бок о бок с супругой...

Ужас от предчувствия неминуемого явления одной невыносимой мыслишки все усиливался... Мыслишка эта даже казалась старой, но навсегда похороненной знакомой... Л.З. скрючился... втянул голову. в плечи... вот-вот настигнет...

В этот момент в толпе прощающихся с ним трудящихся, но ближе остальных к «очку» камеры, Л.З. увидел... этого не может быть, товарищи... что же это такое?... как?..

Несомненно, по экрану проплыли Верлена и Верста, скашивая, по мере приближения к утопающему в цветах... и удаления от него же, четыре своих глаза... в руках авоськи... после Колонного пойдут, суки, в Лубянский гастронорм...

Ни мстительного злорадства... ни последней издевки... ни глубокой тем более скорби... ни остолбенелости напряженного любопытства, столь родственно свойственного человеку при взгляде даже на малознакомый, а то и на вовсе чужой труп, различить в выражениях лиц стра-

стно обожаемых любовниц Л.З. не смог, хотя сорвался с пола и чуть ли не приник к экрану... вылетела из него голубенькая искорка разряда и напугала... он подался... остановить, окликнуть... внести ясность в... завтра... с прахом в Кремлевской стене... не жалея сил... в подготовке к весеннему севу... в закрома Родины... проклиная...

Л.З. хотел разmozжить телик... к чертовой матери... значит — арестованы... просто продали... скорее всего, продали давно... работали на двух хозяев, о-о, наперсницы, понимаете, разврата... нет, вы видели этих блядей, которые нахапали для себя и своих паскуд миллионы?... злоупотреблял служебным положением... на всех порученных участках... разве после этого стоит жить?... с другой стороны... в честь погибших отца и матери бляди не преминули бы внешне выразить яркое внутреннее глумление с красноречивым пританцовыванием над трупом покойного... Мехлис умеет формулировать... уж этого у него никто не отнимет... проститутки... панель... типичная панель... с другой стороны... Сталин правильно учит: перед тем как спросить «Что делать?», задайте себе вопрос: «Для чего?» ...для чего все это, товарищи?..

Тут чуялась не тень спасения, но возможность помозговать на эту тему, однако Л.З. не мог не возвратиться к той невыносимой мыслишке с тем, чтобы... покончить раз навсегда... при любом исходе поповщина недопустима... Мехлис не тот человек...

Хорохорясь, он изнемогал от навалившейся

жути немыслимого подозрения — неприятно припомнился стиль философских дискуссий с заранее предрешенным результатом, происходивших некогда в кабинете главного редактора «Правды» и в просторном зале теоретических конференций Главполитуправления Красной Армии...

Л.З. был тогда одним из зачинщиков всесоюзной борьбы за полное изгнание из родных языков советских людей — людей нового типа — вводящего в ряд существенно вредных заблуждений поповского понятия и слова «душа»... можем ли мы допустить, чтобы... такой же анахронизм в эпоху торжества марксистского, как... несовместимо со всеобъясняющим материализмом, который... не только, но и... в бухаринской «Правде», просочившееся, как, например... душевное равновесие... от души выдали на-гора... вложить душу в порученное дело — долг каждого бойца продотряда... душа партработы на местах... позволительно было спросить себя... и мы никогда не сбросим с разума тяжкого ига веков, если... начинать надо сегодня же, потому что язык есть у каждого... партия ждет, что... не только не держать за зубами, а в частных случаях допускать, но конкретно... врагам зарубить на носу... приучать с детских лет... нет души... эрго — не должно быть и слова... дуализм несовместим с дальнейшим... поручить в кратчайшие сроки... из всех словарей русского и других... лучший подарок к шестидесятилетию родного и любимого...

Одним словом, теоретическая работа, своев-

ременно подкрепляемая рядом существенных мер по уничтожению души человека и души народов, серно кипела, пока ее не сняли с повестки дня серьезные усилия партии по укреплению дружбы с фашистской Германией.

Л.З. даже одернули сверху за увлечение теорией, но уцелевшие старые большевики при встречах с ним по-партийному жали руки и похваливали... вы это, Лев Захарович, отдубасили, как Ильич... ха-ха... считаем остракизмирование словечка «душа» шагом вперед... безусловно — историческое... бэ-зус-ло-вно... это — победа партии... резкий подъем уровня философского... дожили наконец вопреки...

И вот, изнемогая от жуты очень серьезного навалившегося подозрения, Л.З. спешно общупал свое тело... неужели и тут дал маху марксизм-херов-ленинизм сраный... в порядке головокружения от?... пощипал мочку уха, которая служила всю жизнь чутким средоточием ряда чувств... заглянул в штаны... погладил дряблые ягодицы... понюхал подмышки... объективно, понимаете, выходит, товарищи... если там... в Колонном тело, то... нонсенс, как сказал бы Ильич... зачем душе муде и волосы под мышками?... попахивает неразрешимой анатомией в духе... нельзя не отметить, что в этом случае все встает на... Гегель, оказывается, прав, а... интересненько, понимаете, столько лет... нет еще одного белого пятна... сейчас бы взять самого сифилисного паскуду за бороденку, тыкнуть в меня носом, тыкнуть — и тыкать, тыкать, тыкать сопаткой философской мерзавца,

вводившего с вредительской целью в заблу... партию и народ... лично Мехлиса... сволочь... тысячелетиями утверждали люди поумнее мстительного венерика из Сим... *есть... есть... есть...* а он выкинул ручку... хамло... **нет... нет... нет...**

Уже не в силах успокоиться, Л.З. сидел на полу и возбужденно обмозговывал массу новых, причем «принципиально новых аспектов»... «действительного положения дел» и много чего иного «в преддверии практических выводов», как он про себя выражался. Правда, различные «благоприятные перспективочки», открывшиеся в связи с «непредусмотренным дуализмом», сразу же затуманивало «временно неразрешимыми противоречиями».

Впрочем, Л.З. сразу же страстно переустремлялся от булыжноголового материализма к безбрежному простору субъективного... тут, понимаете, есть где развернуться с моими организаторскими способностями... идеализма...

В силу «номенклатурной бесплотности» ему представлялось возможным и даже необходимым незримо присутствовать на заседаниях политбюро. Присутствуя, он, бэ-зус-лов-но, корректно... воодушевлял бы... когда нужно, смущал бы распоясавшуюся рябую харю... пусть шалее от дальнейших подозрений...

Л.З. был человеком неумным, но и он не мог тут не призадуматься насчет природы подозрительности, кажущейся многим людям просто уродливой патологией человеческого характера.

Было так увлекательно, так занято, как бы-

вало при чтении фантастов, думать, что он — Мехлис, — безусловно, не единственный невидимый наблюдатель, следящий за действиями рябой погани и остальных перерожденцев из политбюро. Никого, конечно, из посторонних. Только Маркс, Энгельс, Ленин, с оговорками — Плеханов. Троцкий и Киров с Николаем Островским... никаких Крупских... в гробу я видел эту базедову болезнь... А Сталин чувствует, но понять не может. Вот оно что! Вот оно что!

Представлялось, что вся эта компашка **присутствует**, непринужденно выполняя над зеленым полем стола заседаний, над взлетной полосой государственной и партийной, разумеется, мысли фигуренции высшего пилотажа... им-мельманчики... бочечки... штопорущечки... копия Дня авиации в Тушине... все допущенные обмениваются деловитыми, саркастичными, порою убийственно саркастичными... бэ-зус-ловно, неслышными репликами одергиваем, понимаем, вкручиваем мозги... вдохновляем.. если бы до меня не **присутствовали**, то до чего бы уже рябая глистоперина довел страну, партию и народ? а красный террор?.. Я так и спрошу душегубку Ильича: что вы, Вова, теперь скажете? Сик? Насикали, понимаете, накакали... время — вперед, видите ли...

Л.З. с искреннейшим сожалением и зачаточным чувством вины дотронулся большим пальцем ноги до искореженных стрелок часов. Поежился и пошарил глазами под потолком: помешалось, что дедушкина добрая душа с печальным осуждением... ну хорошо... хорошо...

часы-усы... может быть, ты скажешь, что нам нужно время? ...это им нужно время... а для таких «ходиков» мы еще не имеем достаточной жилплощади, люди ютятся в подвалах и спят друг на друге, понимаете... хватит им будильников...

С сожалением вновь уставился на разбитые прекрасные вещи, на бессмысленно уничтоженную мебель и посуду. Итогом невеселого разглядывания было не нравственное сокрушение, что в принципе могло бы произойти даже с таким монстром, как Л.З., но похабно извращенное его сознанием, выстраданное всеми мудрецами мира чувство высшей соотнесенности. То есть некоторое освободительное оправдание варварству он нашел в вечном скептическом отношении человеческой мудрости к развратному обрастанию вещами и вообще бытом, в нелепом принесении чуда жизни и свободы в жертву всего тленного... ну хорошо... хорошо... Мехлис выпустил вилкой воздух из заграничного надувного вашего стульчака... главное, понимаете, поспать вовремя, а не усаживать и без того мягкую жопу... разнежились... разъездились... разодеколонились... разodelись... разлеглись... разожрались... распустились, понимаете... все-таки мы — коммунисты — совершенно верно лишаем народ всего ненужного... исторически тут не может обойтись без лишения народа необходимого, но...

Л.З. возвратился к парению над столом заседаний политбюро вместе со столь именитой компашкой. Он был всерьез взволнован пра-

вильным пониманием природы сталинской уродливой подозрительности.

Л.З. совершенно обессилел от долгой умственной работы. Он, собственно, и не был никогда человеком думающим. То, что принималось им и окружающими его людьми за труд ума и за ум вообще, было на самом-то деле искусным, хорьковым, кротовым, шакальным, нетопырским, змеиным, глистообразным и бактериальным мельтешением и изворачиванием в нечистоплотных лабиринтах советской власти.

Подумав о метафизическом с немислимым раньше отрешением, как бы взорлив над несовершенством земной партийной работы, Л.З. вновь общупал себя. Подергал старинное траурное одеяние скорбящего гранда. Телесность и сукно с черным бархатом весьма смущали... позволительно спросить: зачем?... при чем тут, товарищи, все это... мясное... кожа... кости... шерстяная хлопчатобумажность?

Он лежа упивался блаженством дарованного вдруг покоя. Продолжать препарировать это чудное состояние было просто страшно. Страшно было спугнуть его неосторожными усилиями слишком что-то уж возбуждвшегося ума.

Чудное состояние не с чем было сравнить. Времени для него не существовало. Это чувствовалось физически. На пространство, напоминавшее комнаты музея с экспонатами революционных баррикад, было уже начхать. Тело словно улетучилось в эфир... зря отрицали... сообщая всему остальному умонепостижимую легкость... за это, понимаете, не жаль отдать

три внеочередных отпуска в Сочи... Открывалось что-то до того необозримое, незамутненное сутолокой буден — просто бескрайняя необозримость... целые горы ошибок... недочетов, понимаете... вопиющих недостатков... не единые противоположности... лицом к лицу с ярко выраженными противоречиями... дух захватывает от уклонов... перегибов загибов... загибов перегибов чаяний трудящихся в крайности блистательные перспективы развала сельского монолитного единства промышленности группы «А»... вангарда передового человечества... можно забыть... забыть... забыть... забыть...

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Он приснился себе стоящим на вершине власти, Седьмого ноября 1954 года по старому стилю и 0001 года по стилю новому, в первую годовщину конца предыстории и соответственно начала истории человечества.

Стоя рядом с величайшими вождями, мудро направившими ее ход именно в эту точку пространства и времени, Л.З. с чувством законного удовлетворения, от которого теперь уже навсегда был отбит тревожный привкус удовлетворения незаконного, принимал парад историков.

Совершенно голые историки, поигрывая умашенной маслами и помадами мускулатурой, держали над гордыми головами посрамленные чучела одетых с иголки предысториков.

Все чучела были замечательно сделанными по последнему, то есть по первому слову исто-

рической техники, копиями всех тех так называемых гениев, которые, внося свой крупный вклад в... тем не менее объективно тормозили поступательный ход косной истории к...

Л.З. являлся Высшим Ответственным Лицом (ВОЛ) за подготовку и проведение парада. Состояние его было неопишимо триумфальным. Но, триумфствуя, он одними лишь руководящими взглядами направлял... приводил в действие... корректировал... способствовал... увязывал безотчетные усилия демонстрантов... доводя до...

Гармонию целого не сотрясала грубая пневматика сводных духовых оркестров, оставленных по распоряжению Л.З. за порогом истории.

Но, однако, на одном из скалистых отрогов Вершины Власти располагался скромный коллектив аккомпаниаторов нового типа. Буся Гольдштейн грациозно перебирал чистыми пальцами обеих ног струны шотландской арфы. Руки его были ничем не заняты, но чувствовалось, что они знают, куда себя девать, и из-за пережитков прошлого тянулись поковырять в носу, в ушах, почесать то одно, то другое. Нечеловеческой волей любимчик Сталина удерживал от всего такого свои освобожденные в борьбе нового со старым музыкальные конечности.

Молодой Эмиль Гилельс вел себя точно так же, как Буся, сидя над клавесином и с поразительной тонкостью бегая пальцами ног по белоснежной клавиатуре. Л.З. глянул в сторону Буденного, стоявшего рядом со Сталиным. Сам Л.З. расположен был до обидного ужасно близ-

ко от пропасти, всегда почему-то отвратительно соседствующей и непосредственно примыкающей к Вершине Власти.

Л.З. глянул на ненавистную ему фигуру уса- того хамла и подонка. Глянул и понял, что Буденный всею силою своей кавалерийской воли удерживает себя от ...пер-ды-ысторического... ха-ха — Л.З. хохотал во сне — пердежа, к чему маршал давно уже привык, изнывая от тоски в правительственной ложе Большого во время апробаций очередных балетных новинок и томительного ожидания расстреноживания и разнуздывания кобылок кордебалета в домашней конюшне... Л.З. с замиранием сердца ожидал трагической развязки страшного борения вонючего антисемита с угрюмо-бурным напором внутренней стихии.

Вот сейчас Сталин раскурит трубку, не спеша попытит, нейтрализуя непочтительные миазмы военачальника, нажавшегося гороха, и вlepит ему пощечину... сейчас... сейчас... На роже Буденного уже появился кислый сигнал — предвестник неминуемой капитуляции перед ничем временами не брезгующим Роком. По вечно загорелой этой роже пробежали предварительные тени вины и смирения...

Но... Буденный, что-то деловито шепнув Сталину и как бы получив от него «добро», вдруг резко направился, балансируя над пропастью, в сторону Л.З... Вот он встает с наветренной стороны, с правого фланга, похабно и гнилозубо лыбится... Л.З. тут же переходит на правый фланг, оставляя Буденного на левом, со сто-

роны подветренной, освобождая ему место на краю Вершины... Буденный вновь маневрирует... Сталин строгим взглядом одергивает обоих...

Левый ус Буденного мерзко щекочет правую щеку Л.З. ... Ус навек провонял дегтем, конским потом и кислой капустой... Л.З. умело задерживает дыхание, как некогда в детстве на уроках истории, когда он и еще один башибузук играли в газовую атаку, еще не вошедшую в арсенал военного искусства человечества.

Л.З. задыхается так, как наши организмы позволяют себе задыхаться только во сне... не хватает дыхания... близится полное удушье полыхания, к счастью, оборачивающееся во сне моментом пробуждения... не... хва... та... По углубленно вдумчивому лицу усатой сволочи пока еще только видно, что он сделал-таки беззвучно свое черное дело... Из спертой глотки Л.З. вот-вот готов вырваться натужный хрип первого крика... Мехлис скорее умрет, чем... Буденный наклоняется к Л.З. и шепчет с лошадиной губошлепостью: «В здоровом, понимаешь, теле здоровый дух, как указывает етто... сивый мерин тохес. Ага?» ...Л.З. готов погибнуть... отворить ноздри?.. нет... нет... твердое нет... последний миг сопротивления...

И тут Л.З. слышит спасительный рокот десятков авиамоторчиков... Его замысел... К Вершине Власти приближается шумливая эскадрилья голеньких девочек старшего пионерского возраста. Они навевают волну аромата духов «Красная Москва» на шеренгу вождей... Волну

свежести и всемирной надежды всех простых людей доброй воли... Собственно, свежесть эту и ласково-бодрящий ветерок, смывший к чертовой матери «здоровый дух» маршала, нагоняют серебристые пропеллерчики, невидимо вставленные и крепкие, розоватые пионерские поп-ки... стремящие полет наших, понимаете, крыл... девушки, держа в лапках букеты полевых васильков и ромашек, напевают «А вместо сердца — пламенный мотор...» и подлетают все ближе и ближе...

Л.З. до того пьян от спасительного аромата и свежести воздушных волн, что тычет Буденного в бок и алчуще вопрошает: «Штучки?.. Ага?» Мерзкий враг краснеет, поднатужившись еще разок, словно собирается с мыслями, не зная, что сказать, и ответно шепчет: «Отменное бабцо...» Казарменное зловоние тут же коварно настигает-таки затравленное обоняние Л.З. Это пахнет крушением всех надежд, но... К нему мгновенно подлетают, сделав переворот через крыло... как бывало в кровати... Верлена и Верста — милые Верочки... вновь после горечи жжения в носу и гортани щекочущая прохлада свежести... от телесной наготы и знакомого до боли, понимаете, родного запашка... легонько вспотевших... что уж тут говорить... в полете распутниц... Л.З. просто шалееет... с ужасом думает о происходящей у всех на виду стремительной эрекции и смотрит себе под ноги...

Это — очередное крушение всех надежд... Оказывается, все вожди, топчущиеся на Вершине Власти, облокотясь на полированный крас-

ный мрамор, одеты только наполовину... на верхнюю половину. Снизу ничего нет. Никакого намека на трикотажные кальсоны с выпертыми спереди, как у лошадей сзади, мослами, ни ситцевых безликих трусов — ни-че-го... дожили... вот до чего доводит партию осквернение завещания Ленина... Но ладно еще раздетость и босоноготь. Ноги не мерзнут, потому что Вершина кое-как обогревается системой демократически централизованного отопления. Водяная жидкость гонится при этом снизу вверх от вечно живого, покоящегося в основании Вершины Ильича с целью дальнейшего подогрева кремлевских сирот. Ноги-то у всех вождей — вовсе и не ноги, а дикие копыта, покрытые грязновато-жидковатой сивой, гнедой, буланой, пегой и прочими щетинами. Только у Сталина... поставившего, понимаете, себя над партией и народом... нагуталенные копытища донизу прикрыты густыми, как у породистых битюгов, чубами щетинищи... Но что особенно удивительно — бабки-то у всех вождей разные... У брюхатого Кагановича — кривовато-тонюсенькие, словно у рахитичной антилопы. У Берии — тоже, но с какими-то грязными наростами. А вот у кашеистого Суслова — опухшие, слоновьи тумбы. Аккуратные в общем-то мослы лишь у жопоморды Маленкова и у лаптя крошечного Никиты... очень странно. Только у Сталина мослы перебинтованы, как у лошади, принимавшей парады в предыстории...

У Л.З. обрывается сердце, когда он замечает вдруг поверх своих непедикюренных копыт ка-

кое-то подобие лошадиных тапочек, но синюшно-беловатого цвета... что это?.. что это?.. почему?..

От ужаса белых тапочек отвлекает бурная, продолжительная эрекция, происходящая у вождей за бруствером Вершины... вот до чего доводит преступное умаление целей Госконтроля...

Девушки парят вокруг вождей, словно весенние птички вокруг полуголых древесных исполинов, осыпают лепестками цветов. Щебечут все ту же песню.

Л.З. простирает благодарные руки к Верочкам... слюнки текут — так охота похлопать крепенькие попки, остерегаясь при этом травмы пальцев рук от лопастей пропеллерчиков... понакрывать горячими чашами ладоней умо... умо... я вас умоляю... четыре с ума сводящих коленки... украдкой... как бывало в кино и в поезде... посадить на минуточку... я вас умоляю... на сучок... о фурии счастья... они уже стремят полет своих крыл...

И тут снова заходит с правого фланга усатая падаль... скудный жмых ипподромов... бздилогонная помпа... заходит и начинает оттеснять Л.З. к краю... к краю... теперь уже не до половухи...

Л.З. истерично и судорожно сопротивляется... крик, как назло, застыл у него в глотке... вша колетса черными усами... в каждой волосятине — звонкий натяг стальной стрелы... это — два разящих пучка часовых стрелок. Эх, дедушка, что за невеликодушное мщение?..

остается пара шажков до разверстой пропасти, дышащей, словно буденная мразь на зимнем фронте хамским перегаром... взопревшей, заиндевелою сбруей... портянками мертвецов... кислой все той же капустой... тюремным моргом...

А эти поганые бляди, это пионерское говно, которое Л.З. спас от коммунального советского прозябания, которое вспоил и раскормил... дал в руки тайну смертин... озолотил, злоупотребляя, понимаете... они уже трутся ляжками о портупею Первой конной... стоит ли после этого состоять в партии?..

Л.З. пошатывается. Он отчаянно пытается сохранить необходимое равновесие. Но скользят копыта, обутые в белые тапочки, подтыкивает усатая падла пучками часовых стрелок... эх, дедушка, ты-то умел прощать... начинает кружиться голова... дайте руку, дешевки позорные... протяните же руки... Мехлис дал вам, понимаете, все... вы имели...

Он падает на колени. Успеваает крепко обнять правую слоновью тумбу Суслова. Прижимается щекой к красно-желтым, сукровичным образованиям застарелой экземы, кишасей беленькими червячками и облепленной воронено-оружейными мухами. Суслов заводится злобным чахоточным кашлем, харкает в лицо, дергает тумбой, пытаясь освободиться от жидовской твари, так и тянущей за собой в пропасть. Но у Л.З. хватка мертва. Он, собрав последние силы, подтягивается повыше, заносит обе ноги на край парапета. Их успело прихватить адскую стужей... Дешевки парят над ним, хохочут, что-

то выкрикивают... заметишь там мамину брошь — кинь наверх... Левка, тебе же не трудно... там должна быть папина золотая челюсть и орден «Знак Почета»... кинь наверх... ах, блядь... ах, блядь... это вы мне, который...

Л.З. удается поймать взгляд Сталина. И взглядом же спросить... за что?.. почему я, а не Каганович?.. не конструктор Гуревич?.. не шпана Утесов и диктор Левитан?.. почему?..

Каганович бьет своим копытом по рукам Л.З., ликвидируя мертвую хватку. Л.З. разжимает объятия, но перехватывает ногами, тоже мертвую, жеребцовые, крепкие, нетерпеливо поигрывающие конечности Хрущева и Маленкова — левую первого, правую второго — и так вот висит вниз головой, чувствуя, что теперь уже — пиздец, и, принимая это как неизбежность, но испытывая, как это ни странно, перед окончательным низвержением некоторый интерес к внешнему виду бездны и к склонам, давненько исчезнувшим из поля зрения...

И ему открываются склизкие от кровищи, говна, харкотины, ошметков серого вещества, гноя, грязные от обрывков кишок, хрящевого крошева, размолотых позвонков, растерзанных партбилетов, протоколов, мерзкой газетной каши, — открываются Л.З. непотребные склоны Вершины Власти. Открываются, и жестоко прет от них узнаванием мельчайших подробностей, давно, казалось бы, похороненных в заматающей следы памяти.

И еще открывается то, что Вершина Власти походит, оказывается, на узкую мавзолейную

трибуну, расположенную на самом краю некой пирамидальной фигуры, поставленной вверх основанием, так что основанием теперь служит ее усеченная верхушка, где и подгазовывает систему центрального отопления папьемашистый перегной В. И. Ленина.

Л.З. догадывается вдруг, что такое положение в пространстве Вершины Власти делает невозможным для вождей, на ней утвердившихся, взгляд на склизкие, зловонные, кроваво-грязные склоны и на гниющие у самого их подножия трупы политических врагов, друзей, товарищей по работе, родственников, подчиненных, учителей, бывших начальников и случайных граждан, ненароком залетевших в кроваво урчащую мясорубку-душегубку. Геометрия положения открывала взгляду вождей исключительно окрыляющие перспективы...

Удивительно, что кровь не прилила к голове, а отлила от нее в ноги. Голова была необыкновенно ясна. Ужас, ее объявший, обрел стойкую, пронзительную крепость — он не мучил, а разъедал серое вещество, и оно безумело от впервые испытанной собственной боли...

Л.З., как-то акробатически выкрутившись, вновь бросает умоляющий взгляд на Сталина, с неповторимой добротой приветствующего очередные колонны историков, которые...

Сталин неожиданно реагирует:

— Товарищ Буденный, продлите, пожалуйста, мучения товарища Мехлиса с дальнейшим их переходом в заслуженную длительную агонию, в порядке выдачи агонизирующему выходного пособия...

На глазах у вождей, готовых к дружному, гомерическому хохоту, легендарная усатая гнида садится на корточки в позу кончившего полет горного орла, напрягается... Не-е-е-е-е-е...

Л.З. взвыл от непереносимого омерзения, но вой не мог исторгнуться, как это бывает во сне, из стесненной удушьем глотки... не-е-е-е-е-е-е-е... лучше туда... вниз... проклиная... проклиная-а-а-а-а-а-а...

Он разжимает ноги, дергается вправо — только бы увернуться от конских яблок кавалерийской псины, от извержений вонищи из его буланого крупа — и срывается с Вершины Власти с одной лишь неизвестно к кому обращенной мольбою... быстрее... быстрее...

Однако падение, резкое сначала, захватившее дух, но унявшее холод ужаса высоты в промежутках, замедлилось вдруг. Яички вновь тупо пронзило этим самым холодным ужасом высоты, хронически не дающим покоя высшим советским вырождакам... Л.З. удивился, что падает не по отвесной линии, а по какой-то нелепой кривой, нарушающей знакомую привычную форму падения.

Падал он параллельно склону Вершины, под острым углом к ее основанию, то есть к бывшей верхотуре. Одним словом, это не было свободным падением, столь волшебным происходящим в безвоздушном пространстве и с истинным демократизмом уравнивающим скорости падающих крылышек, железок, травинок, стаканов, документов и трупов — всего, что может падать. Нет, это было уродливое мучительное

падение-отклонение, и Л.З. открылся его путь наверх и пути наверх спихнувших его с Вершины товарищей.

Путь этот был весьма оживленным, несмотря на более чем отвесные склоны Вершины... Молодежь... понимаете... сосунки еще на партработе... угрюмо цеплялись за малейшие выступы, как бы вросшие в мавзолейный мрамор, — выбитые зубы, вытекшие глаза, с навеки остекленевшим в них выражением непонимания происшедшего, зубные протезы, части оружия, ордена, шапки-буденовки, очки, клочья волосни Троц... Бух... Кам... Зин... председательские колокольчики, подзадоривающие прыть восходящих, а главное, самое сподручное для цепляния и закрепления выжидательной позиции — не разложившиеся еще черепа партийных пап и мам, из черепов которых торопливые громы даже не почесались вытащить втемяшенные альпенштоки...

Хотя это самое острое, самое сильное горное оборудование нашей партии, естественно, доставалось наиболее прытким везунчикам, плававшим, как удалось заметить Л.З., на обилии предостерегающих и устрашающих объявлений: *«Приносить альпенштоки с собой строго запрещено»*, *«Не уверен — не альпеншток»*, *«За несданные альпенштоки администрация ответственности не несет»*, *«Кто не сдаст альпеншток — того уничтожают»*...

Разглядывая все это с вынужденным интересом, Л.З. как-то слегка забылся и испытал славное, облегчительное чувство преимущества че-

ловека, возвращающегося с покоренной однажды Вершины, хоть и гнусно нынче вышибленного с нее мразями, понимаете, антисемитами... в некие низины жутковатой неизвестности.

Взглядом своим скептическим Л.З. как бы ехидно напутствовал восходителей: валяйте, дорогие товарищи... валяйте... Он ухмыльнулся, распознав в умах и душах одержимых прохвостов знакомые страхи, крысиную зависть, змеиные подозрения, отчаянное недоверие друг к другу, гармонично увязываемое с готовностью к любой подлянке.

Очевидно, в любом, даже в грязно-погибельном пережитом опыте есть нечто прояснительное, потому что, как бы ни корчило Л.З. во сне, как бы ни корежило и ни рвало последние жилы, он, приноровившись, уцепился за что-то, задержался... нет, товарищи, второй раз Мехлис на это не пошел бы... извините, без нас... мы пойдем другим путем, понимаете... повис над бездной...

Это была чистая надежда, дарованная сном — безумным сочинителем и художником, чумовато пренебрегающим уставами действительности, особенно ее жестким детерминизмом — харей со стальным блеском необратимости в прокурорских гляделках...

Повис над бездной, отвращаясь от взгляда вниз. Концами копыт уперся в чью-то отвисшую челюсть. Белые тапочки стали в полете серо-зелено-кровавыми от касания и цепляния за нечистоплотную скверну и грязный прах склона. Успел намотать на одну руку бедную,

жалкую, неухоженную косицу какой-то энтузиастки тридцатых. Указательный палец второй руки ухитрился засунуть в мозговую дырку чей-то гигантской берцовой кости и судорожно согнул его крючком... Диалектично подумал, что если бы не было вообще борьбы за власть, то за что, собственно, можно было бы тут уцепиться?.. Спасибо ключице Крыленко... спасибо, понимаете, тазу Ройтмана...

Так и висел бы с чувством большого отдохновения и острой надежды на какой-либо из многих видов спасения. Удивлялся, что легко не соотносит теперешнего жутковатого и неудобного положения с совершенным комфортом недавнего быта... вполне, знаете ли, можно жить... можно... о нет... второй раз Мехлис туда бы не на-пра-вил-ся... бэ-зус-лов-но... а если бы направился, то можете поверить, дорогие товарищи... вы бы давно слетели этим путем к чертовой матери... ваши кости, зубы, ордена, авто ручки, усы и чубы вмерзли бы навек в мразь склона... Мехлис стоял бы на Вершине, жонглируя пенснэ Бэрия... пэнсне Берия... жонглируя, понимаете... здесь можно жить... живут же люди?..

Л.З. с завистью наблюдал за многими знакомыми деятелями партии и государства, прижившимися на склоне, привыкшими вместе с семьями к уродливой геометрии тяжкого угла существования и очень дающего, к сожалению, о себе знать настырному земному притяжению... можно жить... Но Мехлис для начала провел бы здесь генеральный, понимаете, ленинский суб-

бото-воскресник... лесонасаждения... ирригация... мелиорация... электрификация... распределители... советская власть плюс — тут Л.З. с аппетитцем поковырялся в семантике — словечко Языковеда — слова «воскресник»... ну уж это, понимаете, лишнее... лишнее... и так места мало... обойдемся без дыбенок и крыленок с коссиорами... радзутак ихнюю мать... действия партии остаются необратимыми... можно жить... развел бы здесь грифов... плевать, что похожи на Землячку... горные орлята табака к Седьмому ноября и Новому году... Серьезно взялся бы за половую жизнь... все же у нас с этими блядогузками кое-что получилось, не доходя до Эльбруса... жить можно везде... была бы, понимаете, жизнь... да я бы провисел... если хотите знать...

Л.З. еще крепче вцепился в чью-то челюсть, заклиная опять-таки неизвестно кого... только не Рабиновича... только не это... этого я не переживу... кажется, у его супруги, покушавшейся на меня, была не косица, но, наоборот, очень пышные волосы... очень пышные...

Его стало вдруг срывать со склона от безумного страха различить среди остального праха и тления какие-либо вещички или части тела, принадлежавшие в свое время уничтоженным лично им дорогим товарищам... только не это... я бы пощадил на их месте...

Он стал смотреть вверх. Там, уцепившись за край правительственной трибуны Мавзолея, торчащего вверх тормашками, болтали ногами особенно прыткие восходители. Болтали нога-

ми, дергались, ища опоры, но не могли из-за крутого отвеса уцепиться, хотя бы за ухо или ворот снизу дотягивающегося дорогого товарища или скрюченного трупа...

На самой трибуне вожди все еще приветствовали толпу демонстрантов. Смахивали белыми перчатками с плеч, погон и каракулевых пирожков лепестки ромашек.

Но Л.З. просекал, что, приветствуя, вожди своевременно цокают копытами по фалангам дерзких пальцев, срывающих ногти в цеплянии за край Вершины. А изо всех расщелин, изрывших давно уже карзубый монолит Власти, доносится простая и скромная картавушка Ильича: по головкам... по головкам... по головкам товагищей...

Косица бедной энтузиастки тридцатых вырывается вдруг из склизкой трещины... Л.З., вновь чуя в яичках адскую холодищу страха высоты, хватается за что попало... успевает накрутить на палец кожаный шнурок, но шнурок из чего-то вышнуровывается... ползет... что это?.. что-о-о?.. это кисет ординарца, капризно посланного на верную смерть... из кисета крепенько... злопамятненько, понимаете... шибает отсыревшей махорочкой... была война... мы не считались с жерт...

Л.З. чует треск и скрежет отваливающейся под копытами челюсти, инстинктивно смотрит вниз — все же предстоит дальнейшее падение — и хочет хотя бы взвыть... разрешительно взвыть... и не может...

Внизу, на свалке трупов, ошетинился вверх

вострыми макушками целый лес часовых стрелок, иссиня-черных стрелок, отбрасывающих ослепительно белые тени на... минуточку, товарищи... откуда у нас с вами белые тени?... а-а...

Зубы выкрашиваются из скрежещущей челюсти... словно семечки... в степи под Херсоном из солнышка-подсолнышка... а-а-а-а-а... На этот раз срыв со склона и падение так стремительны, что Л.З. ничком, успев уткнуть голову в коленки и закрыв глаза руками — только бы отвести взгляд от леса взлетевших навстречу острий черных сердечек... копий мстительных стрелок проклятого деда и сына деда — отца-а-а-а-а-а... — ничком просыпается от ломоты костей собственного, скрюченного во сне скелета...

Ему холодно. Он дрожит. Тошно открыть глаза. Который час? Плевать... какие глаза?... на что ими смотреть, понимаете?... зубы во сне — к смерти... плевать.

Пережив чудовищное сновидение, Л.З. не то чтобы бесстрашно отнесся к... но с достаточно мужественным равнодушием увернулся от неприятной темочки...

Зато, не открывая глаз — так он любил подолгу валяться в кровати, когда был пугливым, вредным мальчишкой, — Л.З. думал, что вполне мог бы сейчас, на основании своего огромного организаторского и пропагандистского опыта... тиснуть, понимаете, работенку с заковыристым названием... шапочка на обе половины «Правды»... *«Психология отношения к вершине власти. Опыт. Размышления. Выводы»*... бэ-зус-лов-но, это было бы новым словом в уче-

нии марксизма о власти... я бы наплевал на обвинения в антипартийном мехлисиазме... только слепой не видит в настоящий предысторический момент, что от революции этой сраной остались только рожки да ножки... вся деятельность политбюровской шоблы-еблы направлена на дальнейшее укрепление позиций на Вершине задристанного Мавзолея... да я бы смело отдал сейчас три ихних трибуны за одну зачуханную лавочку в зале ожидания Брянского вокзала... и ожидал бы на хлебе и кипятке... конечно, им страшно слетать в пропасть... какое там слетать?.. бздят горохом вместе с Буденным, что один камешек экономической реформы вызовет камнепад и прочие лавины... а тут уж нижние товарищи против... они еще взбираются, а их — камешком по темечкам... нет уж, давайте по правилам... мы лезем по трупам, вы нас тыркайте сверху... посмотрим, чья возьмет... у нас есть фактор времени... ужас... ужас... что происходит в стране... а расхлебывай Мехлис и Госконтроль...

Тут Л.З. открыл наконец глаза. Остатки сна потрескивали в голове. Вчерашний дикий бред насчет души тоже казался нелепым сном. Все тело колотило и ломило, словно оно действительно исколошматилось о скверные склоны, пока не шмякнулось на адские острия... иссиня-черные стрелы, отбрасывающие ослепительно белые тени... какая душа?.. что вы мне, понимаете...

Подниматься с пола он решительно не хотел... ни к чему... нет позывов ни к по маленькому, ни к по большому...

Неподвижно лежа, осмотрелся. Не мог понять: день ли?.. вечер ли?.. ночь?.. Воздух в комнате странно белел, словно еще не успела улечься известковая, серая, бездушная пыль учиненного разрушения...

Удивился, что не прикончил арфу и клавишины. Вспомнил, как, вообразив себя вчера душою, собирался порхать над родными и близкими с арфой в руках и бряцать, понимаете, пока не простят... бряцать и бряцать... идиот... говно...

Уставился на валявшийся прямо перед глазами курчавый скальп кельнского раввина. Схватил скальп и остервенело стал таскать его за волосы... вырвать... чтобы ни слуху ни духу...

Волосы раввина были такими жесткими, что Л.З. разбередил ими старые вчерашние порезы на пальцах. Плюнув, бросил возиться... Ноги у него подкашивались от общей слабости, изготавившейся, кажется, на всем плацдарме к...

Плывать было также — заходили сюда или не заходили, пока он спал... плевать... Этого слова вполне теперь хватало для абсолютно точного выражения отношения Л.З. к миру и жизни... Все же, увидев на полу в прихожей свежие газеты, какие-то журнальчики и письма... даже письма... он вострепнулся по старой памяти, но не стал нагибаться... плевать... ы-ык... Омерзение к тому, чтобы прочитать какую-нибудь блевотину собственного производства вроде *«Резервам качества — зеленую улицу»*... *«Партийное просвещение — окрыляющие перспективы»*... было сильнее желания взглянуть на...

Он застонал и даже как-то взбодрился от ясного знания, что все самое жуткое, может быть, уже позади... столько пережить, сколько Мехлис за эти дни, понимаете... я бы хотел увидеть Александра Матросова на моем месте... скажите мне за него спасибо...

Он мельком вспомнил, как один военачальник советовался с ним, бывшим начглавполитупра, но авторитетнейшим комиссаром, насчет оформления пары выдающихся военных подвигов, от которых даже у повидавшего виды старого вояки стыла кровь в жилах. Мехлис тогда посоветовал оформить как героя Матросова. Солдата-еврея... как я мог позабыть фамилию?... авторитетный комиссар считал более целесообразным посмертно чем-нибудь наградить... орден-шморден, понимаете... и так слишком много разговоров о жертвах среди евреев в газетах... хватит с них пассивного героизма... да и не мешало бы, знаете, проверить как следует все данные... опросить очевидцев... то есть, простите, как это «нет очевидцев»?.. как «объективно восстановлена картина боя»? ...да вы... вы хотите, чтобы Хозяин снял с нас с вами три шкуры?... раз очевидцы погибли, значит, делу конец... мы не можем допустить девальвации героизма... ну вы даете... не забудьте, кстати, представить к «звездочке» моего адъютанта. Исполнительнейший офицер...

Раздражение и ненависть ко всему вокруг настолько моментально взыграли в Л.З., что он с удовольствием харкнул бы в собственную память, когда бы мог, конечно, харкнуть. И пере-

дернуло его не потому, что он задним числом почувствовал себя отвратительным говном в глазах честного, умного генерала, явно воспринимавшего всесильного комиссара как говнюка и ублюдка, а потому, что память готова была разыграть как раз тогда, когда ей следовало бы... понимаете... помалкивать... И все же... эта сволочь... довела вроде бы ничего не значащее, но что-то уж больно въедливое воспоминание до конца... ни к месту... при чем тут сраный-пересранный генерал?.. плевать.

Генерал сказал тогда в сердцах, что всего этого героического идиотизма могло бы не быть, если бы... «Что вы имеете в виду?» — «Пошли вы к ебени матери, Лев Захарович. Сами прекрасно знаете, что я имею в виду».

Л.З. при первой же возможности донес Сталину о настроеньицах генерала и высказал оцененную Хозяином мысль насчет того, что высшие военные лизнули порядком власти и силы и надо бы их поставить на должное место...

Мысль сатрапа Сталин оценил, но о разговоре этом поведал при случае группе высших военачальников. Поведал как бы в шутку, но с верным психологическим прицелом, держа, как всегда, на мушке прицела сразу двух зайцев.

Генералы призадумались и еще пуще возненавидели Л.З.

Однажды в Кремле, на величайшем приеме в честь Дня Победы, тот самый старый вояка подошел к Л.З. Мягко отведя его под руку в сторонку от жратвы и пьяни, наклонился — он был головы на две выше Л.З. — и сказал: «По-

видал я, Лев Захарович, на своем веку немало. Революцию проклятую пережил. На каторге побывал. Но такой грязной мелкой бляди и крысы, как вы, поверьте, не встречал. Нет-с!» Он также добавил, тактически и стратегически опередив угрозы надувшегося, побелевшего, как жалкий гондон, Л.З.: «Нет очевидцев. Вам не восстановить объективной картины... Мразь!.. За победу! Царство Небесное всем погибшим!»

Л.З. так и съел все это. Не мог же он в разгаре победного пиршества полезть с бездоказательными жалобами к Сталину... рябая спирохетина только рад был бы лишний раз анекдотически унизить... но ты тоже подергаешься, если уже не дергаешься, паскуда...

Он закатил глаза, как бы пытаясь заглянуть себе под карниз, в кухню беспокойного хозяйства, злобно поворочал ими, скрипнул зубами и, начальнически веря в неистощимый магизм своего хамского, комиссарского тона, сказал:

— Еще одно воспоминание, и... я не знаю, что я с тобой, сучка, сделаю...

Моменты раздвоения его уже не волновали. Сознание, порядком помучив за пару дней и ночей рабочее серое вещество, если и не прониклось мыслью о некой неизбежности, то пребывало в состоянии крайней усталости, в последнем унынии. До сознания как бы дошло наконец с совершеннейшей ясностью, что оно отключено и оставлено на самого себя. Отвлекающие игры в миражи, галлюцинации и в са-

лочки с самовоображенным двойником — бесполезны.

Л.З. в какой-то момент так и сказал вроде бы ни с того ни с сего: бесполезняк... Словечко он подцепил от фронтового адъютанта — бывшего отчаянного урки-рецидивиста.

Но вот что странно: человек, которого хитромудрая действительность легко обезоруживает как раз тем, что она предлагает ему на выбор множество разнообразных вариантов поведения, провоцируя его растерянную волю на рискованные игры, или, как говорят советские бюрократы, на мероприятия, — человек этот, поставленный вдруг лицом к лицу с некой неизбежностью, даже с неизбежностью смерти, обретает способность как-то действовать в отпущенных ему пределах времени.

Во всех действиях этого человека, если взглянуть на него со стороны, равно как и в полном бездействии, мы с удивлением можем заметить выявление начала личностного, то есть той изначально благородной и прекрасной потенции, которую обычно принято именовать *достоинством*, никогда не задумываясь об этимологии самого слова и о его Божественном, как воздух и вода, составе.

И вот, сколько бы ни измордовывал конечный почти человек бездарно выбранным стилем всей своей последующей жизни образ достоинства, как бы ни втоптывал он его в поистине невообразимую Творцом серую, топкую грязь и в кровавую кашу, к каким бы ухищренным извращениям ни прибегал человек в изу-

верских попытках зашлепать достоинство черною мразью окончательного безобразия, несомненно злобно мстя своей чудесной природе только за то, что сам же ее первый и обидел, оно — *достоинство жизни* — перед некой неизбежностью вдруг скромно свидетельствует самому себе, но не погибающему человеку, о своей непричастности к уродствам зла.

Некоторое смирение Л.З. перед неизбежным означало всего-навсего то, что он, сам того не понимая, не мешал своей прибитой и измороженной сущности справлять кое-какие, ведомые лишь ей одной, «предотъездные», не суматошные дела.

Сказав себе «бесполезняк» и добавив «пиздец», он стал как-то собран, непонятно на чем сосредоточен и одновременно страшно рассеян.

Поскольку все человеческое было в Л.З. отвратительно извращено так же, как, впрочем, во всех его коллегах, то почти всегда являющиеся в таких случаях перед неизбежным. моменты раскаяния в связи... сожаления относительно... согласия насчет... распоряжения, касающиеся... принимали формы несерьезные и несуразные...

Л.З. отфутболил скальп раввина куда-то в угол... пускай живет... Это он великодушно помиловал часть человеческого существа... Отфутболив, подумал, что надо бы оставить на чай приходящей уборщице за многолетнюю деятельность по уборке квартиры, мытью окон, протирке пыли и сдаче пустой посуды... необходимые распоряжения... личный архив завещаю Музею Революции... нет — истории... пусть

сделают крупный вклад в... мои работы о феноменологии Госконтроля трудно переоценить уже сегодня... как они поймут, понимаете, кто от них временно ушел... то есть безвременно уходит в... подонки общества... деньги — плевать... Мехлис жил не ради денег, а...

Язык то и дело все эти дни сам по себе заводил как мысленную, так и устную речь Л.З. в странные тупики, где она тыкалась лбом об стену и ошарашенно останавливалась, прерывалась... ощупывала вслепую «в»... «к»... «для»... «чтобы»... «бэ-зус-лов-но, через...».

Л.З. еле стоял от общей слабости на ногах, но мысль о завещании весьма деловито его заняла. В ней было что-то значительное и невозможно печальное — последняя жратва тщеславия.

В коридоре отшвырнул... к чертовой матери... плевать... свежие газеты. Но корреспонденцию поднял и засунул за пазуху. Удивился при этом, что все еще почему-то одет в... проклятая траурщина... все в крови... не забыть — в химчистку с дальнейшим... кстати, что?.. склеротик, дерьмохлюндия...

Л.З. поразило, как это он... упустил... не контролировал вовремя...

Открыл гардероб, специально предназначенный для официальных одежд в разное время года... так и есть... как это раньше не... В гардеробе отсутствовал парадный генеральский китель... с пуговицами и погонами... брюки с лампасами... все-таки в лампасах что-то было... этого у них не отнимешь... штиблеты... я вас

спрашиваю: где... неужели все это, понимаете... но не в одних же белых тапочках генерал-полковника... абсурд на палочке... разумеется, папаху спиз... без этого мы не можем... без этого мы никуда... перерожденцы... что они думают выставить в музей Госконтроля, когда... странно, что нет ни одной моли... У Л.З. сладко, безнадежно и тоскливо закололо сердце — до того захотелось увидеть вдруг хоть одно живое, пусть даже ничтожное и вредное вроде моли существо...

Вчера отсутствие парадной одежды, всегда доставлявшей Л.З. высшее эстетическое наслаждение и полное духовное удовлетворение, вызвало бы ни с чем не сравнимые муки и, возможно, просто убило бы на месте. Скорее всего, он этого не перенес бы без внушительного удара.

Но в этот вот момент деревянные скелетные плечики вешалок, казалось, повесившихся от недоумения на своих проволочных «знаквопросах», только придали мыслям Л.З. о некой неизбежности солидную основательность... бесполезняк — так бесполезняк... надо было говнюку не выходить из еврейской социал-демократии и к чертовой матери эмигрировать... будьте уверенны: публицист Мехлис переплюнул бы Троцкого и... ебал я ваши альпенштоки в пик Ленина и Сталина... что, собственно, изменилось? Мы превратили одного двуглавого орла в двух засраных горных — и вот пожа... все могло бы... все... все... все... большое спасибо...

Простояв перед гардеробом в работе мысли,

Л.З. снова вдруг бурно спохватился... этого они не могли себе позволить... только не это...

Он перерыл все свои военные и штатские одеяния. Повытряхивал карманы, передние, задние, боковые и потайные — партийного билета нигде не было... Мехлис многое мог стерпеть... но этого, понимаете, он вам так просто не оставит... Мехлису известно то, что... сейчас же передам объективную картину положения в народном хозяйстве... все данные о коррупции на местах и статистику преступлений нового типа... пусть же содрогнется все прогрессивное человечество от...

Тут он с яростью стукнул себя кулаком по лбу... склеротик... пьяный белогвардеец... Партбилет как лежал под подушкой в основной кровати Л.З., так и лежал. Поверх партбилета лежал также пистолет — трофейное личное оружие одного расстрелянного наркома, с дулом, предусмотрительно залитым по просьбе Л.З. расплавленным свинцом... на всякий, понимаете, случай... помните у Чехова?... человек с ружьем на стене — сам стреляет...

Пистолет, пусть даже не стреляющий, обычно сообщал отходящему ко сну Л.З. инфантильное чувство избавления от романтической опасности...

Л.З. дунул ему в дуло. Скривился: точно такие звуки выдували адские ветры из пустых отверстий человеческих переломанных костей... если бы не свинец... зачем я приказал залить свинцом?... можно было просто спрятать пули...

Вынул обойму. Выпулил на простыню семь

патронов... золотые пулечки... бронзовый патрон... очень жаль... Мехлис спутал бы все твои планы, рябая шмакодявка... я привлек бы внимание народа...

Он уже прикидывал, что сейчас вот зажжет газ, выплавит на огне свинец из дула, смажет нарезы подсолнечным маслом и... плевать... уверен, что в доме нет ни одной спички... тут все предусмотрено... ворье... паразитария... золотые пулечки... бронзовый патрон... крутаника, Манечка... старый граммофон...

Песенка вдруг неотвязно задолдонила в мозг, в ушах, эхо ее серебряно дрожало в пустом доме, покинутом душою бездарного злодея, погудев промеж стропил ребер, отдавалось чуть ли не в ногтях пальцев ног — от нее невозможно было отмахнуться, как от злющей осенней мухи...

Песенку любил промурлыкать этот проклятый нарком, живший по соседству с Л.З. Поддав, он иногда заходил — прочь от настигавшей тоски — к соседушке... Трепался... интеллигент херов... луначарское подбрюшье... пытался обмозговать явную дьявольщину жуткого времени, добавим тут, вызванную при его жарком участии из прескверных провинций Творения, где она, как выразились бы способные лингвисты-урки, попукивала на параше и вообще была загнана под нары...

Так вот, нарком, будучи человеком чутким и неглупым, долдонил по пьянке собственные стишки:

Ты не держи меня на мушке.
Я знаю: надежды больше нет.
И положил Вася под подушку-у-у
Партбилет и пистолет...

Л.З. позвонил Ежову насчет местонахождения самых дорогих для чуткого наркома предметов жизни. Давно служившая в органах домработница — дочь бывшей дворцовой дамы — заменила однажды рабочие «золотые пулечки» на туфтовые «бронзовые патроны».

Оставшееся до явления рыцарей революции время поглядывала на хозяина с прелюбопытством и томилась — порознь с Л.З. — в плебейском ожидании «волнительного кино»...

Крик наркома, нажавшего курок семь раз вхолостую после ночного звонка в дверь, передать словами невозможно. Очевидно, это дело современной музыки, ищущей с подозрительной для партии и органов настойчивостью новых выразительных средств для точного запечатления всего звукового фона советской эпохи...

Однако нарком успел сжечь святыню партбилета в экзотической морской раковине.

Сжег красненькую пуповину, связывающую его с партией, то есть, по разумению наркома, с жизнью. После этого, решив не будить якобы спавшую, усталую домработницу, открыл дверь убийцам...

...Золотые пулечки... бронзовый патрон... держит Мехлис под подушкой партбилет и граммофон...

Пистолет наркома, вскоре после его убийства, Ежов преподнес Л.З., сказав, что золотые пулечки в нем снова не туфтовые, а «полные социалистического реализма»... намекал, блядина лилипутская... впрочем, он был прав... тысячу раз прав... сейчас бы — чик... и на палубу вышел товарищ матрос... механик тобой недоволен...

Деятельное, хотя и вяловатое состояние не покидало Л.З. Он решил убить по-сталински сразу двух зайцев — отвлечься от золотых пулечек и сволочного граммофона и, возможно, привлечь к себе внимание... всему должен быть антракт...

Спичек Л.З. не нашел. Электрозажигалки, тиснутой Абелем у дочернего филиала «Филипса» в Новой Англии, не нашел тоже. Но не заняв себя, причем с точной целью, он просто не мог... золотые пулечки... медненький пистон...

Как уж он дошел — точнее было бы сказать «возвратился» — психологически до идеи добыть огонь допотопным трением, нам непонятно. Однако действия его — не забудем, что действовал он, будучи почти обессиленным, — были весьма талантливы, если не гениальны, даже для существа двадцатого века, привыкшего с хамоватой беспамятливостью потреблять блага, добытые и открытые низколобыми предками.

Он сорвал драгоценными щипцами для колки орехов золотую пулечку с патрона и высыпал китайские чаинки пороха на лист рисовой бумаги. Затем достал с книжной полки пару бо-

ковых подставок из необработанного дерева яванской пальмы. Вспорол подкладку генеральской шинели. Вырвал из нее клоч ватина. Натыкал в ватин пороховинок... Почему-то ничего ему так сейчас не хотелось, как возникновения огня...

Вот он и сидел на карачках на полу и тер пальмовые болваночки друг об друга... тер... тер... начисто забыв о времени... может быть, тер целый век...

И вдруг — возможно, в силу чудесного появления в доме правительства поля, возникающего с поразительной точностью именно тогда, когда его с тоскою и страстью вызывает возрастная веха человечества, поля взаимопонимания между косным человеком и, как полагают недалекие позитивисты, неодухотворенной природой — в ноздри Л.З. потянуло душком разогретой древесиной... Он задвигал слабыми маховиками пуще прежнего... Сообразил с ходу, что не заготовил чего-нибудь, охотно пожираемого огнем. Остановить трение значило бы отбросить себя черт знает куда и насколько. Он продолжал тереть деревяшечки и, не сходя с места — оно было так удобно, — ногою пододвинул к себе вчерашние газеты. Косился в них только для того, чтобы убить за трудом время... *смерть последовала при нарастающих явлениях... сердечно-сосудистой деятельности... у озера Хасан... назначается народным комиссаром... надолго приковав его к постели... выполняя ответственную работу... с поражением аорты и сосудов мозга... был верным сыном... с октября*

1952 года наступило дальнейшее ухудшение... на фронтах Отечественной войны... старый очаг размягчения в правой теменно-лобной области мозга... награжден орденом Кутузова первой степени... орденом Суворова первой степени... о дне похорон... кремация состоялась сегодня... ах, проститутки... очень прекрасненько, что состоялась... чудно... но до чего они извратили мои научные основы тактической и стратегической дезинформации в период перехода от предыстории к истории, как таковой... очень хорошо, что она уже состоялась... теперь я дам вам о себе знать... лично кремирую в знак...

И вот затлела сначала шинельная ватка, вскоре вспыхнул порох, и Л.З. успел поднести к огоньку кусок газеты со своим фото, соболезнованиями высоких инстанций, медзаклчением и прочей... мне-то уж лучше, чем кому-либо это известно... туфтой...

Принял первобытные противопожарные меры. Отнес горящие бумажки в пустой толчок и там уж аккуратно поддерживал добытый в настоящем поте лица огонь.

И это было ни с чем не сравнимым, замечательно интересным делом — изредка подкидывать в слабеющие синевато-оранжевые язычки пламени различные бумаженции. Потирать охлаждающие руки. Чувствовать родственно заботливое тепло первостихии, обогревшей лицо, грудь, живот, промежности, ноги... ебал я, понимаете, ваш марксизм-ленинизм... партию... коммунизм... монолитное единство с народом...

пятилетки... борьбу за мир... займы развития и восстановления... не надо было разрушать... ебал я всю советскую власть от вершины до основания, а затем... наоборот... за один часок у этого тепла возьмите озеро Хасан вместе с Суворовым и Кутузовым первой степени... проклиная... все — говно... все — говно... все — говно...

Л.З. вдруг необыкновенно оживился, даже можно сказать, самореанимировался. Воображение как бы спешило подкинуть ему напоследок несколько ярких картин целого ряда удачных покушений на рябую сволочь. Картины эти возникали не в хронологическом порядке, но Л.З. вовсе не удивляла нелогичность того, что после зверского убийства предателя Сосо разбойником Камо Сталин втерся в доверие к садисту Ленину и приготовился к мошенническим аппаратным играм с ленинским ЦК... Тут лидеры рабочей оппозиции, быстро смекнув, каким тухлым шашлыком и еще большим садистом, чем Ульянов, является Джугашвили, подкинули ему в сациви сто граммов какого-то цианистого кала, и в партии началась вполне цивилизованная борьба за власть, в которой одержали верх органы Госконтроля во главе с...

Затем Бухарин все-таки счел, что здоровье партии намного важнее партдисциплины, и во время интимной беседы с гнусным тираном-термидорианцем тыкнул его прямо в сердце длиннющей сапожнической иглой, которой папа Сталина тачал сапожки проклятым князьям Грузии... игла была, по моему указанию, ра-

зыскана сапожниками Гори в краеведческом музее к пятидесятилетию мерзавца всех времен и народов... подумать только... сколько раз эта мразь могла быть стерта историей в антиклопный и антитараканий порошок... но ему везло... этого у него не отнимешь... везло?.. нет... тысячу раз нет... ему не везло, но все мы были красноглазыми кроликами, загипнотизированными этим многоголовым удавом... только так можно объяснить безнаказанность гнусной, неинтеллигентной мерзопакости... лично Мехлис мог минимум семнадцать раз ликвидировать рак печени нашей партии и грыжу, понимаете, Госконтроля... один раз рябая харя даже открыл рот у себя в кабинете и сказал, чтобы я заглянул в его пасть для обнаружения чего-то там вредительно попавшего между зубом мудрости и правым коренным... и Мехлис заглянул... бесстрашно заглянул в эту пасть... Ягода и Ежов боялись в нее заглядывать, а Мехлис заглянул и остался в живых... но я ведь мог быстро втолкнуть в нее грязный носовой платок или просто вилку!!! Мехлис мог повторить подвиг Руслана и Людмилы с головой того, который являлся на несколько порядков страшней и отвратительней чисто мифологического черепа!.. У Руслана, между прочим, была проблема с одной лишь головой, а Мехлис, понимаете, имел перед собой целую фигуру, не вкопанную по шею в чернозем и располагавшую легендарной стальной волей... приходится согласиться с тем, что... сволочь рябая была исторически необходима стране и народу... бэ-зу-слов-но... именно поэто-

му на нее не было совершено ни одного покушения... против исторической необходимости прут только Пушкины, Лермонтовы, Черчилли, государство Израиль и Анна Ахматова с Зощенкой... вы знаете, как вырос бы Мехлис в глазах коммунистического движения, если бы он выступил в роли Льва-Победоносца?.. вы даже не можете себе этого представить... одно мое движение... вынимаю из кармана носовой платок... сначала быстро высмаркиваюсь в него... и заталкиваю с огромным удовольствием в пасть... я хотел бы увидеть его последний выпученный взгляд... я пляшу помесь лезгинки с «яблочком», а он, падаль, смотрит и подышает... хрипит... хрипит... хрипит... Мехлис берет трубку... кроме него, ее взять некому... все — ничтожества... приказываю Жукову привести войска в боевую готовность к принятию присяги на верность Госконтролю... сам остаюсь в тени, чтобы... только прошу отдать мне за подвиг спасения страны и народа от мрази Ливадию... месяц живу там различными способами с Театром оперетты, месяц с Большим, месяц с Театром киноактера... Версту с Верленой расстрелял бы, проституток... подумать только, Мехлис спас им жизнь и карьеру... Мехлис с пеной шампанского на губах сумел доказать Жданову, что Верлена — это не панегирик, понимаете, французишке-стихоплету, воспевавшему цветы зла, типа бузины и белены, но **верность Сталину!!!** Повторите!!! И Жданов повторил как миленький... Верность Сталину... будьте вы все прокляты в энциклопедиях дальнейших поколений, доро-

гие товарищи по партии... ненавижу... и сейчас бы я не околевал от гнева... Мехлис успел бы кончить в порядке законного оргазма в одном отдельно взятом организме... с последующим наведением порядка в стране и на трижды проклятом Ближнем Востоке...

О чем только не думал и чего только не вспомнил первый раз в своей жизни Л.З. И не были ему страшны до невыносимости воспоминания, потому что добытый огонь как бы сразу же подпаливал их, и они, сворачиваясь в пепельно-черные кудряшки, вмиг переставали существовать, словно их вообще никогда сроду не было... не только воспоминаний, но и всего того, благодаря кому (чему) они возникают, копят, стираются, исчезают, вновь возвращаются, словно самостоятельные коты, истосковавшиеся по домашней кормушке, и вновь окончательно пропадают.

Многие из нас тщательно выпестовали за годы жизни представление о том, что неповторимая наша личность решительно и бесследно исчезает из вселенского оборота, равно как и полнота памяти личности о себе самой. То есть был ты — и нет тебя. И дело с концами. Память о нас потомков, современников, людей близких — не в счет. Дело — с концами.

Момент этот очень важен еще задолго до конца — до кремации или могильного холода — для людей, не желающих по каким-либо причинам ни малейшего сохранения полноты памяти об образе своей личности и образе своей жизни.

Возможно, так все оно и происходит. Возможно, следы интимнейшего существования любой личности неизбежно замечаются вместе с тем, что казалось замеченным еще при жизни. Однако возможен также иной порядок дел и иные предустановления.

И — хотим ли мы того, или не хотим, да к тому же и бурно противимся по многочисленным причинам, смутным порою для нас самих, — совершенная полнота памяти о любой личности, включающая самые незначительные мелочи, выветривавшиеся, казалось бы, из памяти личности о себе самой, помещается в некую всеобъемлющую копилку. Там она и сохраняется неизвестно в каком виде и в каком состоянии до неведомого нам срока.

Надо полагать, что никаких технических трудностей хранения невообразимого сонма множеств памяти о сгинувших личностях для Творца не существует. Если уж человеку и человечеству открываются в поразительных достижениях науки и во всевозможных чудесах техники достоверные, хоть и супермикроскопически приблизительные данные о кое-каких возможностях Творца, то что уж говорить обо всем арсенале Его возможностей?

Неужели уж человек, упорядочивая свое нелепо усложненное существование, смог дойти до известных эстетических высот в совершенствовании канцелярско-бюрократического аппарата и получает нынче нажатием кнопки сведения о выдающихся бандитах шестнадцатого века и чертах их характеров, а вот Творец, как

полагают туповатые гении позитивизма при либерально допущенной гипотезе о Его Существовании, не имеет универсальной картотеки не только на всех прошедших по Земле людей, но и на прочих выдающихся, презираемых иногда человеком, тварей?

Имеет. И еще какую.

Так что ум человека может быть вполне спокойным при тревожно-мнительных размышлениях о личном бессмертии. У Творца есть больше, чем нам требуется, различных умонепостигаемых инструментов воспроизведения в положенный срок — не раньше и не позже — гражданина Н. или гражданки Ф. во всей их нетленной прелести и в замечательной картине общего Воскресения, если, разумеется, род человеческий еще не успел навсегда отворотить от себя как Божественной памяти, так и Его внимания.

Одним словом, не мешало бы всем нам поменьше суетиться насчет технической стороны Грядущего Воскресения — тут все в полном порядке — и побольше да почаще беспокоиться насчет того, как мы будем выглядеть в глазах Творца и Ангелов-Заседателей, когда изумленно-застенчиво продерем заспанные в долгом отсутствии близорукие зенки...

...Типичное квартирное ворье... старорежимные домушники — думал Л.З., пошевеливая самурайской чесалкой пепельно-черные кудряшки сгоревших бумаженций, — неужели они додумались кремировать меня в кителе?.. При чем здесь, понимаете, китель? Зачем портить при-

лично пошитую вещь?.. Только на Мехлисе мог так сидеть китель... мерзавцы... могли спороть погоны с рантиками и отдать какому-нибудь секретарю обкома Курской аномалии... Мехлиса и Ленина нет, но бесхозяйственность продолжается..

Строчку в «Литературке» о состоявшейся вчера кремации Л.З. пробежал, как и прочие сообщения, с некоторой печальной отстраненностью... это нас не колышет... но почувствовал себя так, словно сбросил вдруг с плеч унылую тягость. Может быть, даже удержал себя, полностью расслабившись, от взрыва радости, разрешающей наконец самую странную жуть «аттракциончика рябой говнодавины»... сердце разрывается от этого чаще, чем от...

Действительно, состояние Л.З. было состоянием спасительного облегчения, которое кажется нам самым совершенным из всех синтезированных пытливой мыслью человечества суррогатов так называемого счастья.

Черт знает что будет впереди, думаем мы в таких состояниях, разумно относя их к роду перекуров в борьбе с хитрым Роком, но, слава богу, хоть что-то позади... позади... позади...

Рассказывают, имеются такие знатоки, что даже осужденный на казнь, узнав наконец о непреклонном отказе в помиловании, чувствует некоторое существенное облегчение. Это он охотно расплачивается последними золотыми существования за освобождение от чувства мучительной неизвестности и, если уж на то пошло,

от совершенно больше уже непереносимых надежд.

Те же знатоки осмеливаются утверждать, что, направляясь к стенке, окончательные злодеи — как, впрочем, и абсолютно невинные агнцы — целиком отдаются одной-единственной мысли. Вернее, не мысли, ибо для достойной ее работы уже, к сожалению, не хватает какого-то наиважнейшего качества времени, а одному лишь единственному и последнему душевному состоянию.

Слова «скорей бы уж, сучий потрох, все это произошло» мало что тут проясняют. Сознание или что-нибудь иное, поддерживающее до поры до времени связь человека с подножной действительностью, а иногда и с Высшей Реальностью, очевидно, цепляется за слово «позади», как бы в облегчительной попытке отстранение обозреть предстоящую экзекуцию с той стороны неминуемой стенки... Стенка мгновенно уничтожается всепроникновением потустороннего взгляда в последние шаги, в последнее, старающееся опередить выстрел, состояние казнимого, в последний его взгляд. И этот взгляд, отдавший себя взгляду **оттуда** с такой бешеной энергией воображения, с какой детишки отчаянно предвосхищают момент встречи с потерянными в зоопарке родителями, а взрослые люди — момент возвращения ушедшей навсегда любимой женщины или украденной бесценной вещи, — взгляд этот должен свидетельствовать, по крайней мере, о двух весьма утешительных и родственно взаимосвязанных явлениях.

Что, если Высшие Силы, сокрушенные зверским образом смертной казни даже самого неимоверного злодея, злодея настолько жалкого, что жалость эта унижает величественную по идее мистерию смерти, позволяют себе милосердно, но корректно вмешаться в человеческие дела и сообщить последним движениям мысли и частей тела обреченного — возможно, на один лишь миг — нечто, не поддающееся ни описанию, ни изречению? Покой?.. Надежду?.. Согласие?.. Что?..

Что, если в этот чрезвычайно странный миг безбрежный океан запредельного бытия дает обнадеживающие знаки приунывшему в злодее духу самой жизни, крайне удрученному обстоятельствами и склоняющемуся поэтому к великогрешному чувству своей прерывности?.. Держись, жизнь моя... кое-что позади... все — впереди...

Л.З. испытывал такое ни с чем не сравнимое чувство облегчения... самое страшное и садистское позади, дорогие товарищи... это вам не Фучики с удавками на шее... это кое-что качественно иное... тут статья на два подвала в «Правде», понимаете... что ему даже захотелось побахвалиться перед буденной мордотупеей... сволочь, любовался всю жизнь чужими смертями... полюбовался бы ты своей до кремации и после нее... да ты бы повесился на левом усу, падла, а правый поджал бы под жопу, как обхарканная дворняжка... дерьмо...

Он не забывал подкидывать в чернеющий толчок разные бумажки. Пробовал сесть за

письменный стол — черкануть проект политзавещания, но не смог выдать из себя ни одной фразы... что завещать?... идеалы революции?... плевал, как все плюют... вещи в Музей Вооруженных Сил?... вы, сволочи, сожгли китель и похитили ордена покойного... остальное разворуете сами и подотретесь завещанием... кому завещать?... мое завещание как политика и государственного деятеля... видного... на всех участках... в одном слове «проклинаю»... добавим еще одно... проклинаю бэ-зус-лов-но...

Впрочем, произнося любимое словечко, Л.З. скривился... ы-ы-к... Словечко подковыристо размывалось в черепе спереди и сзади. От него оставалось самостоятельное слово «УС». Оно и раздражало до бешенства тем, что вовсе не притиривалось, а откровенно выщеривало прокуренные желтые зубки Сталина и конские белоснежные протезы буденной мрази...

Чувство облегчения тут же злобредно улетучилось, а Л.З. вмиг облепила, кусаячи, жаля, подкалывая, стоя мухообразных словечек... УСтал... УСтав... УСтряловщина... УСыпальница... УСкакать... УСнуть... УСпеть... УСтраниться... УСыпленный... УСоп... УСушка...

Это было совершенно невыносимо. Он затопал в бешенстве ногами, изрезал недорезанное сукно, чудное зеленое сукно стола, обломком любимой бритвы, носился, ополоумев от невозможности унять чертовых мушек, по квартире.

Он просто молотил себя по лбу, прихлопывая то УСадьбу с УСладой, но на их мес-

те начинали вжикать УСтранение, УСобица, УСькать... о-о-о...

Л.З. нырком бросился под лисий салоп... УСпешно... УСпешно... УСпешно... Теперь только две мухи — УСпешно... УСтранить — носились осатанело под лисьим салопом... нет... нет... нет... уничтожить их было невозможно...

Внезапно Л.З. вспомнил о времени... который час?... проклятие...

Судя по потемневшим за окнами портретам членов политбюро, был уже вечер. Стоило на миг отвлечься от мух, как они сгнули. Л.З. подумал... все тело чешется от укУСОВ, но затопал от злости ногами и бросился к телевизору.

Загадал перед тем, как включить: если мы сейчас попадем на Красную — все будет в порядке. Включил... весь корейский народ встал грудью на защиту священных рубежей своей родины... руки прочь от Кореи... надо же быть таким последним идиотиной... прозевать свои похороны на Красной... кУСок... правильно говорит газовая атака — не закУСывай, мудила, удила... не закУСЫвай... не закУСЫвай... о-о-о... МехлиУС, есть за что мстить, но почему такие му-у-уки?... и все-таки — который чУС... я спросил: который час, сволочи-и-и? Нет, вы посмотрите, что делается?... Мехлис воевал с мухами, когда его... проклиная... *сегодня трудящиеся столицы нашей Родины проводили в последний путь верного сына...*

Услышав слова диктора, Л.З. рухнул на пол перед экраном... я... я... я... хорошо, что не раз-

бил ящик... телевидение становится самым сильным... самым...

Бетховен звучал так, словно, сочиняя известную траурную мелодию, отдавал дань Мехлису, безвременно ушедшему от нас, а не Наполеону... на всех участках... коронарных сосудов...

Увидев на задрапированных носилках урну со своим прахом, Л.З. начисто забыл о себе, сидящем на полу и впившемся взглядом в экран... последний путь...

Урна слегка напоминала небольшой частный мавзолейчик. Л.З. мягонько покачивало в нем. Чудесно, хотя и грустновато, когда тебя несут на руках в последний путь... Охотный ряд, понимаете... машут прощально черными платочками осиротевшие охотнорядцы и неохотно расходятся по домам — поминать... поминать... Совмин СССР — справа... Гастроном «Москва» — слева... последний путь пламенного большевика-ленинца... о чудный... пуховый... теплый... путь... так вот папа возил на саночках... по снежку на приморском бульваре... Исторический музей... завещаю шинель и белые тапочки... почему, кстати, белые?.. наши тапочки должны быть красными... впитавшими, понимаете... опоздал тиснуть докладную в ЦК... сами ведь не додумаются... остолопы... Музей Ленина... почему?.. это необходимо УС... утрясти... было бы правильней *Музей ленинцев*... завещаю арфу и вентилятор с первобытной дубиной... щедрый дар... нет, это — первый класс... за это — спасибо... это — не похороны... это — конфетка... умф...

Л.З. покачивало на носилках. Он требовательно и, как всегда, говнисто прислушивался: в ногу ли идут члены правительственной комиссии?... действительно ли чеканят шаг солдаты траурного эскорта, как уверяет диктор?... мы даже и тут, понимаете, ухитряемся... не можем без халтурки... а ведь, помнится, Ждановых и Щербаковых... Кирова и Калинина сопровождали другой походкой... плевать... Мехлиса это уже не касается... он свое отконтролировал...

Чувство, что это его несут на носилках... при чем тут прах?... было настолько достоверным, что Л.З. с досадой покрикивал на экран, когда операторы ТВ отвлекались от урны в поисках различных выразительных народных физиономий, трагически оплакивающих... когда камера скользила по карнизам ГУМа и чудесным маковкам Василия Блаженного... что вы, понимаете... втемяшились в Лобное место?... возьмите внимание сюда...

А когда товарищи несущие слегка тряханули носилки, скидывая их с плеч перед Мавзолеем на красно-черный постамент, у Л.З. похолодело в паху. Он бы и распек тут же кое-кого, но они все, включая усатую мандавошку, взошли уже на Вершину Власти... снежок... февральские сумерки... что-то долдонил вполне стандартное с набором положенных словесных веночков Горкин... потел, глядя в бумажку... Троцкий и Ленин не лезли бы на его месте в карман за... молодой, удачливый восходитель Капитонов... плевать... плевать... траурный митинг кончает-

ся... члены правительственной... проносят к Кремлевской стене...

Л.З. всмотрелся в лица некоторых членов политбюро... не все, сволочи, не все... можно подумать, они горят на работе... и не притворяйся, тварь, что ты скорбишь... впрочем, в такие минуты можно пожалеть даже врага...

Тут ТВ совсем уж заторопилось. Зачем-то мелькнули куранты с золотыми громадными УСами... кУСок Спасской башни... заиндевелые, словно их обдал лошадиным паром дыхания подлец в папахе... заиндевелые ели... если написать в «Юманите — диманш», что у Мехлиса спиздили папаху перед кремацией... французские товарищи не поверят и правильно делают... это — невероятно...

Задумавшись о пропавшей папахе, Л.З. прозевал момент, когда урну с его прахом кто-то вынул из-под крепового балдахинчика и сунул в мизерную, с кучкой кирпичной неубранной пыли, нишу...

Грохнул орудийный залп... Л.З. придирчиво считал залпы... у нас, понимаете, и на этом способны... экономы херовы... поменьше бы разбазаривали... и не хоронили на задворках предприятий ценнейшее заграничное оборудование... последний залп... Л.З. погладил экран... стер пыль... это... все... все...

ЛЕВ ЗАХАРОВИЧ
МЕХЛИС

13 13
1889 — 1953
1 2

Новый трудовой почин бригады землекопов Усова нашел горячий отклик в сердцах тружеников Успенского района... ы-ык...

Л.З. мутным от ненависти взглядом порыскал вокруг... Вытерпеть после... после... после... этот бесчеловечный бред просто так было невозможно... Арфа первой попалась ему под руку. Схватил ее за грациозно и томительно выгнутую... размахнулся сбоку и врезал по экрану. Экран покрылся искорками. Он был предусмотрительно заэкранирован плексигласом. Из-за него продолжали вылетать адские словесные монстры... *Неустанная забота партии, правительства и лично товарища Сталина о нуждах советских трубоукладчиков... вылилась во всенародное торжество... Надоев молока от одной коровы сверх плана... всех простых людей доброй воли...*

Л.З. молотил арфой по экрану и по самому ящику... не слыша ее криков и воплей... заткнуть все это в их глотку... паскуды... но то диктор, то дикторша, омерзительно артикулируя профессиональными изрыгателями трупных новостей, патетически огрызались на удары обезумевшего от невыносимого отвращения Л.З. *...Небезызвестный Джеймс Рестон, которого уж никак нельзя заподозрить в просоветских симпатиях... Расстановка сил на международной арене... Обречена на провал... Латинская Америка бурлит... лучше подохнуть... подохнуть... чем жрать это говно... проклиная... нена-ви-жу... Великий корифей всех наук, родной*

Сталин, вдохнул новую жизнь в мировое языкознание...

Выкрикнув этот бред, телевизор заагонизировал... затрещал... зашипел... задымил, наконец, жалобно пукнул от последнего удара, и яркая звездочка умирания, тихонечко померцав на мертвенно посеревшем экране... печально царапнула выпученные зрачки Л.З. и упала вниз, в угол... истлела...

Выпала арфа из совершенно ослабевших рук Л.З. Стон ее измученного ударами унижения естества так и растекся по полу. Л.З. Ус... Ус... уставился на фото Хозяина. Губы дрожали. Ноги подкашивались. Голоса своего не слышал — так он был слаб, — но говорил, превозмогая страх и ненависть... тебе все еще мало?.. может быть, хватит?.. тебе осталось съесть Мехлиса, как шашлык... ешь... ну ешь... что же ты не ешь?.. хотел поглазеть, как подыхают коммунисты, чтобы самому было легче?.. поглазей... пидарас царской охраны...

Выговорившись, Л.З. спохватился. Огонь в толчке совсем погас, но плотная кипа записок, полученных в президиумах разных сборищ, еще тлела. Жарок на глазах зарывался все глубже под чернь сгоревших бумажонок. И сквозь чернь проглядывали следы человеческих почерков... бездарных... островъедливых... хамоватых... наивных... вопящих в частном порядке... параноидальных... недовольных... восторженных... тупых... безликих... зачем?.. зачем?.. кто писал?.. кому писал?.. Л.З. удивился всему этому как чему-то абсолютно лишнему и ненужно-

му, а не то чтобы бесконечно далекому, что было странно.

Ведь он буквально обожал... голос человека из гущи масс... так и не взялся за труд *«Избранные ответы»*... схлопотал бы «сталинку»... плевать...

Сунул в тлеющие бумажки чье-то письмо. Встал на колени и начал раздувать пламя. Ключья сажи взлетели мимо лица, закружились над склоненной над толчком головой, падали за шиворот. Он не замечал их, но дул... дул... дул... страстно желая только одного — вспышки огонька как явления хоть какой-нибудь живой твари в могиле этого проклятого дома. И когда огонек вспыхнул-таки, Л.З. ощутил себя таким заслуженно счастливым существом, каким не чувствовал даже при награждении первым орденом Ленина, а также при присвоении звания генерал-полковника.

Он, разумеется, не мог осознать всего этого как примету явления образа настоящего дела, истинно, а не ложно прочувствованного первый раз в жизни, но не мог также не ощутить прилива животворных сил, всегда сопутствующих любому нормальному человеческому труду... плевал бы я, сволочи, на вашу ебаную Вершину из своей пещерки... ползите... грызитесь... топчитесь... воняйте в носы друг другу... плевать... огонь... парочка Танек-Лялек... никаких Верочек... хватит с нас грязных блядей школьных парт... тигровая раскладушка... снайперское ружье и... пропадите все пропадом... э-эбу, пони-

маете, э-э-бу. Кремирую партбилет... с предварительным облевым... надругаюсь вовсю...

Пламя вновь забушевало в толчке. Л.З., предчувствуя, что сейчас опять должны начаться какие-нибудь муки и мысли о... нет... нет... нет... только для того, чтобы отвлечься, начал читать какое-то письмо. Оно выпало из «Комсомолки». Л.З., собственно, бросил его в огонь, но вытащил обратно, потому что вид у письма был весьма необычным.

Грязноватый треугольник. Бумага в клеточку... из школьной тетрадки... ну-ну... сколько девочек добивались у Мехлиса приема, но... Разворачивая, тщательно сложенное письмо, вымазал листки копотью... Долго не мог сообразить, что к чему, но по стилю и фразеологии с ходу угадал политическую и философскую образину безымянного пока еще корреспондента... с чего это вы его подкинули?... только не заливайте мне мозги, дорогие товарищи, никаких случайностей у нас с вами в эти дни быть не может... Мехлис пережил такое, что... конвертик, видите ли, самодельный... в клеточку... так... так... допустим...

Дорогой Лев Захарович...

...не могу поверить, что, получив уже три моих письма... вы ни на одно не ответили... Вы, несомненно, поймете специфику почтовых условий, в которых... с пионерских лет мечтал примкнуть к светноносному институту политработников... на переднем крае... вы были примером... не жалея сил... на всех порученных

участках... с беззаветной преданностью... идеалы Маркса... нес сначала в массы... дошел почти до Берлина... логово мирового фашизма... переживаю трагедию... для коммуниста худшая из всех... страшной смерти быть обвиненным в предательстве своих идеалов... грубая стряпня циничных чинуш... если Госконтроль привлекает к ответственности за... а также простаивание мощностей... позволительно спросить... готов на любую черную политическую работу... не считая себя никогда евреем, подобно Карлу Марксу... Латинская Америка бурлит... наши глобальные интересы в Азии и Океании требуют... рабочие волнения в Европе благоприятствуют общей... прошу вашего содействия... любой подрывной работе... выбранного лично вами региона... страшно отлучение... переносить лишение свободы... уже в заключении полностью доказал как филолог... поскольку именно Израиль является форпостом американского... на Ближнем Востоке... в свою очередь, ключ от нефти... и прекращения влияния продажных социал-демократов... евреи уже несколько столетий гордо несут звание граждан мира, поэтому... как коммунист коммунисту... не более... ленинским приветом... временно заключенный Опелев... неужели не комично чистить картошку на синхрофазотроне... специалиста... был бы незаменим... полным инкогнито... желаю долгих лет и здоровья... благо пролетарского... мечты лучших умов человечества...

Начало письма Л.З. пробежал с тошнотворным омерзением. Вопль о помощи не мог не показаться штампованным, поскольку письмами такого рода бывшие политработники... сволочи, так и не осознали своей вины... буквально забрасывали из лагерей и тюрем того, кто всегда был для них воплощением идеального военного комиссариата, а в мирное время... бэ-зусловно... являлся совестью Государственного контроля СССР.

Отчаянные эти вопли Л.З. считал также верхом наглости и политического лицемерия... если Мехлис плевать хотел уже двадцать лет на наши говенные идеалы, то вы хотите сказать, что... не думайте, гаврики... в Госконтроле нет дурачков... трудом искупите свою вину в...

Но, пробегая брезгливым взглядом... логически хитромудро организованный наборчик, понимаете, псевдомарксистских аргументиков... подавай ему, видите ли, подрывную работу в любом регионе... Л.З. вдруг почувствовал какую-то странную, даже, пожалуй, навязчивую направленность тошнотворного послания прямо на себя. Даже забыл о твердом решении кремировать партбилет с предварительным над ним надругательством.

Если бы не ужасная изможденность серого вещества, он мгновенно отреагировал бы на то, что вдруг почудилось между строк какого-то... как его?... Опелев... я бы расстрелял замполита с такой капфамилией прямо в логове фашизма... конечно, шпион... мессершмитт, понимаете, крупнов нашелся...

Замызганный треугольничек несчастного лагерного письмеца уже подладился от догорающей просьбы другого туповатого романтика... считать его секретарем лагерной парторганизации с пересчетом-вычетом партвзносов из...

Л.З. успел по-горно-орлиному наброситься на последнюю полоску письмеца... Примял быстро огонек и ползущую по краешку жгучую змейку тления... затрясшей его при чтении «ксивоты» зависти к тому, кто где-то там... посиживает, понимаете... но освободится со временем, если не подохнет от безумного удивления перед происшедшим... жить будет... бабы... пистон иваныч... выпивон степаныч... какая идеология?... какая политработа?..

Его начала наполнять вдруг всеразрешающая догадка, но стоять по слабости он уже не мог и поэтому присел прямо рядышком с толчком. Облокотившись на него снова, напомнил сам себе, как тогда с Ройтманом... удачлив был сифилитик в Разливе... чирикал, подлец, на пенечке, а власть сама перла ему в руки, тогда как... но отмахнулся от нелепых мыслишек и боялся взглянуть еще раз на остаток письмеца с обрывком одного слова «ым» и целым-целехоньким словом **инкогнито**. Оно чем-то походило на худющего, как Мефистофель, длиннущего и упоительно всемогущего фокусника в цирке детства. Черный плащ... белое, как маска, лицо... не верится, что он может быть...

Сначала Л.З. замер от счастья, умоляя сердце не разорваться... это был бы анекдотец... Затем сник... письмо попало в руки случайно... он

там не мог не знать, что Мехлису, понимаете, не до чтения всяких «ксив» и писулек... а если бы не прочитал?... оно уже горело... прах... а вот для того и существует, товарищ, политическое руководство... до вас дошло бы это иными путями... Партия знает, что такое историческая необходимость...

Л.З. как бы испытывал на прочность невообразимо хрупкую надежду... невидимую совершенно соломинку спасения. Прикидывал так и эдак. Сопоставлял. Презирал себя за детскую пронзительность доверия к чудесам гороховым...

И наконец, трепетно уверовал, что все обстоит именно так... именно так, а не иначе, потому что абсолютно ранее необъяснимая идея несусветных похорон... колонных... митингов... газеты... мировое общественное мнение коммунистических и рабочих партий... семья... соратники... кремация — все моментально вставало на свои места в полнейшем соответствии с художественно-политическим замыслом... гений... чистый гений... Мехлиса же надо убить... нет — мало убить... лишить партстажа... прости... прости... Счастье, что не кремировал партбилет... счастье...

Л.З. подполз под фотопортрет Хозяина, встал на колени и глубоко поклонился. Его трясло так, как ни разу не трясло за все эти безумные дни, от всеразрешающей догадки, пристыженности, признательности, от яростного сознания своей мозговой нерасторопности и ужаса перед тем, что могло случиться, если бы

он успел совершить... говнюк... диверсию в собственном организме... довести до инфаркто-инсультов... тут поповщина права... нельзя накладывать... но не случилось... спасибо... прости... прости...

Он обращался к Хозяину, как к отцу — на «ты», и, если бы тот сказал сверху: возьми штатский галстук и собственноручно удавись, Л.З. немедленно удавился бы восторженно и аккуратненько... да... аккуратненько... после того как схамил ему по телефону... приятного вампиршества... обвинил черт знает в чем, а главное, не разгадал далеко идущего... мало убить... убить мало... прости...

С трудом встав на ноги, подтянулся на цыпочках, поцеловал угол фотографии и приложился к ней лбом... прости... спасибо... я докажу... умру за тебя... прости...

Так и стоял некоторое время. А все случившееся за эти дни обрело в его голове окончательный смысл в свете изумительно счастливой догадки и потрясло непостижимой глубиной и стройностью... хорошо, что заквасил и глотнул коньячку... прости за подозрение в ядах... сейчас врезал бы уже дуба раньше похорон и сразу же после кремации... клянусь, Иосиф Виссарионович, подробно описать свой антипартийный сон и понести любое партийное взыскание вплоть до... клянусь... а ты, Семен, все равно ничтожество...

Л.З. почуял вдруг необыкновенное благодушие и даже пожалел, что сгорел лагерный адрес... как его?... вражеская фамилия... Клопш-

ток?.. Золлингенов?.. это была, я вам скажу, бритва... Бенц?.. Фольксвагенов?.. впрочем, таких, как этот тупой слюнтяй... полна Колыма... найдем работников поскромней, поумней и без ленинского аппендицита в черепе... Мехлис не искал, понимаете, подрывной работы... не кланчил и не надоедал писульками... работа сама нашла Мехлиса... а теперь... Хватит соплей, говнюк. Соберись с мыслями. Не забудь написать докладную в ЦК насчет поломанной мебели, уничтоженных произведений искусства, часов и прочего трофейного имущества... подлец... я бы на его месте после всего, что... никаких похорон... никаких словопрений и залпов... вон из партии — и гей навек в автономную еврейскую область...

Л.З. вынужден был прилечь. Прилег и подумал, что, если бы каждый настоящий советский человек мог увидеть при жизни собственные похороны, мы бы уже давно жили при коммунизме...

Ничего более чудесного, легкого, пьянящего, словно в юности бабы и удачи карьеры, давно уж не испытывал Л.З., чем валяться вот так... плевать на полный разор... на измождение... начинается новая жизнь и деятельность... подремонтируемся... чем валяться вот так и лакомиться... другого слова не подберешь... подробностями замысла Хозяина, за частичное постижение которых даже не жаль выглядеть в собственных глазах скудоумной, запаниковавшей крысой... но эту врачиху... дрянь сионистская... я не прощу... вот до этого Мехлис не опустится

ни-ког-да... тут уж вы будьте уверочки... не задумываясь дам на блядей показания... столько лет орудовать, понимаете, рядом с...

От размышления о Верлене и Версте Л.З. постарался отвлечься. Их роль во всей этой истории была ему совершенно не ясна... все откроется само собой... вполне возможно — они будут засланы вместе со мной... хотя там полно свежатинки... Восток... как бы то ни было... в принципе и строго между нами... ебал я верность Ленину и Сталину в лице этих моих многолетних личных провокаторш... Ильичу с Машиновским было не так приятно, как Мехлису... и то...

Л.З. не помнил более тяжелых дней в своей жизни. Бывали в ней смертельные опасности, провалы, удручающие ошибки, невыносимые соответственно взлеты и спасительные повороты, но таких вот дней, вытянувших из жил почти все силы жизни, сводивших с ума и, по сути дела, форсированно уничтожавших его личность... что-то, дорогие товарищи, Мехлис не припомнит... Все невыносимые для превозможения нормальным человеком унижения, а их Л.З. перенес немало и от *самого*, и от политбюровской шоблы, не говоря уж о кадровых военачальниках, показались ему вдруг дерьмом по сравнению со значением, придававшимся ему... вот что оказывается... Хозяином, с колоссальным доверием партии и, конечно, с важнейшей порученной ролью... будьте уверочки — кто-то, а Мехлис наведет там порядок в последней инстанции...

Встать Л.З. уже не мог. Но он и не понимал, в каком физическом состоянии находится. Ему и не нужно было этого, как он полагал, понимать, потому что он и теперь под тщательным наблюдением... Сталин всем им оторвет головы, если... в свой час подремонтируемся...

Вот он лежал и в полудреме обозревал поразительный замысел Хозяина... поколения будут славить его организаторские способности и умение работать с людьми... над Мехлисом, конечно, похохочут, но я им не желаю... в моей шкуре десяти минут... и в основных чертах замысел этот, любовно реконструированный Л.З., выглядел приблизительно так...

Рябая лапуля, бэ-зус-лов-но, признал правоту Мехлиса, откровенно изложившего свое резко отрицательное и принципиально враждебное отношение к содействию СССР... в области, понимаете, образования этого клерикального Жидостана... снимите, Иосиф Виссарионович, умоляю вас, галифе с любого Бен-Гуриона и с Голды Меир — и вы увидите, что каждый социал-демократ в первую очередь еврей, сионист и расист... уверяю вас: Голда — тщательно законспирированный гермафродит. Это данные английской и тайландской разведок... если бы, поверьте мне, наша Фурцева с Мариэттой Шагинян тоже были двуснастными, то они не были бы такими дурами... кроме того, некоторых советских евреев начнет тянуть как магнитом в родной Жидостан, потому что — это объективные данные своевременно запрещенной нами генетики — так называемый «еврейский воп-

рос», давно ушедший в небытие, продолжает смердеть не в социально-этнической плоскости, а кое-где, понимаете, поглубже... поглубже... что мы будем делать с учеными, композиторами, писателями, инженерами, администраторами и даже с талантливыми жуликами-снабженцами? Придется сажать в первую очередь врачей, бухгалтеров, различных Бусей... есть не трогать Бусей, Иосиф Виссарионович... всяких Ойстрахов, Пляттов и прочих Райкиных с Кобзончиками, пока они еще пребывают в змеенышах... Зачем нам совать в рот совевреям соску вековой мечты о Земле обетованной, когда мы имеем незаселенной одну шестую часть света, понимаете... я верну вам все ордена Ленина, если через два-три года Бен-Гурион не продаст Израиль США. И мы придем гораздо раньше к коммунизму, чем к ключевым позициям Персидского залива...

Много еще чего излагал во время памятного разговора с Хозяином Л.З., излагал с лакейским рвением, смущающим зачастую даже крайне циничных хозяев. Уверял, что трудовая и коммерческая практика хитрых кибуцев перечеркнет и резко скомпрометирует гениальную идею тотальной, насильственной коллективизации. Что евреи неизбежно организуют мобильные вооруженные силы, оснащенные последними новинками американской и советской техники, отбитой у арабов. Что в конце концов этот проклятый, предательский Жидостан, не задушенный нами, понимаете, еще в колыбели, станет опасным средоточием в смертельной борьбе с

главным противником — США и их сателлитами...

Сталин, казалось, пропускал мимо ушей и точные аргументы Л.З., но непонятно почему то и дело интересовался различными проблемами, связанными с феноменом гермафродитизма в некоторых отдельно взятых гражданах.

Л.З. вынужден был, потакая, очевидно, тайным, далеко идущим интересам Хозяина, выдумывать на ходу научно-похабные сведения и байки.

Так, например, когда он просто уморил Сталина рассказом об интеллигентной беседе голых Крупской, Розалии Землячки и Стасовой в номенклатурном номере Сандуновских бань, тот вызвал Поскребышева и приказал что-то записать. Л.З. обмер от ужаса, поняв, что погиб, если Хозяин решил проверить его разведданные о банном разговоре трех больших интеллектуалок нашей партии.

Надо сказать, что Сталин, с неясной для самого себя и подпитанной смутно ассоциативной мыслью железной логикой, приказал тогда секретарю срочно наладить производство технических гермафродитов, то есть отечественных амфибий с широким назначенческим профилем... на базе танка «КВ», но не «ИС»... Ход мысли вождя был, как всегда, непредсказуем.

После ухода секретаря попросил Л.З. еще раз повторить донесение наших замечательных разведчиц, работающих в бане. Л.З. подумал, что... начинается та самая партконференция о народорождаемости с Пушкиным и Бусей под

столом. Сам был не рад, что изоврался, но, рассказывая второй, третий, одиннадцатый раз, странно уверовал, что все так оно и было в Сандунах на самом деле, и мог бы чистосердечно подкрепить большевистскую уверенность партийной клятвой...

...Попивая холодное пиво и сдирая три шкурки с каспийских вобл, голые, распаренные до кардинальской лиловости, партайгеноссены вели разговор о необходимости создания в одной отдельно взятой стране искусственной теплой погоды.

— Это позволило бы нам прекратить производство кальсон и трико, а высвобожденные суммы бросить на увеличение выпуска детских тетрадей в клеточку. Нонсенс, но вся бумага идет знаете куда? — сказала Крупская.

— Знаем, — мрачно ответила Стасова. — Но без краткого курса мы не можем. Лучше иметь краткий, чем никакого длинного. Диалектично?

— Ты забыла, Надежда, что при коммунизме старости не будет. Ее навсегда ликвидируют. Что-то ты совсем перестала мечтать по-ленински.

— Мечты, мечты, где ваша сладость, — сказала Землячка, — смахивая с грифьевого клюва мутную каплю пота. — Я вот скрыла от партии, что являюсь с рождения гермафродитом, а сама мечтала всю юность быть коммунисткой, произвести революцию и переделать мир к лучшему. Мы победили, угробили уйму народа, разрушили царскую Россию, а пописать, извините, из мужского члена мне так и не удалось.

— Ах, не все ли равно, девчонки, из чего архиписать и квазимочиться? — воскликнула прекраснородушная идиотка Стасова. — Хотя я уже в пятнадцать лет верила, что революция навсегда покончит с месячными...

— Нет, не все равно, товарищи. Когда ты всю свою личную жизнь подчиняешь с юности воле партии и вдруг думаешь, что вот помрешь, а побрызгать тебе из мужского члена так и не удалось... это, знаете ли, крушение всех грез... Душу разъедают сомнения, стоило ли вообще городить огород, вступать и так далее?..

— Уверяю тебя, Розаличка, ты чудесно попишаешь именно из него при коммунизме, — воскликнула Крупская, выпучив базедовы очи на конспиративный лобок беспощадной чекистки и совести красного террора.

— Скорей бы уж, — устало ответила романтическая мечтательница, прикрыла скрытое от партии хозяйство дубовым веником и, виляя, как пожилая чернышевская девица, костлявым тазом, скрылась в клубах пара...

Сталин во время неоднократных повторений бесстрашно симпровизированной Л.З. байки не просто слушал и похихатывал, но думал... думал... думал...

Наконец, после того как Л.З. бухнулся ему в ноги и отчаянно взмолился:

— Не создавайте это государство, Иосиф Виссарионович!

Сталин отрезал:

— Мы проголосуем в ООН «за». Создание государства Израиль — дело, решенное историей...

И вот, полежав перед трудящимися в Колонном, кремировавшись, поучаствовав в траурном митинге на Красной площади и замурававшись в Кремлевской стене, Л.З. осознал, насколько Сталин был прав и дальновиден.

Теперь все становится на свои... местечки, дорогие товарищи... на свои местечки... спасибо, Коба, прости... прости... и положишься на Мехлиса... второй крымской операции не повторится... только ты мог повернуть в наше время такой грандиозный маскарадище... такой всемирный фокус-покус...

От каждой новой догадки до каждого нового втискивания многочисленных кусочков головоломки на свои места Л.З. косел, как косеют от очередных рюмашек розовые новички в делах суровой пьяни...

Больше всего его мучил один лишь, в сущности, вопрос: для чего?.. вот для чего, идиотина ты госконтрольная... Вася с Курской аномалии... Мехлиса выставляют в Колонном, кремируют и вмуровывают с высшими почестями, чтобы воздать ему должное за... на всех участках... ты понимаешь, что это — раз?.. при этом убивается второй зайчик: советские евреи отвлекаются от жуткой депрессии в связи со страхом массовой репрессии... если, понимаете, Мехлиса так хоронят, то, извините, нам можно теперь жить... Сталин — не Гитлер... разве трудно стать из-за этих врачешек антисемитами?.. да мы бы... своими руками... под агицын паровоз... это — два... и гарантия, что отъезд в таежные бараки будет проведен спокойно и на

классной организационной высоте... затем — в связи с широко освещаемой мировой прессой кончиной Мехлиса, дискредитируется буржуазное общественное мнение и бурно успокаивается совесть магнатов еврейского капитала, финансирующих восстановление и развитие народного хозяйства нашей Родины. Это — заяц номер три... охота, понимаете, не окончена... перестав существовать в умах современников, Мехлис перекантовывается навек в БСЭ на букву «М», рядышком с «Мехико», «меховой промышленностью» и турецким султанеусом Мехмедом II... зай гезунд... Мехлис двинулся на вечное сохранение памяти о нем в ваших, так сказать, сердцах, образно выражаясь, дорогие товарищи.. вы думаете: это все?.. это не все... то, что остается от Мехлиса, валяется не в какой-то там пепельнице, а пепельница вмурована и так далее, в рабочем порядке... нет... то, что остается... а ну-ка поглядим на то, что остается от Мехлиса и кто от него остается?.. но это еще — не четвертый зайчишко...

Кое-как поднявшись, но не реагируя на свое состояние, Л.З. доплелся до ванной. Опираясь по дороге на стены и вещи. Доплелся и, взглянув на себя в зеркало, не увидел ничего, кроме какой-то странной серовато-зеленой облупленности, похожей на засохшую харкотину в сортирах Госконтроля СССР для простых служащих. Отстранился, как бы налаживая фокус на резкость, — все то же самое: невыразительная облупленность... без намека на чью-либо персональность... Пощупал стену... амальгамностью

и не пахивало, как прежде... Вот-вот рухнул бы от очередной неизвестности и постылого сквозняка ужаса между ног, но радостно вдруг обмяк и пожурил себя саркастичной ухмылкой за рецидив недогадливости... дурак... зачем тебе зеркало?.. до знакомства с легендой привыкай к внешности какого-нибудь Лейба Вейзмирцурса... теперь ты — главный резидент Сталина на Ближнем Востоке и, возможно, генсек компартии Израиля... вот вам, товарищ, — заяц номер четыре...

Однако Л.З. не настолько отстранился от себя психологически, чтобы не попытаться как-либо зрительно убедиться в существовании... того, кто...

В столовой валялись приличные куски гра-
ненных, хрустальных стекол укокошенного вус-
мерть буфета. Поднял стекло. Приложил к чер-
ному манжету траурного камзола. Приблизил
согнутый, подрагивающий от легкого этого на-
пряжения локоть к глазам... и восхитился, со-
вершенно себя не узнав.

Разбитое стекло прекрасно отражало чье-то
лицо, до того не похожее даже на лицо востро-
носового Мехлиса в высококачественном гробу,
что Л.З. высоко оценил проделанную партией
работу... это по-деловому... зачем тратить валю-
ту на пластическую операцию?.. если бы, пони-
маете, во всем были такими вот экономами...
давно бы уж снизили цены на каракулевые па-
пахи... а какой поразительно красивый ход он
сделал с папахой... хорош был бы Вейзмирцу-
рес в генеральской папаше в центре Тель-Ави-

ва... все, товарищ Мехлис, зай гезунд... с партийным приветом... до новых встреч на мировой арене в тубетейке генсека...

Л.З. снова улегся, вернее, свалился в кровать, не замечая по-прежнему своего состояния, и происходило это оттого, что сама **жизнь** перестала в какой-то момент замечать Мехлиса. Она собирала монатки... не дай бог, что-нибудь позабыть... и ожидала смиренно положенного срока... чтобы присесть на дорожку... чтобы все, как у людей, перед провалом в ждущую ее и любящую тьму натурального безвременья...

Сознание Л.З., снова почуяв вдруг что-то неладное, слегка засуетилось... подозрительно долго не было мочеиспускания и отделения кала... все же умотал семгочки, севрюжки, калача с икрой... пил коньяк... странно... ах, неужели не понимаешь, что вместе с едой ты принял секретное средство, замедляющее... вот и все... как всегда — просто и гениально... у этих идиотов фантастов сверхлюди спят тысячелетиями в состоянии... атеросклероза?... цирроза?... биоценоза?... и летят несколько парсеков... что касается генсеков... я поставлю рябой папульке одно условие: открытые счета в банках Швейцарии, Бейрута, Касабланки и так далее... работы в этом регионе неупрочот... валюта со временем окупится во сто крат... он сам это прекрасно понимает и никогда не жалеет средств на стоящее дело... возьмем Курчатова... Он сжался в комочек от неслышного смеха, вспомнив одну из странных и диких выходок рябой милиги.

Хозяин говорил на заседании политбюро и

коллегии МГБ о необходимости похищения у США основных ядерных секретов и ряда новых технологических принципов, связанных...

— Неужели среди миллионов советских людей мы не можем найти двух-трех Робин Гудов, которые экспроприируют чертежи ядерной бомбы у империалистов и передадут их мировому пролетариату в лице наших Вооруженных Сил?.. Возьмем Курчатова и Королева...

Сказав последнюю фразу, Сталин сделал паузу и отошел к маленькому столику. Он молча занялся прочисткой трубки и набивкой ее папиросным табачком. Берия заерзал на стуле, взглядом спрашивая остальных членов политбюро, а также высших военачальников, приглашенных на заседание: «Как быть, елки-палки, господа?» Все благоразумно помалкивали. Сам Мехлис вдумчиво рисовал в блокноте Розалию Землячку с двумя снастями. Вдруг Буденный высказал мнение:

— Если товарищ Сталин сказал «возьмем Курчатова и Королева», значит, надо брать. Не нас же с вами...

Сказал он это внушительным шепотом и распушив усы. Берия быстро выскочил в секретариат и дал по телефону соответствующие распоряжения. Сталин еще не успел набить трубку. Закурив, он заговорил о дальнейшем развитии физкультуры и спорта в СССР и о выходе его на международную арену. Заседание окончилось.

Через некоторое время Сталин поинтересовался, как идут дела у Курчатова и Королева. Берия ответил, что оба дела закончены. Вскоре

состоится суд. Сталин спросил, по чьему распоряжению арестованы ведущие специалисты. «По вашему, — сказал Берия. — Вы сказали «возьмем Курчатова и Королева...» По совету Буденного мы их взяли немедленно...»

Сталин приказал немедленно доставить к нему Буденного, живого или пьяного — все равно. Берия лично снял усатого жеребчика с одной из умирающих балетных лебедей и доставил в кальянах, священно нестиранных со времен Гражданской войны, в Кремль. Правда, Буденный успел все же захватить с собой шашку, с которой не расставался даже во время половых актов. Он любил хвастаться, что с помощью именного оружия может превратить в постели любую корову в умирающего гуся-лебедя...

Ах, как отрешенно и славно обмирал от хохотунчика Л.З., вспоминая... Репин... просто — Репин... картину публичного унижения своего основного личного врага...

Сталин надавал пощечин Буденному, как по команде подставлявшему то левую, то правую щеку под руку вождя и учителя. После дюжины пощечин он продолжал по инерции вертеть башкой, пока Сталин не гаркнул «смирр-на!». Затем приказал маршалу взять шашку «на-го-о-оло» и немедленно сбрить усы.

Мехлис тогда встал на всякий случай поближе, дав понять присутствующим, что он заслонит Хозяина, понимаете, в нужный момент от...

Буденный моментально сбрил усы остройшей шашкой. Сталин приказал ему съесть усы.

Буденный давился, но ел под дружный, продолжительный хохот членов политбюро и собственное плебейское фиглярничанье. Затем Сталин распорядился послать Буденного с кавалерийским полком освобождать взятых Курчатова и Королева. Увидев из окон Генштаба боевую конницу-буденницу и краснощекого, чисто выбритого командира в заливхватски сбитой набок легендарной папахе, генералы и другие талантливые злодеи нашего времени будто бы поклялись в кратчайшие сроки закончить скачок от кавалерии к межконтинентальным ракетам и супербомбам.

Тем временем разгорелся последний и решительный бой конницы-буденницы с бдительной охраной лагеря тюремного типа, уже много лет дожидавшейся попытки освобождения врагов народа извне. Когда вся охрана была перебита и мастерски перерублена, лошадь маршала с ходу одолела шлагбаум у вахты и первой ворвалась через сорванные с петель ворота на территорию врага, то есть в зону. Все заключенные, особенно старые большевики и следовательно дзержинско-ежовского призыва, были уверены в том, что партия вырвала-таки наконец их родную власть из изуверско-узурпаторских лап грузинского бонапартишки. Повсюду появились грязные простыни с объективно антисоветскими лозунгами, как, например: «Даешь свободу!», «Мир хижинам — война дворцам!», «К широкому ответу нарушителей ленинской законности!» и так далее. Кое-кому из прибывших в кавалерийских шинелях стало ясно, что

простыни заготавливались подпольно, долго и впрок...

Буденный же рассвирепел так, словно нажрался не усов, а мощного японского возбуждающего средства. Он успел рассечь шашкой на ровные половинки двух старых зек. Сначала — бывшего своего сослуживца, демонстративно кичившегося глубокой порядочностью при звёрской ликвидации тамбовского восстания крестьян, а еще раньше при совершении прогрессивных еврейско-погромных рейдов на Украине. Затем — не узнавшего Буденного и потому бросившегося целовать его серебряные шпоры генерал-танкиста — давнившего, закланного врага кавалерии.

Буденный лично порубал всех пленных надзирателей. В живых оставил лишь одного дегенеративно-смазливового брюнета огромного роста с небольшой, сплюснутой с боков головой — явным даже для Буденного атрибутом натуры жалкой, бездарной, подловатенькой и малодушной. Кроме того, он — надзиратель — почему-то напомнил маршалу молодого Сталина на почитаемой всем советским народом тюремной фотографии. Да и вид у него был настолько рабски виноватый, словно он тоже часок назад угодливо сожрал свои скромные усы и усы товарищей по работе. Буденный, осадив перед ним лошадь, тупо задумался. Задача разрубки будущего трупа бывшего врага показалась боевому маршалу невыполнимой второй раз в жизни. Голова надзирателя была так мала, а туловище так несоразмерно громадно, что, с

одной стороны, можно было промахнуться мимо мозжечка, а с другой — не одолеть с маху всех двенадцати позвонков до самого копчика. Маршал решил, что тут позора не оберешься, — и надзиратель остался в живых.

А первый раз Буденный встал в тупик, ворвавшись с обнаженной шашкой в театральную уборную актрисы Яблочкиной, приняв ее — уборную — по невежеству за женский туалет. Актриса Яблочкина, кстати загримированная уже под Крупскую, властно сказала, что она, извините, пожалуйста, не Лукреция Карр, и предъявила справку от домоуправа о еще дореволюционной невинности. Актриса добавила, что скорее предпочтет быть зарубленной, чем отдастся нагрянувшему хаму. Буденный принял компромиссное решение. Он произнес фразу, вызвавшую впоследствии восхищение Сталина и зависть Л.З.: «Тогда, барышня, мы сейчас с вами кое-что всунем, а кое-что вытащим!»

После этого, зашабашив шашку в ножны, он попытался изнасиловать пожилую девицу. На ее счастье, мимо уборной проходили Ульянов-Ленин — нар. артист Щукин и человек с ружьем — засл. артист Б. Тенин. Ульянов-Ленин, заученно сделав гениальный прищур, узнал Буденного по портупее и мозолистым ягодицам и быстро скрылся на сцену, где в это время Сталин — нар. артист Геловани — бурно ратовал за предоставление усталому Ильичу внеочередного мертвого часа. Одним словом, артист Б. Тенин зазвал на помощь отдохавшего в курилке после ответственной реплики Сталина, и они

вместе сняли Буденного с Крупской за какой-то миг до хулиганской дефлорации. Увидев Сталина, пьяный, голожопый маршал так очумел от ужаса, что стал импотентом. А настоящий Сталин, полюбивший этот внутритеатральный эпизод, приказал тайно вызвать из Парижа ученика Фрейда, видного спеца по лечению импотенции у сильных мира сего. Фрейдист сразу же развел руками, потому что у его пациента Буденного полностью отсутствовало подсознание. Но все-таки сумел загипнотизировать маршала на дальнейшую половую работу...

Ах, как совершенно забылся Л.З., пока тихо тлели в его памяти мельчайшие подробности той нашумевшей в их кругу историйки, изрядно затем подпорченной и подсоленной фантазией скрытых врагов и легальными выдумками придворных подхалимов... ах, как он забылся... как самозабвенно и любовно заигрывал с жужжащей, щекочущей ножками и усиками стайкой жирных словесных мух... УСпех... УСкакать... УСлать... УСлужить... УСПокоение... УСтойчивость... УСтрица... УСькать... и никак не мог оторваться от лакомой байки...

Доставленных в Кремль Курчатова и Королева Сталин спросил:

— Вы поняли намек нашей партии?

— Расщепим... Оторвемся от... — хором поклялись будущие академики и герои.

— Похитим, — заверил вождя Берия.

— Дезинформируем, — примазался к делу века номер один Л.З.

Сталин благодушно приказал НИИ красоты

РСФСР разработать проект протезных усов для Буденного и создать их в двадцать четыре часа.

Захваченный конницей лагерь велено было перевести подальше от Москвы. Контингенту же добавить срока за враждебную вспышку ярких антисоветских надежд и порчу государственного имущества — простыней, а также предупредительной зоны и колючей проволоки...

...Умел... умел унижать, рябая ты наша панацея... но это была жизнь... это была настоящая, содержательная жизнь... кто еще пожил с 25 октября по старому стилю так, как пожил мы?.. Ленин?.. Троцкий?.. Гитлер?.. Николай, понимаете, Островский?.. Они имели тридцать пять лет **все сразу**, как мы?.. И пусть им будет стыдно за бесцельно прожитые годы...

Подумав так, Л.З. принялся разрабатывать планы подрывной работы на Ближнем Востоке и ряд мер по укреплению квалифицированных партийных, разведческих и диверсионных кадров... Первым делом организуем, наконец, экспедицию в Африку для заготовки крупногабаритных обезьяньих яичек, потому что Вейсмирцурес должен унаследовать от Мехлиса умение сочетать прелести личной жизни с тяжелыми партийными обязанностями... попрошу переправить меня не по воздуху, а морским путем... каюта... пара стюардессочек... ох, они увидят, как мы еще умеем кончать... недельку поболтаюсь по Парижу... Торез не раз говорил мне лично, что французские коммунисты готовы лезть за нами в огонь и в... наладить антисионистс-

кую работу в Европе... только не думайте, дорогие товарищи, что, науськав арабов на евреев, Мехлис подставит свою голову под курчатовские игрушки... хватит... мы — не бессмертны, понимаете, к сожалению... плевать я хотел на выставление и вмуровывание... часть жизни после полного ремонта организма и пересадки хозяйства должна принадлежать мне лично, так как... не думайте также, что Мехлис выложит всю валюту на партподрыбработу... кому-кому, а министру Госконтроля СССР прекрасно известны все методы хищения государственных средств в особо опасных размерах... я на этом собаку съел, но ни рубля не выкакал... генук... за все мои унижения и хворобы... за все, что пережил... ад... ад... ад... сбегу от вас к чертовой матери... две пластиковые операции в Швейцарии и... четыре сбоку — ваших нет... Мехлис... с беззаветной... на всех, понимаете, участках... дайте пожить... скрываюсь в Новой Зеландии до конца ваших дней... куплю пещеру, приму двух несовершеннолетних миклухо-маклаевочек... пропадите все пропадом... взрывайте этот проклятый регион вместе с арабами и евреями, но без мэ-ня... без мэ-эня... генук играть на моей кристаллической честности, а в это время... вот наУСькаю одних на других... выпьем в гареме за УСпех... переходим на УСтриц в ряд...

Думать Л.З. больше не мог. Сознание его лишь мерцало, дотлевая в сером, почти опустошенном веществе. В нем вдруг что-то стало тянуть, больно тянуть, как тянет иногда затягива-

ющуюся от краев сукровичную рану ожога. Но, в общем, по неисповедимому милосердию Ангелов, видимо сокрушенных прижизненными муками умирающей, бездушной особи, это был сравнительно безболезненный полусон.

Он то обрывался вдруг в холод тьмы, то вновь начинали в нем тлеть и вспыхивать последние образы этого мира, словно быстрые пробежки оранжевых искорок по почти невидимым пунктирным наметочкам Творца на первоначальных чертежных кружевцах дотлевающих вещей, вот-вот готовящихся превозмочь легкость воздуха бытия и невесомо взметнуться в...

Не так ли зимним вечером, когда посиживаем мы у родственного очага печи, костра или камина, отворотясь от враждебных вихрей вьюги и холодного равнодушия снегов, зачаровывают нас необъяснимой грустью... странным веселием сверхлегчайшего намека на существование чуда... музыкою, возвратившейся в сокровенное живое чрево первоначальной мертвой тишины... взметнувшиеся вдруг к иным мирам... искры гаснут на-а-а лету-у-у... души сгоревших вещей — соломинок, хвоинок, листвы, веток, древесности, еще не стряхнувшие с себя пепел их черт от нежелания... проститься на ма-а-асту-у-у... с костром, который в тумане светит?..

Все слова всего языка уже покидали понемногу серое вещество Л.З., когда он уловил слабым слухом звук открываемой двери, затем откровенно громкие шаги людей, деревянный

стук по паркетинам — волочили какую-то вещь — и, наконец, человеческие голоса. Они возникли не сразу и теперь приближались. Л.З. обмер от животворного волнения, такого же точно, какое охватывало его еще до налаженной работы памяти, в самом раннем младенчестве, когда звук человеческого голоса и бессмысленная его музыка обнадеживающе помогали ново-явленному существу превозмочь начальный ужас существования.

Мы можем только догадываться о неопишемом нашем опыте отношения к этому ужасу — ужасу, несомненно, более испытываемому и мучительному, чем все страхи смерти, вместе взятые, и вся изощренная работа нашего воображения, с ними связанная, — если даже самой феноменальной человеческой памяти с замечательной строгостью возбранено как-либо прикасаться к реакции крошечного комочка жизни на встречу с судьбой существования, а заодно и на первые проникновения в него неотвратимого чувства времени...

Не в том ли милый, неуловимо-лукавый, нежно-заигрывающий смысл любого собрания звуков, то есть гармонии, равно как и звука одинокого, в первые наши дни нелегкого обывкания с даром Жизни, что любые звуки кружатся, падают, трепещут, взвиваются, посиживают, перепархивают, носятся, словно птицы-ласточки, чайки, попугаи, воробушки, соколы, совы, журавли, синички, — одним словом, шастают любые звуки, пропадая и, к счастью, возникая

вновь, как раз промеж устранившим нас до ужаса бытием и вполне беззаботной вечностью.

И мы, того не замечая, всячески цепляемся за крылышки-перышки любых звуков, многократно взвиваемся вместе с ними и вместе с ними падаем многократно... удерживаемся до поры до времени от соблазна хватануть пошибче разноцветных пузырьков... ужасной прелести атмосферы бытия... Но вот превозмогаем наконец, не без помощи ангела-хранителя и, кстати, любимого нами оперения Его крыл, ни с чем не сравнимый — какая там кессонова болезнь! — перепад жизненных состояний.

И через какое-то время все звуки мира, лишаясь божественной свободы, попадают в плен либо к вещам, либо к явлениям и к живым тварям, не говоря уж о чудесном пленении звука словом, становятся звуки, на взгляд поверхностный, всего лишь рабскими свойствами всего их пленившего.

Но такова уж, думается нам, призывная сущность первоначальной свободы звуков и их бытийственного предназначения, что тайная деятельность Гения и войска Талантов непрерывно отворяет темницы бездарной немоты и вдруг благородно одухотворяет плененные звуки в дереве скрипки, в живой гортани, в обнаженных жилах арфы, в металлах труб, в сердечной речи, в словесной плоти, в чуткой глоточке птички-синички, в...

Услышим же, коль мы имеем слышащие уши, тяжкие, душераздирающие стенания тех, кто, ковыляя к известным пределам по колдоби-

нам пространства, пренебрегал услугами крылатых звуков, помогающих нам превозмогать вихри встречного времени и постоянную тягу времени попутного, и проклянем вместе с тем, не безжалостно, всех тех, кто не только пренебрегал и пренебрегает, но кто убивал и продолжает убивать собрание чистых звуков в напрасной попытке опоганить саму Душу Звучания многочисленными видами и способами насильственного обездушивания Языка, Дождя, Рек Рождения, Вершин Стихий, Образов Жизни и Смерти... Но проклянем безжалостно бездарную Власть Советов и душевно возблагодарим все Силы, поддерживающие нас в достойном следовании Судьбе...

Точно так же, как всевозможные звуки обнадеживающе помогали Л.З. превозмочь в младенческом состоянии начальный ужас существования, так и поддерживающе сопровождали они это недостойно прожившее существо к яминам исчезновения. Серое вещество вообразило их, разумеется, апартаментами резидентуры Л.З. в центре Иерусалима...

Сам Л.З., конечно, ничего не ведал, но, цепляясь за звуки шагов волочащегося по паркетинам предмета, цепляясь за слова людей, уже почти потерявшие для него всякий смысл, но убаюкивающие лишь звуками, вырвавшимися снова на вечную свободу вместе с остальными сокамерниками, он умоляюще торопил время. Торопил, как умеют и могут торопить время только дети, впрочем, не только дети, наивно убивая возможности жизни в коварных преде-

лах страстных ожиданий... скорей бы... скорей... скорей... между, понимаете, Мехико... меховой промышленностью... Мехмедом II... стоп... стоп... мы еще гульнем по Ближнему Востоку... на рысях... на большие дела... язви вашу душу, дорогие товарищи...

Л.З. и так казался бездыханным, законченным трупом, но дотлевающее под прахом плоти сознание прибавляло ему еще большей бездыханности в соответствии с сугубой конспиративностью момента. Он и истолковывал в угоду этому спасительному, ниспосланному Высшим Милосердием моменту все услышанное...

— Ну, хули ты загремел этим ебаным катафалком?

— А чего ты, собственно, все время «кусь-кусь», когда я с тобой «вась-вась»? Может, кажется, что...

— Мне ничего уже не кажется, потому что я опохмелился.

— Ну так и не хера.

— А не хера выламываться и пичкать вокзальных лярв байками о самодостаточности *географии*. Мы уже не студии с Моховой.

— Во-первых, не бухти так громко. Приказано было: стопроцентный швах?.. Во-вторых, я тебе еще раз официально говорю: *история* твоя без *географии* не может, а моя *география* без *истории* может.

— Официально?

— Официально.

— Если бы не история, то не существовало бы даже понятия «*география*». Понял?

— Как тебе известно, после трех штрафняков я ебу поголовно все понятия. Ебу — и все. И никто со мной ничего не может поделать. Тут понял на понял не прохезает.

— Официально?

— Официально. Я тебе, залитый глаз, не первый год внушаю, что *география* возникла задолго до *истории*. Что бы завоевывали твои Александры Македонские, если бы не было физической географии в виде Рубиконов, Альп и прочих Пиренеев?

— Куда этот командировочный пиджак подевался? Обычно я с одной ноздри труп унюхиваю.

— Не спеши. Без него не тронется паровоз, который говно возит.

— Врежем давай по стопашечке. Расширим сосудики.

— Официально?

— Официально.

Обнаружив коньяк, пришедшие выпивали, и Л.З. блаженно убаюкивало чоканье, жвяканье, отрыгиванье, очередные натужные алкоголические кряхтовыдохи, занюхивания рукавом принятого, шаги, перешептывания, сопровождаемые звучным рассовыванием краденых вещей по карманам... не можем без этого, понимаете... не можем... как они будут харкать кровью после моей докладной Сталину...

Зашуршали ассигнации... звякнули семейные драгоценности... трофейные антикварные безделушки...

— Я тебе сказал, сука, поставь на место?

— Что, он с собой все это захватит, что ли?

— Я сказал: поставь?

— Этим томам Фукидида цены нет. Им триста лет.

— О'кей. Тогда сдери с подрамника и притырь мне за спину Ван Гога.

— О'кей. Никаких паровозов не хватит на все эти трофеи...

Тут Л.З. тишайше встревожился... При чем «О'кей»?.. Товарищи, очевидно, из английской КП... Но при чем паровоз?.. в моем состоянии лучше всего... Но быстро успокоился... каждое слово закодировано... уж на это Сталин — величайший мастер конспирации... этого у него не отнимешь...

Он снова завис вместе со звуками между небом и землей...

— Это еще что за волосня под ногами? Кучерявая...

— Скальп. Да. Это — скальп...

— Может, притырить? Пусть пацаны играют в историю Нового Света...

— Вот что проститутки поганые делают с *историей* ради какой-то ебаной *географии*...

— Тут мы с *географией* разводим руками и пасс... большой пасс... только — без «ебаной»... иначе резко перехожу на «кусь-кусь»...

...говнюк... последний говнюк... надо было взять... прическу... показать Гуриону... лучший политкапитал... в доверие... спас от глумления после катастрофы...

— Будем людьми: отправим это вместе с ним. Там пригодится...

...просто... на лету схватывают... шалавы... это — работа...

— Можно было и не молотить шмутки перед отъездом... как, сучий мир, охота после себя хоть потопчика.

— Тсс-с... помянем кучерявого... Подонки!.. Снять скальп! Подонки!

— Царство тебе Небесное... кровавый мученик *истории*...

— Молчим... молчим... Царство Небесное... пошевеливаемся...

— Минуточку... где мой талмуд?... тут все рядом... врачаха Рабинович подождет... генерал-лейтенант Мильштейн... тоже подождет... Глузману с Минцем спешить некуда...

— Что-то много ихнего брата отправляется туда последнее время...

— Тсс...

— Плевать хотел штрафняк на конспирацию... если так будет продолжаться... у народа прекратится *история*... *история* прекратится, ублюдки...

— *География* — против... не позволим... уважаем... тут мы, Вась-Вась, кланяемся вам с *историей* в ножки... оф-фи-ци-аль-но... наливай... тут вы, Вась-Вась... двадцать веков обходились без нас с *географией*... от души... плачем, ломая указки... но *география* вас ждала... верняк... Ждала веками...

...не думаю, что сработаемся с Рабинович... впрочем... только очень хороший врач мог позволить себе нарушить клятву бюрократа... в присутствии Мехлиса... Мильштейн?.. кажется,

способный разведчик... не хватало мне еще Кагановича... рыть метро из Каира в... не срабатуюсь... вместо Минца и Глузмана потребую одного Тарле...

Многолетняя привычка принимать желаемое за действительное, столь свойственная всем козлоногим советским свиньям, взгарцевавшим на Вершину Власти, близка была к обретению формы законченной и совершенной в истлевающем сознании Л.З... проблему кадров лучше решать на месте... что же эти шалавы тянут резину... хочется по большому... ладно... тоже на месте... с сортирами там будет худо... Ему даже не хватило умственной энергии для полного отождествления двух интеллигентных ханыг с теми самыми учителями, успевшими нагло совратить аппетитных школьниц — его Верочек, — хотя с первых дней войны, как мы помним, Л.З. сделал все от него зависевшее, чтобы угробить «гангстеров первой ночи» в штрафнях — любимой забаве препрохабного беса Войны... Что-то шевельнулось в прахе памяти... что-то готово было ожить в ней и вышвырнуть Л.З. напоследок в разверстый ад действительности, но не ожило, на его счастье, когда оба санитары, работавшие в правительственном морге и подхалтуривавшие по ночам в моргах больничных, подошли наконец к «клиенту»... быстрее... быстрее... быстрее...

— Надо же, Вась-Вась... столько лет наши сволочи Верки харились с этой неузнаваемой образиной... говори после этого об *истории*...

— Теперь за все уплачено. Кроме того, мы немислимы без уродств и трагедий...

— Готов резко парировать... рреззко... рраз-зливай духи-одеколончики... плевать мне на время истории...

— А мы положили с прибором на ваше пространство... духи-то музейные... мадам де Сталь. Вась-Вась, как она закалялась!!! Как она закалялась!!!

— Разливай... так закалякивалась сталь... не плачь, душа моя... не плачь на реках вавилонских... и не рыдай над рекою Москвою...

— Спасибо... духи... духи... мадам, положив между титек надушенный платок, ввалилась к Людовику... как они пошли!.. я выжрал целый капитал... оживаю!.. спасибо!.. как же, скажи, не рыдать, когда мы, русские, продолжаем подло обсирать *историю*, несмотря на безбрежность *географии*, а у ихнего брата вся *география* две тыщи лет лишь в мозгу умещалась, да и сейчас она на пяточке вроде Рязанской области... пррек-ло-няю-юсь... И это, Вась-Вась, нечто почище *истории*... тут я трезветь начинаю... тут загадкой самой жизни пахнет... какая еще история могла бы выжить без *географии*?.. А эта выжила и вновь в свою *географию* вливается... кровь в жилы вливается... Я за это вот самое евреев ужасно как обожаю... Ужжжасно... и жизнь обожаю... А когда их бить начинают и обижать, тогда мы с историей пррротестуем... пррротестуем... Не завидуй жизни и непомерной ее тяжести в веках без *географии*... не бойся, гад большевистский, жизни... бери пример,

как проходить надо сквозь огонь, воду и медные трубы, блядь... преклонись перед народом, который первым Господу Богу под руку попал, но, несмотря ни на что... теряю мысль перед тайной еврейской истории... несмотря ни на что... не отвратился от Бытия, но живет... но живет, повинный лишь в навевании на нас ужаса и непреодолимого удивления перед своей бесстрашной, превысившей все нормы терпения страсти *жить*... Что же, скажите мне, может быть страшней, чем *жить*?.. Ни-че-е-го... Но я о-обожаю... Еще раз официально заявляю: *жизни* не убьешь... и евреев не убьешь до окончания *истории*, потому что... потому что... теряю мысль... хотя вот этот цуцик евреем не имеет права называться и считаться... он есть — инкогнито...

— Это — да-с... духи — не сивуха и даже не коньяк... озябчик пробежал по параллелям и меррри... согласен... полностью адекватен в этом вопросе... не умеем жить, Вась-Вась... не хотим жить... не желаем уважать родную *географию*... прозевали собственные горы, моря, леса, реки... с известной низменностью, и в результате — никакой возвышенности... теперь суем свиное рыло в чужие *географии*... не хотим жить и другим не даем... склонен также полагать, что не мы не хотим, а нам не дают...

— Кто?

— Тсс-с... нужен этим красным проституткам берег турецкий и Африка им зачем-то нужна... поганцы... поганцы, Вась-Вась... указкой — по пальцам... по рукам поганым... указкой... указкой... ввон из класса, выродки...

— Без родителей — не приближаться на пушечный выстрел «гавроры»... наливай... за тебя... зза вас с *географией*.

— Нет, позволь, я за тебя и за вас с *историей*.

— Официально?

— Официально...

...кажется, пахивает пятьдесят восьмой... несколько пунктов... анонимно дать знать Руденко... это — агония марксизма, если народ лакает трофеи французской революции, как «Рижское» пиво... дальше некуда... агония... Л.З., возможно, зашевелился бы от невозможного уже нетерпения, но работяги, порыгивая и восторженно дегустируя букет своих отрывков, приступили наконец к делу.

— Этого приказано — инкогнито. Кинь ему на рыло портянку и волокни, как дворянку.

— Его и так не узнать. Берись, *история*!

— Рраз-два взяли, *география*! Весу в гаврике с хуеву душу. Это тебе не Жданов!

— Легче канать до места назначения.

— Пошли, Вась-Вась... бригада «УХ» работает до двух...

— Бригада «ОХ» кантуется до четырех...

— Срезали угол... бригадушка «ЭХ» упирается за всех... стоп... стоп.

...готовимся в космос, понимаете, взвиться... никак не присобачим колесиков к носилкам гробов... компроме...

...себя на каждом... ша... все-таки даже так... наша работа идет... в Турции... в Африке... я вам покажу, сволочи, понимаете, на Ближ...

— Куда ты денешь балалайку? Это же арфа!

— Тебе известно, кто играл на этом инструменте?

— Официально... нет.

— Мария Стюарт.

— Помянем жертву дворцовой интриги!

— Ладно. Рраз так, то допьем де Сталь, а ты сбацай что-нибудь на дорожку... пускай инкогнито внимает гуслям и кимвалам перед попаданием на место назначения...

— Господи, прости Шотландию!

— Вве-ли-ко-душно и офф-ициально... мо-ой костер в ту-умане све-е-етит...

— И-и-скры га-а-аснут на-а ле-е-ету-у...

— А-ы-ы на-ачью на-а-ас ни-и-и-кто не встре-е-е-тит...

— Мы-ы-а пра-а-астимся на-на-а ма-а-а-асту-у...

Л.З. весь вдруг сжался и задрожал от миллионов иголок, кольнувших каждую клеточку кожи и коченеющей утробы. Это был озноб проникновения в плоть состава звуков, вырвавшихся из-под заплетающихся пальцев ханыги.

Искореженные, измороженные струны рванулись к звучанию с такою горестной силой, как будто их убитые недочеловеком собратья успели все же передать спасшимся запасы жизни, и горестность звучания была столь душе-раздирающе чиста, пронзительна и поистине безупречна, что убийца, чье лицо прикрито было собственной его старой портянкой, испытал, возможно, первый раз в жизни чувство причастия своей испохабленной малости к ве-

ликодушно открытому Целому. А славные ханыги, никак, конечно, не ожидавшие такого неожиданного потрясения своих натур от ничего вроде бы не значащего костра в тумане... искр, гаснувших на лету... непрекращающегося всю жизнь прощания на мосту... и пьяной стаи звуков, лишь напоминавшей, но точно не повторявшей желанную мелодию, вдруг зарыдали, обнявшись, от любви к жизни, от ужаса жить и от чисто русской вины за мелкие и крупные разочарования в даре существования...

Л.З., исколотый иголочками волшебного озноба, то ли скорчился слегка, то ли слегка шевельнулся — так шевелятся и корчатся в очаге остатки всего сгоревшего, несмотря на отсутствие движений воздуха, — и оба ханыги остолбенело замерли...

— Слышал?

— Этта... мадам де Сталь с Марией Стюарт переговариваются...

...ах, как они вскоре похаркают кровью... все прогнило донизу... тихо думал Л.З. при последних шевелениях сознания, хотя звуки голосов продолжали его убаюкивать...

Живые люди еще поддали. Затем один из них сказал, обращаясь непосредственно к чувству долга:

— Рраз-два... взяли...

— Ссама... пошла... приглядывай за музыкальным инструментом... и главное — тсс...

Носилки качнулись, поплыли, несомые живыми руками живых людей, и Л.З. объяла блаженная бездумность первых дней существова-

ния, когда он, убаюканный звучанием мира и человеческой жизни, проваливался в родную тьму Предвечного. Возвращаясь из нее от резких рывков, виражей, толчков и наклонов, чуял бок о бок с собою арфу, безвозмездно делившуюся с ним древесным теплом и неслышным присутствием вздремнувшего до поры до времени собрания Звуков. Л.З. был уже абсолютно бесполезен сам для себя и для покидаемой Вселенной... И от всей Вселенной послана была...

— Мо-о-ой ка-астер... вв ту-у-мане све-е-етит...

— Искры-ы-ы... га-а-аснут ны-ы-а-а ли-и-иту...

— Безобразия, понимаете... что это вы тут распелись, господи? Вы что...

— Ма-ал-чать, сукина вошь...

— Морг правительства канает... ссс... ге-а-а-гра... и ис-торрией..

— Но-о-очью на-а-ас... а-а-а ни-и-икто ни-и-и встретит...

— А-а-а мы-ы-ы пра-астиммм-ся ны-ы-а-а ма-а-асту... ха-ха-ха-ха...

Л.З. трясло вместе с зашедшимися от хохота ханыгами. И он все хотел как-нибудь увернуться от черт знает откуда взявшегося мельтешения над ним трех отвратительно старых, мерзкогрудых, сухожопых фурий Октябрьской революции — Крупской... Стасовой... Землячки... Стасовой... Землячки... Крупской... зем... ста... кру... Они мельтешили над ним в клубах грязно-затхлого пара, вобравшего в себя все злово-

ние восстания черни против медленного произрастания жизни в благостном перегибе Времен.

Они бешено хлестали друг друга колюче-железными метлами, пытаясь выпарить и выхлестать из себя впитанную светлую кровь всех убиенных невинных, но из них выпаривалась черная кровь, и капли черной, холодной крови набирались в проваливающиеся под портянкой, в проваливающиеся все глубже глазницы Л.З., пока не наполнили их до самых краев, так что ему было окончательно тошно попытаться приоткрыть смеженные черной кровью веки... Но это было еще не все...

Нам совершенно неизвестно: кто уж в тот миг занимался сведением концов с концами во восторженувшейся вдруг памяти Л.З., без всякой к тому же надежды на дохождение до отходящего безжалостного смысла этого сведения. Вполне возможно, произошло оно от предельно счастливой тоски бухого горлодерства двух отчаянных личностей...

— На-а пра-аащанье ша-а-а-ль с кы-ы-а-ай-мо-ою...

— Ты-ы ны-ы-а ми-и-не узлом сы-ы-а-трани...

— Ка-а-к ка-ан-цы-ы ее с ты-а-бою...

— Мы-ы-а сха-а-дились вы-ы э-э-эти дни-и-и...

Вполне возможно. Скорее всего — так оно и было...

Л.З. привиделась мама... мамочка... старенькая... милая... седая... она тихо сказала: *«Левочка... встань с другой ноги в жизнь... или возьми за мой ум и перевернись на другой бок... Партийная работа — это не цимес...»*

Л.З. захотелось-таки заплакать и ответить маме. *Да... это, понимаете, далеко не цимес...* но в тот же самый миг он уже был не в силах приоткрыть смеженные веки под черною кровью, наполнившей пустые глазницы, и шевельнуть ввалившимися навсегда губами — узенькой лужицей черной крови...

И от всей Вселенной — возвратимся назад на несколько абзацев, — от всей Вселенной послана была в знак скромного прощания с отходящим... с отошедшим Л.З., в тот момент, когда вихри московского февраля сорвали на миг портянку с мертвого лба покойника... послана была случайно слетевшая с уличного фонаря небольшая вчерашняя снежинка, что, согласимся, не так-то уж мало в момент удаления из Бытия бесполезного и отблуждавшего свое человека.

Новая Англия, 1984 — 1985

ЮЗ АЛЕШКОВСКИЙ СМЕРТЬ В МОСКВЕ

Выпускающий редактор *Е.В. Толкачева*
Художественный редактор *Т.Н. Костерина*
Технолог *С.С. Басипова*

Оператор компьютерной верстки *И.В. Соколова*
П. корректоры *В.А. Жечков, С.Ф. Лисовский*

Издательская лицензия № 065676 от 13 февраля 1998 года

Подписано в печать 03.02.2000. Формат 70х90/32.

Гарнитура Таймс. Печать офсетная.

Объем 12 печ. л. Тираж 8000 экз.

Изд. № 1193. Заказ № 649

Издательство «ВАГРИУС»

129090, Москва, ул. Троицкая, 7/1

Получить подробную информацию о наших книгах и планах,
авторах и художниках, истории издательства, ознакомиться
с фрагментами книг, высказать свои пожелания и задать
интересующие Вас вопросы Вы сможете, посетив сайт
издательства в сети

Интернет: <http://www.vagrius.com>

Электронная почта (E-Mail) — vagrius@vagrius.com

Издание осуществлено при участии
ООО «Фирма «Издательство АСТ»

ISBN 5-264-00240-1

9 785264 002403 >

Отпечатано на ордена Трудового Красного Знамени
ГУП Чеховский полиграфический комбинат
Министерства Российской Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
142300 г. Чехов Московской области
Тел. (272) 71-336, факс (272) 62-536

В МОСКВЕ

ЮЗ АЛЕШКОВСКИЙ

Юз Алешковский

9. Денежные средства, находящиеся на текущих счетах коммерческих предприятий, а также в кассе, предназначены за пять рублей номинала денег.

В МОСКВЕ

